

КОРОЛЬ ЛИРЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Лиръ» былъ написанъ Шекспиромъ между 1605 и 1606 годами. Достоверно извѣстно то, что въ декабрѣ 1606 года онъ уже былъ представленъ на театрѣ «Globe». До Шекспира сюжетъ «Лира» былъ извѣстенъ и обработанъ не одинъ разъ; однако же онъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, не обратилъ на это вниманія и, воспользовавшись тѣми же самыми матеріалами, какими пользовались его предшественники, воспроизвелъ такую драму, съ которой могутъ сравниться немногія и между его собственными драмами.

Преданіе о Лирѣ заимствовало Шекспиръ изъ своей любимой хроники Голиншеда; впрочемъ, оно вовсе не принадлежитъ ей исключительно, во-первыхъ, потому, что и Голиншедъ уже заимствуетъ свой рассказъ отъ Джеффри Монмаутскаго, а во-вторыхъ, потому, что преданіе объ отцѣ, подѣлившемъ свои владѣнія между неблагодарными дѣтьми, составляетъ общее достояніе всѣхъ европейскихъ народовъ и повторяется во многихъ старинныхъ сборникахъ народныхъ сказаній. Такъ, напримѣръ, въ «Gesta Romanorum» рассказывается то же о Θεодосіи *мудромъ римскомъ императорѣ*, что въ англійскихъ литературныхъ хроникахъ о Лирѣ. На томъ же самомъ преданіи основанъ и знаменитый французскій романъ: «La très elegante delicieuse mellifiue et très plaisante hystoire du très victorieux et excellentissime Roy Perceforest Roy de la grande Bretagne». Но такъ какъ Голиншедъ передаетъ рассказъ Джеффри Монмаутскаго въ сокращеніи, а Шекспиръ, заимствовавшій отъ Голиншеда сюжеты и другихъ своихъ драмъ, вѣроятно, не обращался къ источнику, а руководствовался тѣмъ изложеніемъ преданія, которое онъ нашелъ у Голиншеда, то мы и передадимъ читателямъ преданіе о Лирѣ и его дочеряхъ, какъ оно рассказано въ этой хроникѣ.

«Лейръ, сынъ Бальдуда, сталъ править британцами въ 3105 году отъ сотворенія міра, въ то же время, когда Іоавъ правилъ іудеями. Этотъ Лейръ былъ правителемъ весьма благороднымъ, и всѣ его владѣнія и подданные пользовались полнымъ благосостояніемъ. Онъ построилъ городъ Керлейръ, что теперь зовется Лейстеромъ, и лежитъ на берегу рѣки Соры. О немъ пишутъ, что у него отъ жены не было другого потомства, кромѣ трехъ дочерей: Гонорильи, Реганы и Кордейльи. Очень любилъ онъ этихъ трехъ дочерей, но особенно младшую, Кордейлью, которую предпочиталъ обѣимъ старшимъ. Лейръ, достигнувъ глубокой старости и сдѣлавшись ворчливымъ, задумалъ однажды испытать своихъ дочерей и подѣлить между ними свое королевство, смотря по степени ихъ любви къ нему. Онъ, съ этою цѣлью,

спросилъ старшую изъ нихъ, Гонорилью, на сколько она къ нему привязана. Та стала призывать всѣхъ боговъ въ свидѣтели и клялась, что любить его болѣе своей жизни, которая, конечно, должна бы для нея быть дороже всего на свѣтѣ. Очень довольный такимъ отвѣтомъ, Лейръ обратился и ко второй дочери своей съ тѣмъ же вопросомъ. Регана отвѣчала, что любить его болѣе, чѣмъ языкъ человѣческій можетъ выразить и гораздо болѣе всѣхъ остальныхъ существъ. Послѣ того подозвалъ къ себѣ Лейръ младшую дочь свою Кордейлю и спросилъ ее, въ какой степени она его любитъ. Она отвѣчала: «Мнѣ извѣстно, какъ вы меня любили и какъ постоянно обо мнѣ заботились, а потому и не могу ничего сказать

200

вамъ, кромѣ того, что думаю и что согласно съ моею совѣстью. Клянусь, что всегда любила васъ, какъ отца, и буду точно такъ же любить васъ, пока останусь жива; если же вамъ угодно ближе узнать любовь, которую я къ вамъ питаю то будьте увѣрены, что я люблю васъ лишь настолько, насколько вы того заслуживаете, и никакъ не болѣе».

«Отецъ, недовольный такимъ отвѣтомъ, подѣлилъ всѣ свои владѣнія между старшими дочерьми и половину владѣній отдалъ имъ даже при жизни. Гонорилью выдалъ онъ за герцога Корнвалльскаго, который назывался Геннигомъ а Регану — за герцога Альбаніи, по имени Маглана.

«Случилось, однакоже, что Аганиппъ, одинъ изъ князей Галліи (*что нынче называется Франціей*) прослышавъ о красотѣ, скромности и хорошихъ качествахъ Кордейли, пожелалъ на ней жениться. Лейръ тотчасъ же согласился выдать за него свою дочь, но объявилъ заранѣе, что не дастъ за ней ничего въ приданое, потому что всѣ владѣнія его уже переданы ея сестрамъ и закрѣплены за ними. Несмотря, однакожъ на этотъ отвѣтъ, Аганиппъ все же взялъ себѣ Кордейлю въ жены, полюбивши ее и ея добродѣтель. Когда же Лейръ еще болѣе состарѣлся, то обоимъ герцогамъ, его зятямъ, показалось слишкомъ долго ожидать полного господства надъ всею страной. Тогда они возстали на него и отняли у него власть подъ условіемъ содержать его въ теченіи всей его жизни. На этомъ основаніи стали они выдавать ему нѣкоторую сумму на поддержку его двора; но спустя нѣсколько времени, Магланъ и Геннигъ и ее значительно сократили. Всего тяжелѣе для Лейера было, однакоже, видѣть безстыдство его дочерей, которымъ — какъ бы мало онъ ни получалъ — все казалось, что онъ получаетъ слишкомъ много. Итакъ, пришлось ему сначала переѣзжать отъ одной дочери къ другой, а потомъ дойти до такой крайности, что онъ могъ держать при себѣ только одного слугу. Мало того, безстыдство и безчеловѣчіе его дочерей дошли до того, что онъ вынудили отца бѣжать изъ отечества, отправиться въ Галлію — и тамъ искать себѣ утѣшенія у младшей его дочери, Кордейли. Какъ только леди Кордейля прослышала о томъ, что онъ прибылъ въ такомъ бѣдственномъ положеніи, тотчасъ же послала ему тайкомъ значительную сумму денегъ, чтобы онъ имѣлъ возможность запастись всѣмъ необходимымъ и пріискать

себѣ прислугу, которая бы ухаживала за нимъ и служила съ почетомъ, приличнымъ его сану. Потомъ пригласила его со всею свитой ко двору. Онъ прїѣхалъ и такъ радостно, ласково, съ такимъ истиннымъ почтеніемъ принять былъ дочерью и зятемъ, что на сердцѣ у него поотлегло: ему оказывали такія почести, какъ если бы онъ самъ былъ королемъ надъ тою страной. Тутъ Лейръ сообщилъ зятю и младшей дочери, какъ поступили съ нимъ старшія, и зятю его Аганиппу тотчасъ вздумалось отомстить за обиды Лейра, возратить ему прежнія права его, для чего и повелѣлъ онъ собирать большое войско и готовить сильный флотъ.

«Рѣшено было, что и Кордейля будетъ сопровождать отца своего въ Британію, что отецъ введетъ ее во владѣніе всею страной, которая по его смерти должна будетъ перейти къ ней, какъ къ единственной наслѣдницѣ, между тѣмъ какъ всѣ прежнія условія со старшими дочерьми и ихъ мужьями будутъ уничтожены.

«Когда войско было собрано и флотъ снаряженъ, Лейръ съ дочерью и зятемъ отплылъ къ берегамъ Британіи, высадился на нихъ и сразился съ мужьями своихъ старшихъ дочерей которые и пали въ битвѣ. Лейръ послѣ того снова сталъ править своимъ королевствомъ и правилъ цѣлые два года, послѣ чего умеръ, ровно черезъ сорокъ лѣтъ по вступленіи своемъ на престолъ. Его тѣло было погребено въ Лейстерѣ, близъ города, въ склепѣ подъ каналомъ Соры.

«Кордейля, его младшая дочь, наслѣдовала ему въ 3155 году отъ сотворенія міра, за пятьдесятъ четыре года до построенія Рима. Пять лѣтъ она благополучно правила государствомъ; въ это время супругъ ея скончался, а подъ конецъ пятого года возстали противъ нея ея племянники, Морганъ и Кунедатъ, сыновья ея изгнанныхъ сестеръ, почитавшіе стыдомъ для себя то, что ими управляетъ женщина. Племянники эти взяли ее въ плѣнъ, бросили въ темницу — и тамъ она до того натерпѣлась горя, что какъ ни была мужественна, однакоже, подъ конецъ, потерявъ всякую надежду на освобожденіе, сама наложила на себя руки» («Quellen des Shakespeare in Novellen, Märchen, Sagen», часть III, стр. 3—8).

Вотъ преданіе о Лирѣ, какъ оно рассказано въ хроникѣ Голиншеда. Шекспиръ понялъ все достоинство того драматическаго сюжета, какой представлялъ ему рассказъ хроники самъ по себѣ. Но, видно, онъ не любилъ простыхъ, незапутанныхъ сюжетовъ: *единство дѣйствія* казалось ему синонимомъ однообразія. Могучій геній его нашелъ возможнымъ сплотить въ «Лирѣ» двѣ драмы въ одно цѣлое, представить удивленнымъ современникамъ двухъ различныхъ страдальцевъ, цѣлую бездну людской неблагодарности и жестокосердія, и рядомъ съ ними

нѣсколько дивныхъ, рѣдкихъ и тѣмъ еще болѣе прекрасныхъ чертъ истинной честности, доброты и справедливости. Такъ пришло въ голову Шекспиру сплести съ преданіемъ о Лирѣ, покинутомъ дочерьми, другое преданіе объ

отцѣ, который былъ пристрастенъ къ своему незаконному сыну и несправедливъ къ законному, а подѣ конецъ былъ не только лишенъ своимъ побочнымъ сыномъ всего имѣнія, но даже и зрѣнія. Эту часть драмы — отношенія Глостера къ Эдмунду и Эдгару — заимствовалъ Шекспиръ изъ «Аркадіи» Филиппа Сиднея, появившейся въ свѣтъ въ 1590 году. Достаточно будетъ привести небольшой отрывокъ изъ этой части книги, которая послужила матеріаломъ для Шекспировой фантазіи, чтобы убѣдиться, какъ буквально передалъ и здѣсь Шекспиръ главную канву разсказа, смягчивъ, однако, нѣкоторыя дѣйствительно-рѣзкія и грубыя подробности.

Вотъ этотъ «Разсказъ слѣпца» (изъ «Аркадіи» Сиднея): «Въ законномъ супружествѣ, отъ жены, которая была достойна произвести на свѣтъ истинно-царственныхъ дѣтей, прижилъ я сына, котораго вы здѣсь видите. Я питалъ въ отношеніи къ нему самыя радостныя надежды до той поры, когда онъ былъ уже въ силахъ ихъ оправдать. Около этого времени привлекъ меня къ себѣ мой побочный сынъ и заставилъ меня сначала охладѣть къ законному сыну, потомъ возненавидѣть его, потомъ, наконецъ, осудить его на смерть. Если бы я сталъ вамъ разсказывать, какими путями довелъ онъ меня до этого, то вы ужаснулись бы того ядовитаго коварства, той безстыдной лживости, утонченной злобы и того скрытаго высокомерія, какія могутъ скрываться въ одномъ человѣкѣ. Но я не буду о томъ говорить и ни о чьей порочности, кромѣ своей не хочу теперь и думать; если бы я сталъ укорять его, могло бы показаться, что я стараюсь оправдать себя. Короче сказать, я дошелъ до того, что отдалъ приказаніе нѣсколькимъ изъ моихъ слугъ — которыхъ я считалъ такими же безбожными злодѣями, какимъ былъ самъ — отвести сына моего въ лѣсъ. Но и эти, злодѣи оказались болѣе сострадательными, чѣмъ я; они отпустили его и пощадили его жизнь. Въ одной изъ сосѣднихъ земель поступилъ онъ по найму въ военную службу и научился переносить бѣдность. Въ то самое время, когда его должны были значительно повысить за важныя, оказанныя имъ заслуги, услыхалъ онъ, что случилось здѣсь со мною. Слѣпо довѣрившись моему безчеловѣчному побочному сыну, я такъ ему поддался, что и гроза, и милости постоянно исходили только отъ него, а всѣ важныя мѣста и должности заняты были его сообщниками; когда же я нѣсколько опомнился, то увидѣлъ, что я только по имени былъ королемъ. Но онъ мнѣ и этого имени не оставилъ: онъ вскорѣ свергъ меня съ престола и приказалъ выколоть мнѣ глаза. Послѣ того онъ прогналъ меня — не заключилъ въ темницу и не убилъ, словно потѣшаясь надъ моимъ бѣдствіемъ... Не многіе изъ подданныхъ моихъ, движимые состраданіемъ, рѣшались подавать мнѣ милостыню, единственное мое средство къ пропитанію; но никто не осмѣливался направлять моихъ шаговъ. Тогда-то поспѣшилъ сюда мой сынъ, моя опора. Онъ позабылъ мою постыдную несправедливость въ отношеніи къ нему, онъ пренебрегъ угрожающею ему опасностью, онъ отказался отъ предстоявшаго ему счастья. Не стану описывать его заботъ обо мнѣ; но меня болѣе всего тревожитъ то, что онъ за мою ничтожную жизнь подвергаетъ свою жизнь опасности: какъ ни презираетъ меня нынѣшній правитель, однакоже, не упуститъ случая устранить со своей дороги того, кто можетъ современемъ потрясти его тронъ своими законными притязаніями и своею прославленною

добродѣтелю. Потому-то и просилъ я его взвести меня на вершину этого утеса съ тѣмъ, чтобы избавить его отъ сообщества со мною, которое постоянно угрожаетъ ему смертию. Но онъ понялъ мою тайную мысль, — и въ первый разъ въ жизнь ослушался меня», и т. д. («Quellen des Shakespeare in Novellen», часть 3-я, стр. 7—16).

Очень замѣчательно то художественное чутье, которое побудило Шекспира усилить нѣсколько вялый рассказъ Голиншедовой хроники новыми, живыми и прекрасными чертами и, въ то же время, заставило смягчить рассказъ Сиднея о неблагодарномъ побочномъ сынѣ, гдѣ многое, повидимому, казалось Шекспиру возмутительнымъ. Несмотря, однакоже, на всѣ смягченія, часть драмы, заимствованная Шекспиромъ изъ «Аркадіи» Сиднея, заключаете въ себѣ до сихъ поръ сцены, которыя — по крайней мѣрѣ при нынѣшней постановкѣ «Лира» — остаются возмутительными, и даже на крѣпкіе нервы Шекспировыхъ современниковъ, у которыхъ было гораздо болѣе, чѣмъ у насъ, привычки къ кровавымъ и потрясающимъ трагедіямъ, сцены, подобныя выкалыванью глазъ Глостера (дѣйств. III, сц. IV), должны были производить весьма тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Но нельзя не видѣть преднамѣренности и строго-обдуманнаго расчета въ той потрясающей обстановкѣ, какую великій поэтъ придалъ своей драмѣ. Неблагодарность — отвратительнѣйшее изъ всѣхъ другихъ свойствъ человѣческой природы — обращается въ неслыханное, чудовищное преступленіе, когда оно проявляется, въ дѣтяхъ относительно родителей, которые ихъ взростили и

воспитали, которые всё пожертвовали для устройства их судьбы и упрочения их благосостояния. Шекспир глубоко сознавал это и, зорко проникая во все изгибы человеческого сердца, понял, что, избирая в основание своей драмы горькую судьбу отца, покинутого неблагодарными детьми, лишенного крова и пищи, оставленного на произвол судьбы, он не мог этому основному содержанию дать обстановку простую, обыденную, потому что главное событие драмы само по себе уже выходит из ряда всего, что может назваться обыденным. И действительно, Шекспир употребил все усилия на то, чтобы фон картины соответствовал происходящему на первом плане: измены, продажность, животные стремления, гонимая добродетель в нищете, торжествующее злодейство, незнающее границ своей наглости, борьба ненасытных страстей, борьба необузданных стихий — вот чем обставлена потрясающая история Лира. Великий художник чрезвычайно удачно умел выставить неблагодарность детей, как главную причину всех последующих бедствий и несчастий, как для той так и для другой стороны: презрены святейшие узы, связывающие детей с родителями, и тем самым как бы разорваны все общественные связи — сама природа с ужасом взирает на то, что делают люди! И вот на этом-то мрачном фоне еще явственнее, еще ярче выступила вся трагически-потрясающая история отношений Лира к его детям, выступила так, как ни у одного из Шекспировых предшественников, почему и подбавляла сильно на его современников, между тем как прежние обработки того же сюжета едва заслуживали их внимания. И в самом деле, драматическая обстановка «Лира» способна поразить всякого внимательного наблюдателя. В ней видим мы множество мелких, но законченных характеров; изумительное сплетение небольших, но оригинальных и глубокообдуманных сцен. Тут нет ни одной лишней подробности ни в словах, ни в действиях; каждое лицо не только вполне соответствует своему назначению, но и представляет собою существенно необходимую часть целого драматического действия. Все второстепенные лица — начиная от герцогов Корнуальского и Альбанского, с их женами, от шута, Кента и Эдгара, и оканчивая Освальдом, дворецким, стариком-поселянином и тем слугою, который убивает Корнуалля — все носят на себе отпечаток живых людей, со свойственными им речами, действиями, страстями и пороками. Можно утверждать положительно, что ни одна из Шекспировских драм, в отношении отдаленности частных драматической обстановки, не может сравниться с «Лиром», и если, по общему приговору критиков, «Макбет» признается величайшей из драм Шекспира по развитию главного характера, то, конечно «Лира» можно назвать лучшей из драм его, по законченности и превосходству обработки второстепенных характеров.

Главный интерес всей драмы сосредоточен на четырех лицах: на Лире и Корделии, на Глостере и Эдмунде, именно — на Эдмунде, а не на

Эдгаръ, котораго роль, собственно говоря, соответствуетъ, по нравственному значенію, роли Корделии. Эдгаръ остается постоянно на второмъ планѣ, вѣроятно, потому, что Шекспиръ не хотѣлъ допустить никакой симметріи въ расположеніи и отношеніяхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; и надобно отдать ему полную справедливость въ томъ, что онъ здѣсь не только угадалъ одно изъ первѣйшихъ требованій со стороны эстетическаго достоинства драмы, и чрезвычайно ловко умѣлъ воспользоваться неравенствомъ взаимныхъ отношеній между этими четырьмя главными лицами для оживленія и увеличенія разнообразности дѣйствія.

Въ характерѣ Лира Шекспиръ очень рѣзкими чертами показалъ, до чего можетъ ослѣплять человека высокомеріе, основанное на его положеніи во главѣ общества. Привычка къ власти, привычка видѣть всѣхъ передъ собою покорными, преклоняющимися, почтительными или даже льстивыми, воспитала это высокомеріе въ Лирѣ и побудила его сдѣлать тотъ шагъ, который окончательно рѣшилъ его судьбу, разбилъ его существованіе, уничтожилъ спокойствіе его души, его миръ съ совѣстью и — что всего важнѣе — приравнялъ его къ другимъ людямъ.

Самовластіе, развитое въ Лирѣ многими и многими годами славнаго, блестящаго и спокойнаго царствованія, дѣлаетъ его, конечно, какъ и всякаго другого, менѣе всего способнымъ къ самообладанію. Вообще добрый и незлопамятный, Лиръ, однакоже, не знаетъ границъ въ гнѣвѣ, позабываетъ все, даже собственное достоинство, и становится изъ мудраго правителя неразумнымъ ребенкомъ, способнымъ на самый безразсудный шагъ. Именно такой безразсудный поступокъ разгнѣваннаго Лира составляетъ завязку драмы и главную пружину всего ея дальнѣйшаго развитія.

Ослѣпленный минутнымъ поводомъ въ гнѣву — прямымъ и простымъ отвѣтомъ скромной Корделии — Лиръ разомъ прогоняетъ съ глазъ своихъ и любимую, лучшую изъ дочерей своихъ, и вѣрнаго слугу, стараго Кента. Онъ въ ту минуту не только неспособенъ внимать голосу истины, но даже и оцѣнить благородство французскаго короля, который беретъ за себя

безприданницу — Корделию; онъ даже болѣе способенъ сочувствовать бургундцу, такъ осторожно уклонившемуся отъ невѣсты, послѣ того какъ у нея отняли приданое, въ которое онъ былъ страстно влюбленъ; однимъ словомъ, Лиръ, ослѣпленный гнѣвомъ, становится способнымъ даже на мелочную мстительность. Немного проходитъ времени, а уже вся ложность и натянутость отношеній между Лиромъ и его дочерьми начинаетъ обнаруживаться сначала равнодушіемъ и невниманіемъ ихъ къ Лиру, а потомъ и открытымъ неуваженіемъ къ его власти и значенію. Тутъ старому королю невольно приходитъ въ голову прямодушная Корделия: безобразіе его ошибки и грубость его несправедливости тяжелымъ камнемъ падаютъ на его сердце. Страшная буря начинаетъ бушевать въ его душѣ; но онъ еще не хочетъ сознать всей громадности своей ошибки; онъ еще старается утѣшить себя тѣмъ, что обѣ дочери его не равны, что только одна Гонерилья подъ льстивою внѣшностью скрывала змѣиную душу. Впрочемъ, приближенные не ободряютъ его, нисколько не заботятся о томъ, чтобы поддержать его самообольщеніе, въ которое онъ и самъ начинаетъ плохо вѣрить: «Гонерилья и Регана — одного поля ягодки», повторяетъ Лиру, вслѣдъ за шутомъ, его собственный внутренний голосъ.

Въ страшномъ волненіи, съ тяжелой тоской ожиданія на сердцѣ, приѣзжаетъ онъ въ пустой замокъ Реганы, а потомъ въ замокъ Глостера, гдѣ ждетъ его не разочарованіе, а то, что онъ уже предугадалъ, что онъ почти предвидѣлъ. Его слуга, закованный въ колодки, попадаетъ ему прежде всего на глаза и, конечно, подтверждаетъ всѣ глубоко скрытыя въ сердцѣ опасенія Лира относительно Реганы. Вотъ почему Лиръ здѣсь является уже не тѣмъ яростнымъ Лиромъ, какимъ проявился онъ въ первой сценѣ или потомъ въ замкѣ Гонерильи; онъ уже видитъ, что ему не на кого болѣе надѣяться, что онъ не болѣе, какъ *бѣдный старикъ*. Въ своемъ разговорѣ съ безсердечною Реганой и грубымъ Корнваллемъ, Лиръ долго борется между безсильною яростью и невыразимымъ отчаяньемъ; но сознаніе полной беспомощности лишаетъ его послѣднихъ силъ, наноситъ ему окончательный ударъ: онъ уже не въ силахъ проклинать — онъ можетъ только плакать, плакать кровавыми слезами отца, отогрѣвшаго ехиднѣ на своей груди. Вотъ почему спѣшитъ онъ покинуть замокъ Глостера, котораго ворота съ шумомъ запираются вслѣдъ ему, потому что Реганѣ и Корнваллю кажется опаснымъ этотъ беспомощный старикъ.

Много различныхъ чувствъ волновало грудь Лира въ то время, когда онъ въ темную и бурную ночь бродилъ по степи и потомъ укрывался подъ убогимъ кровомъ шалаша; такъ много передумалъ и перечувствовалъ онъ въ эти нѣсколько часовъ, что все начало смущаться и перемѣшиваться въ головѣ его. Переходъ отъ состоянія полной растерянности — сначала къ разладу между мыслью и словомъ, потомъ къ оступленію и, наконецъ, къ первымъ припадкамъ сумасшествія — все это очерчено у Шекспира неподражаемо хорошо. Но лучше всего въ этой превосходной сценѣ 3-го дѣйствія то, что

Лиръ только тутъ, испытавъ на себѣ всю тяжесть грубой силы чужого самовластья, начинаетъ вглядываться въ себя и видитъ себя такимъ же слабымъ, ничтожнымъ, какъ и всѣ окружающіе его люди; смутное сознаніе того, что и онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, выражается у него въ дружескомъ, привѣтливомъ отношеніи къ мнимо-сумасшедшему голяку Тому, котораго заботливо прикрываетъ онъ своей царственной одеждой. Но эти послѣднія искры сознанія мало-по-малу потухаютъ, и Лиръ, не выдержавъ столькохъ послѣдовательныхъ ударовъ, сходитъ съ ума.

Тутъ снова счастье начинаетъ улыбаться Лиру: Корделія съ войскомъ спѣшитъ на помощь ему и на защиту его законныхъ правъ. Она беретъ Лира подъ опеку своихъ нѣжныхъ ласкъ и предупредительности; за Лиромъ ухаживаютъ, Лира лѣчатъ, Лира окружаютъ всевозможными почестями и заботами. Несчастный старикъ приходитъ въ себя; онъ узнаетъ свою дочь, свое любимое дитя, отвергнутое изъ пустой прихоти — радость свиданія съ Корделіей служить для Лира новымъ испытаніемъ, которое не менѣе всѣхъ прежнихъ дѣйствуетъ на него, приводя, однако, къ тому же результату, то-есть доказывая ему всю суетность, все ничтожество его прежняго высокаго мнѣнія о себѣ и своемъ могуществѣ. Съ минуты свиданія Лира съ Корделіей, онъ совершенно сливаетъ свое существованіе съ ея существованіемъ и, словно утративъ свой прежній характеръ, остается совершенно безличнымъ возлѣ своей милой Корделіи, которой каждый шагъ, каждое слово наполняютъ его радостнымъ трепетомъ. Весьма естественно послѣ этого, что Лиръ умираетъ на сценѣ, принеся въ объятіяхъ своихъ мертвую Корделію — онъ и не *можетъ*, и не *долженъ* пережить ее.

Основными чертами чрезвычайно легко и нѣжно обрисованнаго типа Корделіи являются, безъ сомнѣнія, ея стыдливая сдержанность и такая прямота и правдивость, которыя не допускаютъ ни малѣйшаго разлада между словомъ и дѣломъ. Она рѣшается говорить только въ крайнихъ случаяхъ, когда вынуждаетъ ее къ тому необходимость или когда у нея не хватаетъ силъ и

умѣнья сдержать въ себѣ потокъ словъ, которыя сами просятся къ ней на уста — и тогда она въ немногихъ словахъ высказываетъ многое, говоритъ краснорѣчивѣе умѣлыхъ. Она боится выказать передъ кѣмъ бы то ни было свои чувства, почему и должна казаться нѣсколько холодною, но чувства слишкомъ много въ ея нѣжномъ и прекрасномъ сердцѣ, и оно иногда способно пересилить всѣ преграды, какъ, напримѣръ, въ извѣстной сценѣ, при чтеніи письма, о которомъ посланный рассказываетъ Кенту. Но сдержанность и кротость Корделіи не мѣшаютъ ей дѣйствовать съ изумительной энергіей въ тѣхъ случаяхъ, когда внутреннее чувство говоритъ ей, что для спасенія отца не слѣдуетъ терять ни минуты, что надо спѣшить ему на помощь. Въ такія минуты Корделія готова на самыя неотступныя мольбы и краснорѣчивыя просьбы, на принесеніе всего въ жертву одному чувству!

Весьма трудно рѣшить, почему именно Шекспиръ заставляетъ Корделію погибнуть въ концѣ своей драмы, и опять также неравномѣрно оканчиваетъ тѣ двѣ соотвѣтствующія половины, изъ которыхъ сплочень его «Лиръ», какъ неравномѣрно съ самаго начала расположилъ ихъ. Невозможно согласиться съ Гервинусомъ (II, 209), который рѣшаетъ этотъ вопросъ черезчуръ формально, утверждая, будто Шекспиръ потому заставилъ Эдгара восторжествовать надъ всѣми превратностями судьбы, а Корделію погибнуть, что, въ строгомъ смыслѣ, Корделія болѣе виновна, чѣмъ Эдгаръ, и виновна именно въ выборѣ средствъ къ спасенію своего отца, *для котораго она рѣшилась вторгнуться въ предѣлы своего отечества съ враждебною арміею*. Повторяемъ, что такія соображенія и предположенія кажутся намъ черезчуръ натянутыми, почему и трудно предположить, чтобы они могли руководить гениемъ Шекспира при созданіи развязки того великаго драматическаго узла, который онъ, со свойственнымъ ему искусствомъ, умѣлъ запутать на славу. Не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что мрачный, трагическій конецъ Лира и Корделіи тѣсно связанъ съ тѣмъ, вообще, мрачнымъ настроеніемъ Шекспирова гения, которымъ отличается весь третій и послѣдній періодъ его дѣятельности, и что это направленіе могло проявиться въ «Лирѣ», какъ одной изъ его послѣднихъ пьесъ.

Мы совершенно правильно отнесли характеръ Эдмунда къ числу важнѣйшихъ въ «Лирѣ». Около него дѣйствительно вращается значительная часть всего дѣйствія: его судьба занимаетъ собою весь конецъ драмы; онъ наполняетъ своею личностью и ея грозными проявленіями всѣ тѣ сцены, гдѣ не видимъ ни Лира, ни Корделіи. Основною чертою его типа является та непринужденная наглость и безстыдство, которыя всегда помогаютъ человѣку лгать безъ зазрѣнія совѣсти и надѣвать на себя любую личину, дѣйствуя постоянно подъ вліяніемъ одного преобладающаго побужденія — во что бы то ни стало проложить себѣ дорогу, хотя бы при этомъ нужно было перейти черезъ трупы отца и брата. Эдмундъ не просто узкій эгоистъ; онъ и не слѣпой злодѣй, способный находить наслажденіе въ томъ злѣ, которое онъ совершаетъ. Эдмундъ — богато одаренная натура, но натура глубоко и рано испорченная, а, слѣдовательно, имѣющая возможность воспользоваться своими необыкновенными дарованіями только во вредъ ближнимъ. Геніальность Эдмунда высказывается въ каждомъ шагѣ его, въ каждомъ словѣ, потому что ни одного шага, ни одного движенія не дѣлаетъ онъ, не обдумавъ, и такое постоянное обдумыванье до того изсушаетъ и голову, и сердце Эдмунда, что онъ становится старъ не по лѣтамъ, что онъ научается управлять даже тѣми порывами молодыхъ страстей, противъ которыхъ такъ слаба бываетъ пылкая, легко соблазняющаяся юность. Только на очень простыхъ и прямыхъ людей — такихъ напримѣръ, какъ Альбани — Эдмундъ постоянно производитъ впечатлѣніе непріятное; но о подобныхъ людяхъ Эдмундъ не заботится нимало, потому что не считаетъ нужнымъ ихъ опасаться. Пренебрегая всѣмъ и всѣми, попирая ногами то, что люди привыкли считать святымъ и прекраснымъ, Эдмундъ уже хватается за герцогскую корону, когда насмѣшливая судьба, одинаково равнодушная и къ злу, и къ добру, насылая на

него грознаго мстителя, въ лицѣ Эдгара, стираетъ съ лица земли и злодѣя, и его злодѣянiя.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о Глостерѣ, котораго плачевная судьба служить такою рѣзкою параллелью несчастiямъ Лира. Глостера никакъ нельзя упрекнуть въ тѣхъ свойствахъ характера, которыя были главною причиною всѣхъ бѣдствiй Лира; въ Глостерѣ видимъ мы просто очень добраго, безкорыстнаго и недалъновиднаго человѣка, который легко поддается всѣмъ постороннимъ влiянiямъ, можетъ быть, потому, что привычка постоянно находится при Дворѣ, необходимость уживаться съ крутымъ и властолюбивымъ Лиромъ, уничтожили въ немъ всякую самостоятельность. Глостеръ представляетъ намъ типъ царедворца, воспитаннаго подѣ желѣзною рукою Лира, привыкнущаго инстинктивно преклоняться передъ его произволомъ, а потому неспособнаго взглянуть смѣло въ лицо повелителя, который принуждаетъ его дѣйствовать противъ всѣхъ его убѣжденiй. Слабость характера заставляетъ его примиряться

205

съ безчеловѣчными проявленiями Лировыхъ дочерей и Корнвалля; слабость характера и губить его точно такъ же, какъ высокомерiе и самоувѣренность властолюбiя губить могучаго Лира. Вотъ почему, вѣроятно, страданiя Глостера, какъ они ни ужасны, менѣе возбуждаютъ въ насъ сочувствiя къ себѣ, чѣмъ бѣдствiя Лира, которыхъ причины приходится искать гораздо глубже — въ самыхъ основахъ его величаваго, царственнаго типа.

Со включенiемъ перевода А. В. Дружинина, помѣщеннаго въ нашемъ изданiи, мы имѣемъ шесть полныхъ переводовъ этой трагедiи на русскiй языкъ и одинъ большой отрывокъ (все первое дѣйствiе). Вотъ ихъ полный титуль:

1) Леаръ. *Трагедiя въ пяти дѣйствiяхъ, взятая изъ творенiй Шекспира Н. Г. (Н. И. Гнѣдича). Спб. Въ типографiи Императорскихъ театровъ 1808. (Въ 8-ую д. л., стр. I— IV и 1—103). Переводъ сдѣланъ съ французской передѣлки этой трагедiи Дюсиса.*

2) Король Лиръ. *Трагедiя въ пяти дѣйствiяхъ. Сочиненiе Шекспира. Перевелъ съ англiйскаго Василiй Якимовъ. Спб. Печатано въ типографiи Х. Гинце 1833.*

3) Король Лиръ. *Трагедiя въ пяти дѣйствiяхъ, Шекспира. Переводъ А. Дружинина («Современникъ», 1856, т. СХ, № 12, отд. 1 стр. 169).*

То же. Отдѣльное изданiе. Спб. Въ типографiи П. А. Кулиша. 1858.

То же. Перепечатана въ «Собранiи Сочиненiй А. В. Дружинина» (1865, т. III, стр. 3).

4) Король Лиръ. *Трагедiя въ пяти дѣйствiяхъ Шекспира. Переводъ В. Лазаревскаго. Спб. Въ типографiи В. Головина. 1865.*

5) Король Лиръ. *Шекспира. Переводъ съ англiйскаго Н. Кетчера*

(Шекспиръ, 1877. ч. VIII, стр. 1).

6) *Король Лиръ. Трагедія Шекспира. Переводъ А. Л. Соколовскаго. Спб. Въ типографіи Ландау. 1884*, также въ изданіи его же всего Шекспира.

Кромѣ названныхъ полныхъ переводовъ «Лира», мы имѣемъ еще одинъ большой отрывокъ, изъ этой трагедіи:

Первое дѣйствіе Шекспировой трагедіи «Лиръ». Переводъ М. Вронченко («Московскій Телеграфъ», 1832, ч. 47, отд. I, стр. 472).

206

КОРОЛЬ ЛИРЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Лиръ, король Британіи.

Король Французскій.

Герцогъ Бургундскій.

Герцогъ Корнвалльскій.

Герцогъ Альбанскій.

Графъ Кентъ.

Графъ Глостеръ.

Эдгаръ - сынъ Глостера.

Эдмундъ - побочный сынъ Глостера.

Куранъ - придворный.

Старикъ поселянинъ, вассалъ Глостера.

Врачъ.

Шутъ.

Освальдъ - дворецкій герцогини Гонерилы Альбанской.

Офицеръ при Эдмундѣ.

Джентльмэнъ изъ свиты Корделии.

Герольдъ.

Слуга герцога Корнвалльскаго.

Гонерилля – герцогиня Альбанская }

Регана – герцогиня Корнвалльская } дочери короля Лира.

Корделия }

Рыцари - изъ свиты Лира, офицеры, гонцы, воины и свита.

Дѣйствіе въ Британіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Тронная зала во дворцѣ короля Лира.

Входятъ: Кентъ, Глостеръ и Эдмундъ.

КЕНТЪ. Казалось мнѣ, что у короля сердце лежитъ больше къ Альбани, чѣмъ къ герцогу Корнвалльскому.

ГЛОСТЕРЪ. Всѣмъ намъ оно казалось; однако при раздѣленіи королевства вышло иначе: каждому доля взвѣшена такъ ровно, что ни тотъ, ни другой не сумѣетъ выбрать себѣ лучшей части.

КЕНТЪ. Это вашъ сынъ, милордъ? *(Указываетъ на Эдмунда.)*

ГЛОСТЕРЪ. Я принялъ на себя его воспитаніе. Когда-то я зачастую краснѣлъ, говоря о немъ; теперь я привыкъ къ этому.

КЕНТЪ. Я васъ не понимаю.

ГЛОСТЕРЪ. Но мать этого молодца понимала меня: талія ея округлилась, и она добыла себѣ сына въ колыбель, прежде чѣмъ мужа въ постель. Вы чувствуете грѣхъ?

КЕНТЪ. Не могу сожалѣть о томъ, что онъ свершился, когда онъ далъ такой прекрасный плодъ.

ГЛОСТЕРЪ. Но у меня есть законный сынъ, нѣсколькими годами старше, но я равно люблю обоихъ. Хотя этотъ буянъ нѣсколько беззастѣнчиво явился на свѣтъ Божій, прежде чѣмъ его попросили, но мать его была прекрасна. Много пріятныхъ минутъ доставила мнѣ ея любовь, и потому я обязанъ признать его. Знаешь ли ты этого вельможу, Эдмундъ?

ЭДМУНДЪ. Нѣтъ, милордъ.

ГЛОСТЕРЪ. Такъ запомни же имя милорда Кента, какъ имя моего достойнаго друга.

ЭДМУНДЪ. Я всегда готовъ къ услугамъ благороднаго лорда.

КЕНТЪ. Вы мнѣ нравитесь - и я узнаю васъ покороче.

ЭДМУНДЪ. Постараюсь заслужить вниманіе ваше.

ГЛОСТЕРЪ. Девять лѣтъ его не было на родинѣ, и скоро онъ опять уѣдетъ. Король идетъ.

(За сценою слышны трубы.)

207

Входятъ: Лиръ, Герцогъ Корнвалльскій, Герцогъ Альбанскій, Гонерилья, Регана, Корделія и свита.

ЛИРЪ.

Король Французскій и Бургундскій герцогъ?
Принять ихъ, Глостеръ!

(Глостеръ уходитъ.)

Мы же между тѣмъ
Передадимъ нашъ замыселъ давнишній.
Подайте карту королевства!
(Приносятъ карту,) Знайте

Всѣ, здѣсь стоящіе, что на три части

Мы раздѣлили наше государство
И твердо вознамѣрились, сложивши
Съ себя заботы трудной царской власти,
Безъ ноши на плечахъ плестись ко гробу.
Пора дать мѣсто юношамъ.
(Обращаясь къ герцогамъ.) Приблизься,
Нашъ милый зять и сынъ, Корнвалльскій герцогъ,
И ты, Альбани, столько жъ намъ любезный.

(Герцоги и ихъ жены подходятъ.)

Пора вамъ знать, какое мы даемъ
Приданое за дочерью и чѣмъ
Предупреждаемъ будущіе споры.
Король Французскій и Бургундскій герцогъ,
Въ меньшую дочь влюбившіеся нашу,
Соперники и гости дорогіе,
Теперь отвѣтъ получаютъ. Дѣти наши,
Скажите намъ - какъ мы уже теперь
Сдаемъ и власть, и выгоды отъ власти -
Которая изъ трехъ насъ больше любитъ,
Чтобъ мы могли за большую любовь
Воздать теперь же большею наградой.
За Гонерильей, какъ за старшей въ родѣ,
Рѣчь первая.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Сэръ, васъ люблю я больше,
Чѣмъ выразить то можно слабымъ словомъ,
Чѣмъ свѣтъ очей, пространство и свободу,
Чѣмъ красоту, богатство, честь и жизнь.
Слова безсильны предъ такой любовью,
И голосъ мой слабѣ словъ моихъ!

КОРДЕЛИЯ (въ сторону).

Что жъ дѣлать мнѣ? Любить, молчать и только!

ЛИРЪ (указывая на картъ Гонерилью).

Весь здѣшній край, отъ той черты до этой,
Съ тѣнистымъ лѣсомъ, пышными лугами,
Съ богатствами полей и рѣкъ обильныхъ,
Мы отдаемъ тебѣ съ твоимъ потомствомъ
Въ владѣнье вѣчное. Теперь, что скажетъ
Дражайшая вторая наша дочь,
Регана Корнваллійская?

РЕГАНА.

Съ сестрою

Одной породы и цѣны мы обѣ,
На всѣ слова ея горячимъ сердцемъ
Даю я полное мое согласье,
Съ однимъ лишь добавленьемъ. Я считаю
Себя врагомъ всѣхъ радостей земныхъ
И счастье всей жизни вижу только
Въ моей любви къ высокому отцу.

КОРДЕЛІЯ (*въ сторону*).

О, какъ бѣдна Корделія! Но все же
Ея любовь сильнѣе словъ такихъ.

ЛИРЪ (*указывая на картъ Реганъ*).

Изъ рода въ родъ тебѣ съ дѣтьми твоими
Даемъ мы эту треть владѣній нашихъ.
Не меньше въ ней обилія довольства,
Чѣмъ въ долѣ первой.
(*Корделии.*) Ну, мое дитя,
Меньшее - не послѣднее, предметъ
Любви и спора двухъ владыкъ могучихъ!
Что скажешь ты, чтобъ заслужить отъ насъ
Часть лучшую, чѣмъ сестры? Говори!

КОРДЕЛІЯ. Государь, ничего.

ЛИРЪ. Ничего?

КОРДЕЛІЯ. Ничего.

ЛИРЪ.

Изъ ничего не выйдетъ ничего.
Подумай и скажи.

КОРДЕЛІЯ.

Я такъ несчастна -
Моей любви не высказать словами.
Я, государь, люблю васъ такъ, какъ мнѣ
Мой долгъ велитъ - не больше и не меньше.

ЛИРЪ.

Какъ? какъ, Корделія? Исправь немного
Ты рѣчь свою, чтобъ не было бѣды.

КОРДЕЛІЯ.

Сэръ, вы мнѣ дали жизнь и воспитанье,
Любили вы меня - и я, какъ должно,
За то плачу любовію моей
И преданностью, и повиновеньемъ.
Зачѣмъ же сестры, васъ однихъ любя,
Живутъ съ мужьями? Если мнѣ придется

Отдать мужинѣ руку, съ нею вмѣстѣ
Возьметъ онѣ часть любви, заботѣ и долга.
Когда бѣ я одного отца любила,
То замужѣ бы не вышла никогда.

Лирѣ.

Отъ сердца рѣчь твоя?

Корделия.

Да, государѣ.

Лирѣ.

Такѣ молода и такѣ черства ты сердцемѣ!

Корделия.

Я молода, но не боюсь я правды.

Лирѣ.

Пусть будетѣ такѣ. Пускай же эта правда
Тебѣ приданымѣ служить. Здѣсь клянусь
Святымѣ сіяньемѣ солнца, темной ночью,
Движеньемѣ сферѣ, дающимѣ жизнь и смерть,
Что отрекаюсь отъ заботѣ отцовскихѣ,

208

Отъ кровной связи, отъ любви всегдашней
И отчуждаюсь отъ родства съ тобою
Отнынѣ и навѣки. Дикій скиѣ
И людоѣдѣ, свою семью сожравшій,
Для сердца моего милѣе будутѣ,
Чѣмѣ ты, когда-то наша дочь.

Кентѣ.

Король!

Лирѣ.

Молчать: не смѣй соваться между змѣемѣ
И яростью губительной его!
Ее любилѣ я, ей хотѣлѣ подѣ старость
Я ввѣрить свой покой. Прочѣ съ глазѣ моихѣ!
(Корделии.) Вѣрнѣе смерти то, что отвергаю
Тебя отъ сердца моего. Скорѣй
Зовите короля! Что жѣ! Кто идетѣ?
Позвать бургундца! Вы, мои зятѣя

И дочери, къ приданому прибавьте
Всю третью часть, отнятую у ней.
Пусть гордость ей одна приданымъ служить!
Сдаю я вамъ всѣ царскія права
И власть мою, и первенство по сану.
Изъ свиты всей себѣ я отдѣляю
Сто рыцарей, и съ ними каждый мѣсяцъ
Я стану жить у дочерей моихъ
Поочередно. Королевскій титулъ
И честь, съ нимъ сопряженная, за мной
Останутся одни, все жъ остальное,
Доходы всѣ, расправа и владѣнье,
За вами, дѣти милыя - и вотъ
Корона вамъ моя. (Отдаетъ корону.)

КЕНТЪ.

Великій Лиръ,
Тебя всегда любилъ я, какъ отца,
Чтилъ какъ царя, какъ властелина слушалъ,
Въ молитвахъ имя Лира поминая...

ЛИРЪ.

Натянуть лукъ - не стой передъ стрѣлою!

КЕНТЪ.

Спускай же тетиву: пускай стрѣла
Пробьетъ мнѣ сердце. Кентъ льстецомъ не будетъ,
Когда король безумствуетъ. Старикъ,
Ты думаешь, что честный рабъ смолчить
Тамъ, гдѣ подлецъ гнѣтъ шею? Если Лиръ
Себя унижилъ - Кентъ молчать не станетъ!
Опомнись: отмѣни свое рѣшеніе!
Одумайся: скорѣй останови
Въ себѣ порывы злобы безобразной.
Я головой ручаюсь - дочь меньшая
Не меньше старшихъ предана тебѣ.
Вѣрь, не безъ сердца тотъ, чья рѣчь тиха,
Безъ словъ пустыхъ.

ЛИРЪ.

Молчи, коль жизнь ты цѣнишь!

КЕНТЪ.

Я жизнь всегда готовъ нести на бой
Съ твоимъ врагомъ - и если этотъ врагъ
Ты самъ...

Лиръ .

Вонъ! съ глазъ моихъ долой!

Кентъ .

Протри глаза, взгляни ты яснымъ взглядомъ
Вокругъ себя.

Лиръ .

Клянусь я Аполлономъ!

Кентъ .

И я клянусь имъ въ томъ, что ты напрасно
Клянешься, государь.

Лиръ (*хватаясь за мечъ*).

О рабъ! измѣнникъ!

Альбани и Корнвалль .

Сэръ, удержитесь!

Кентъ .

Что жъ, убей меня.

Убей врача и мерзкій свой недугъ
Считай здоровьемъ. Отмѣни рѣшенье,
Опомнись же! Пока дышать могу я,
Все стану я твердить: ты сдѣлалъ худо!

Лиръ .

Такъ слушай же въ послѣдній разъ, крамольникъ!
За то, что ты посмѣлъ съ своей гордыней
Стать между нами и рѣшеньемъ нашимъ -
Чего нашъ нравъ и санъ снести не могутъ -
За то, что ты склонялъ насъ нашъ обѣтъ,
Вовѣки нерушимый, сдѣлать ложнымъ -
Достойное ты примешь наказанье.
Пять дней тебѣ даримъ мы: въ эти дни
Ты долженъ изготавиться къ изгнанью;
Но послѣ нихъ обязанъ ты убраться
Изъ царства прочь - и если въ день десятый
Тебя найдутъ среди владѣній нашихъ,
Простишься ты тотчасъ съ презрѣнной жизнью.
Прочь съ глазъ моихъ! Юпитеромъ клянусь,
Не измѣнимъ рѣшенья мы!

Кентъ .

Прощай,

Прощай, король! Ты показалъ вполнѣ,
Что близъ тебя нѣтъ правды и свободы.

(Корделии.)

Пусть небеса хранить тебя съ любовью,
Дитя прекрасное въ рѣчахъ и мысляхъ!

(Реганъ и Гонерилья.)

А вамъ желаю я, чтобъ вы на дѣлѣ
Всю правду пышной рѣчи доказали.
Прощайте, сильные земли! Вашъ старый Кентъ
И въ новомъ краѣ будетъ прежнимъ Кентомъ.

(Уходитъ.)

Входятъ: ГЛОСТЕРЪ, КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ, ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ *и свита.*

ГЛОСТЕРЪ.

Мой государь, король и герцогъ здѣсь.

209

ЛИРЪ.

Ихъ намъ и надо. Къ вамъ, бургундскій герцогъ,
Мы прежде обратимся. Съ королемъ
Вы спорите за нашу дочь меньшую.
Скажите жъ намъ: за ней по меньшей мѣрѣ
Приданого хотите сколько вы?

ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ.

Не больше и не меньше, государь,
Чѣмъ обѣщали вы.

ЛИРЪ.

Да, было время,
Когда мы сами, благородный герцогъ,
Не дешево цѣнили нашу дочь.
Теперь цѣна ея упала.

(Указываетъ на Корделию.)

Если въ этомъ
Презрѣнномъ, но красивенькомъ созданьи
Приходится вамъ что-нибудь по вкусу,
То можете вы взять его себѣ
Съ приданымъ гнѣва нашего.

ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ.

Смущенъ я!

Лиръ.

Хотите ль вы ее, съ ея порокомъ,
Намъ чуждую, отвергнутую нами,
Съ приданымъ вѣчной ненависти нашей,
Себѣ взять въ жены?

ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ.

Государь, простите,
Бракъ невозможенъ послѣ словъ такихъ.

Лиръ.

Такъ бросьте же ее. Клянуся Небомъ,
Вамъ описалъ я всѣ ея богатства.

(Королю французскому.)

Вамъ, государь, не смѣлъ бы я воздать
За вашу дружбу столь постыднымъ бракомъ
И потому прошу васъ взять въ подруги
Достойнѣйшую васъ - не эту тварь,
Намъ ненавистную, позоръ самой природы!

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ.

Рѣчь странную я слышу! Какъ? она,
До сей поры любимѣйшая дочь,
Предметъ похвалъ и старости подпора,
Изъ всѣхъ дражайшая, могла мгновенно
Любви отца лишиться? Сэръ, конечно,
Чудовищна вина, любовь такую
Заразъ сломившая; но не могу
Безъ чуда я такой винѣ повѣрить.
Въ Корделіи не допускаетъ разумъ
Чудовищныхъ пороковъ!

КОРДЕЛІЯ *(отцу)*.

Государь!
Хоть нѣтъ во мнѣ умѣнья говорить
О томъ, чего нѣтъ въ сердцѣ: хоть всю жизнь
Безъ гибкихъ словъ я дѣйствовать умѣла,
Но все жъ прошу я васъ извѣстнымъ сдѣлать,
Что не порокъ, убійство иль низость,
Худое дѣло иль безчестный шагъ
Отцовской милости меня лишили.
Я знаю, въ чемъ вина моя. Я знаю,

Нѣтъ у меня просящихъ вѣчно взглядовъ,
Нѣтъ льстивой рѣчи, и хоть я лишуюсь
Любви отца чрезъ то, но не жалѣю
О томъ, что нѣтъ ихъ.

Лиръ.

Лучше бъ не родиться
Тебѣ на свѣтъ, чѣмъ мнѣ не угодить!

Король Французскій.

И въ этомъ все? Природная стыдливость,
Застѣнчивость, которая такъ часто
Не въ силахъ мѣтко изъясняться? Герцогъ,
Что скажете принцессѣ вы? Когда
Любовь у васъ съ расчетомъ неразлучна,
То не любовь она. Хотите взять
Вы женщину, которая сама
Дороже, чѣмъ приданое?

Герцогъ Бургундскій.

Когда
Вѣнчанный Лиръ лишь только согласится
Дать дочери обѣщанную часть,
Я за руку Корделию возьму
Какъ герцогиню и жену.

Лиръ.

Я клялся -
Я въ клятвѣ твердъ - не дамъ я ничего.

Герцогъ Бургундскій (*Корделии*).

Мнѣ жаль васъ: такъ отвергнулъ васъ отецъ,
Что вы лишитесь мужа.

Корделия.

Не трудитесь
О томъ жалѣть: я не хочу любви
Съ расчетомъ на приданое.

Король Французскій.

Принцесса!
Какъ ты богата въ нищетѣ своей,
Какъ ты мила въ немилости отцовской!
Я радостно беру тебя - съ богатствомъ
Души твоей, отвергнутую всѣми.
Я брошенное поднялъ - и законна

Моя добыча; и любовь моя
Отъ общаго презрѣнья разгорѣлась.
Король, твоя отверженная дочь
Теперь царица Франціи прекрасной.
Подвластны ей я самъ и мой народъ,
И герцогамъ Бургони многоводной
Ужъ не купить красавицы-дѣвицы,
Которой не умѣютъ здѣсь цѣнить.

(Корделии.)

Корделия, простись съ родней суровой:
И безъ нея свою нашла ты долю.

Лиръ.

Бери жъ ее - она твоя, король!
Нѣтъ дочери такой у насъ... Скорѣе!

210

Мы видѣть не хотимъ ея лица.
Скорѣе въ путь! Отъ насъ вы не дождетесь
Благословенія и ласкъ прощальныхъ.
Пойдемте, герцогъ мой!

(Лиръ и герцогъ Бургундскій уходятъ.)

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ.

Простись съ сестрами.

КОРДЕЛИЯ.

Сокровища родителя, въ слезахъ
Я покидаю васъ. На злое слово
Я не могу рѣшиться, хоть и знаю,
Въ чемъ слабы вы. Заботьтесь объ отцѣ:
Его ввѣряю вамъ я. Оправдайте
Все, что сказали вы; но если бъ онъ
Меня любилъ, ему бы я нашла
Пріютъ, быть можетъ, лучшій. До свиданья.

РЕГАНА.

Нельзя ль безъ наставленій?

ГОНЕРИЛЬЯ.

Почись-ка
Ты лучше, какъ бы мужу угождать,
Что взялъ тебя изъ милости. Покорность

Не по тебѣ, какъ видно, и за то
Достойное снесла ты наказанье.

КОРДЕЛІЯ.

Кто виноватъ и правъ - покажетъ время.
Прощайте, сестры!

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ.

Милая, пойдемъ.

(Французскій король и Корделія уходятъ.)

ГОНЕРИЛЛЯ. Сестра, слѣдуетъ намъ поговорить съ тобой о дѣлѣ, важномъ для насъ обѣихъ. Кажется, что отецъ отсюда уѣдетъ къ ночи.

РЕГАНА. Навѣрное - и уѣдетъ къ тебѣ, а мы его станемъ ждать на тотъ мѣсяцъ.

ГОНЕРИЛЛЯ. Какъ онъ сталъ переменчивъ на старости! Стоитъ подумать обо всемъ, что мы замѣтили. Сестру онъ любилъ больше насъ и изъ пустяковъ разошелся съ нею. Странно, очень странно!

РЕГАНА. Это ужъ болѣзнь его возраста; да и всегда, если сказать правду, онъ худо зналъ самого себя.

ГОНЕРИЛЛЯ. И въ старое время былъ онъ горячъ не въ мѣру: чего же намъ теперь ждать въ эту пору сумасбродства и болѣзней, старости и закоренѣлаго самовластья?

РЕГАНА. Конечно, не разъ придется намъ испытать на себѣ его причуды, вродѣ сегодняшняго изгнанія Кента.

ГОНЕРИЛЛЯ. Или прощанія съ королемъ Французскимъ. Надо стоять заодно, сестрица. Коли къ такой вспыльчивости придать еще власть, что проку въ томъ, что отецъ раздѣлилъ между нами свои владѣнія?

РЕГАНА. Да мы еще объ этомъ подумаемъ.

ГОНЕРИЛЛЯ. Надо придумать что-нибудь, пока еще не поздно.

СЦЕНА II.

Зала въ замкѣ графа Глостера.

Входитъ Эдмундъ, съ письмомъ.

ЭДМУНДЪ.

Природѣ повинуюсь я, какъ Богу:
Изъ всѣхъ законовъ лишь ея законы
Священны для меня. Изъ-за чего
Томиться мнѣ въ цѣпяхъ причудъ житейскихъ,
И покоряться приговору свѣта,
И жить въ ничтожествѣ за то, что я
Родился въ свѣтъ немного позже брата?
Я незаконный сынъ - пусть будетъ такъ.
Я тварь презрѣнная! За что жъ я тварь?

Мои всѣ члены стройны и красивы;
Я смѣлъ умомъ и тѣломъ больше силенъ,
Чѣмъ многіе счастливыцы - для чего жъ
Меня позорять именемъ позорнымъ?
Чего жъ клеймятъ насъ подлыми? Чѣмъ подль,
Кто страстной вороватостью природы
Рожденъ на свѣтъ съ запасомъ большихъ силъ
И большими способностями, чѣмъ
Рожденные на скучномъ, мятѣмъ ложѣ,
Пріѣвшемся оравѣ дураковъ,
Зачатыхъ спяна между сномъ и бдѣньемъ.
Эдгаръ - законный сынъ, хотя отецъ
Эдмунда больше любить, чѣмъ Эдгара.
Пусть будетъ такъ - Эдмундъ отниметъ земли
У брата, у законнаго дитяти!
Законный сынъ Эдгаръ - какое слово!
Ну, мой законный братъ, когда удастся
Мнѣ выдумка моя съ запиской этой,
Быть можетъ, что Эдмундъ, дитя стыда,
Повыше сына признаннаго станетъ.
Вы, боги, будьте съ незаконнымъ сыномъ!

Входитъ ГЛОСТЕРЪ.

ГЛОСТЕРЪ.

Кентъ изгнанъ! ссора съ королемъ французскимъ!
Власть передалъ - и самъ уѣхалъ ночью.
Все это такъ нечаянно! Эдмундъ,
Здоровъ ли ты? Что новаго мнѣ скажешь?

Эдмундъ (*пряча письмо*). Ничего новаго, милордъ.
ГЛОСТЕРЪ. Какое это письмо прячешь ты такъ торопливо?
Эдмундъ. Я не знаю ничего новаго, милордъ.
ГЛОСТЕРЪ. Какую бумагу читалъ ты?
Эдмундъ. Это пустая бумага.
ГЛОСТЕРЪ. Коли пустая, такъ незачѣмъ

было ее прятать. Покажи сюда. Если она пустая - очковъ не понадобится.

Эдмундъ. Извините меня, милордъ, прошу васъ. Это письмо отъ брата.
Я его не успѣлъ прочитать, однако, вижу, что вамъ его читать не слѣдуетъ.

ГЛОСТЕРЪ. Дай мнѣ письмо, говорю тебѣ!

Эдмундъ. Отдамъ или не отдамъ я его вамъ, вы равно оскорбитесь.
Сколько могу судить... за такое письмо нельзя похвалить брата.

ГЛОСТЕРЪ. Давай сюда, посмотримъ.

Эдмундъ. Въ оправданіе брата, я надѣюсь, что онъ письмомъ этимъ только испытывалъ мою честность.

Глостеръ (*читаетъ*). «Такія понятія и такое уваженіе къ старости только портятъ намъ жизнь въ лучшіе наши годы. Чрезъ нихъ мы лишаемся имѣнія, а подъ старость получаемъ его въ руки, не имѣя силы имъ наслаждаться. Глупо и вредно подчиняться дряхлому тирану, сильному не по своей власти, а въ силу привычки. Приходи ко мнѣ: объ этомъ надо поговорить болѣе. Если бъ отецъ могъ уснуть и спать до той поры, пока я не разбужу его, тебѣ досталась бы половина его доходовъ и сталъ бы ты жить всегда любимымъ братомъ Эдгара». Что это? заговоръ: «спать, куда я не разбужу его? тебѣ досталась бы половина доходовъ?» Сынъ мой, Эдгаръ! И его рука поднялась на такія строки! Въ его сердцѣ могли зародиться такія мысли! Когда пришло это письмо? Кто принесъ его?

Эдмундъ. Мнѣ его не приносили, милордъ - я нашелъ письмо въ моей комнатѣ: его бросили черезъ окно.

Глостеръ. И ты узналъ руку своего брата?

Эдмундъ. Будь письмо не такое, я поклялся бы въ томъ, что это его рука.

Глостеръ. Это его рука?

Эдмундъ. Его рука, милордъ. Будемъ думать, что его сердце не было заодно съ рукою.

Глостеръ. Не пробовалъ онъ говорить съ тобою объ этомъ дѣлѣ?

Эдмундъ. Ни разу, милордъ. Слыхалъ я, однакожъ, какъ онъ говаривалъ, что когда отецъ старѣется, а дѣти на возрастѣ, отецъ долженъ сдавать сыну имѣніе и заботу о своей особѣ.

Глостеръ. Извергъ! бездѣльникъ! Въ письмѣ та же самая мысль! Гнусный злодѣй! проклятый, безчувственный извергъ! хуже чѣмъ безчувственный! (*Слугѣ.*) Иди, сыщи его: я его возьму подъ стражу. Ненавистный бездѣльникъ! Гдѣ онъ теперь?

Эдмундъ. Не знаю навѣрное, милордъ! Не найдете ли вы удобнымъ на время удержаться отъ гнѣва, до той поры, пока онъ самъ не выскажетъ своихъ намѣреній? Такой путь будетъ вѣрнѣе. Если вы ошибетесь и поступите съ нимъ жестоко, вы запятнаете свою честь и разрушите сыновнее повиновеніе. Жизнью моею отвѣчаю, братъ не имѣлъ опасныхъ замысловъ. Онъ хотѣлъ испытать мою къ вамъ преданность - вотъ для чего письмо было написано.

Глостеръ. Ты какъ думаешь?

Эдмундъ. Если вы, милордъ, одобрите мое намѣреніе, то я берусь сдѣлать такъ, чтобъ вы были свидѣтелемъ нашихъ переговоровъ. Я скрою васъ въ удобномъ мѣстѣ. Не далѣе, какъ сегодня вечеромъ, вы услышите все, что желаете услышать.

Глостеръ. Нѣтъ, не можетъ онъ быть такимъ чудовищемъ!

Эдмундъ. И, вѣрьте мнѣ, онъ не чудовище.

Глостеръ. Итти противъ отца, который его любитъ такъ нѣжно, такъ искренно! Боги! боги! Эдмундъ, разспроси его: дай мнѣ заглянуть въ его душу! Дѣлай, какъ велитъ тебѣ твой разумъ. Я готовъ отдать все, чтобъ узнать всю правду.

Эдмундъ. Я сыщу его, милордъ! я сдѣлаю все и васъ увѣдомлю.

Глостеръ. Нѣтъ, эти послѣднія солнечныя затменья не пророчать ничего добраго. Пусть мудрецы судятъ о томъ по своему, законы природы нарушаются повсюду. Любовь холодѣетъ, дружба расторгается, братъ идетъ на брата, въ городахъ возникаютъ бунты, во дворцахъ гнѣздится измѣна, въ селеніяхъ живетъ несогласіе. Связь отца съ сыномъ нарушена; мой сынъ идетъ противъ меня, король отвергаетъ свое дѣтище! Отжили мы лучшіе годы! Идутъ на насъ коварство съ несогласіемъ, измѣна и разрушительные безпорядки! Сыщи изверга, Эдмундъ: я сумѣю наградить тебя - хлопочи усерднѣе... И прямодушный, благородный Кентъ изгнанъ за свою честность! Странно! Удивительно! (*Уходитъ.*)

Эдмундъ. Забавна глупость людская! Чуть случится съ нами бѣда - хоть бы и по нашей собственной винѣ - мы тотчасъ спѣшимъ свалить ее на солнце, луну и звѣзды, какъ-будто мы были бездѣльниками по закону судьбы, дураками – по небесному велѣнію, ворами отъ дѣйствія сферъ, пьяницами - по вліянію планетъ на существо наше. Нѣтъ, думается мнѣ: хотя бы самая цѣломудренная звѣзда поглядывала на мое рожденіе, все-таки остался бы я незаконнымъ сыномъ. Эдгаръ...

Входитъ Эдгаръ.

Эдмундъ. А вотъ и онъ, какъ развязка въ старой комедіи! Да, да, эти затменія

212

пророчать намъ раздоры - какая нелѣпость!

Эдгаръ. Какъ поживаешь, братъ Эдмундъ? О чемъ ты такъ задумался?

Эдмундъ. У меня въ головѣ разныя предсказанія насчетъ послѣднихъ затменій.

Эдгаръ. А ты занимаешься этими вещами?

Эдмундъ. Увѣряю тебя, что послѣдствія, о которыхъ упоминается, къ несчастью, начинаютъ сбываться, какъ напримѣръ: неестественность отношеній между родителями и дѣтьми, моръ, голодъ, разрывъ старинной дружбы, раздоръ въ государствѣ, угрозы и проклятія противъ короля и вельможъ, напрасная подозрительность, изгнаніе друзей, разбродъ войскъ, нарушеніе супружескихъ обѣтовъ - всего не перечтешь.

Эдгаръ. Давно ли ты записался въ астрологи?

Эдмундъ. Ну, хорошо. Скажи, когда видѣлся ты съ отцомъ въ послѣдній разъ?

Эдгаръ. Вчера вечеромъ.

Эдмундъ. Говорилъ ты съ нимъ?

Эдгаръ. Часа съ два, коли не болѣе.

Эдмундъ. Какъ вы съ нимъ разстались? Не замѣтилъ ты въ немъ, по словамъ или по лицу, какого-нибудь неудовольствія?

Эдгаръ. Не замѣтилъ ничего.

Эдмундъ. Припомни, не оскорбилъ ли ты его чѣмъ-нибудь? Вообще, прошу тебя: берегись попадаться ему на глаза. Дай ему опомниться отъ своего гнѣва.

Эдгаръ. Вѣрно, какой-нибудь плутъ наговорилъ на меня.

Эдмундъ. Самъ я боюсь этого. Будь остороженъ, прошу тебя: пускай онъ успѣетъ смягчиться. Пройди въ мою половину: ты самъ услышишь, какъ онъ о тебѣ говорить будетъ. Вотъ тебѣ ключъ: иди туда, сдѣлай милость. Если вздумаешь итти куда-нибудь, не ходи безъ оружія.

Эдгаръ. Какъ не ходить безъ оружія?

Эдмундъ. Братъ, я не посовѣтую тебѣ худого: не ходи безъ оружія. Пусть считаюсь я плутомъ, если противъ тебя нѣтъ какого-нибудь умысла. Я только намекнулъ тебѣ о томъ, что слышалъ и видѣлъ. Ты самъ не знаешь, въ какой мы опасности. Прощу тебя: иди отсюда.

Эдгаръ. Когда жъ я узнаю что-нибудь?

Эдмундъ. Положись на меня: я сдѣлаю свое дѣло.

(Эдгаръ уходитъ.)

Отецъ довѣрчивъ: братъ мой прямъ по сердцу:
Такъ далека отъ зла его душа,
Что и предвидѣть зла въ немъ нѣтъ умѣнья.
Надъ этой глупой честностью не трудно
Торжествовать. Теперь мнѣ ясно дѣло.
Я хитростью богатъ - и я сумѣю
Завоевать все то, что нужно мнѣ.

(Уходитъ.)

СЦЕНА III.

Комната во дворцѣ герцога Альбанскаго.

Входятъ Гонерилья и Дворецкій.

Гонерилья. Отецъ прибилъ моего джентльмэна за то, что тотъ выбранилъ его шута?

Дворецкій. Да, миледи.

Гонерилья.

Клянусь, онъ днемъ и ночью, каждый часъ
Меня все мучить, злить и оскорбляетъ!
Что день - то ссора. Нѣтъ терпѣнья больше!
За вздоръ бранится онъ; его прислуга
Живетъ въ безпутствѣ.
(Дворецкому.) Помни жъ: какъ съ охоты
Пріѣдетъ онъ, скажи, что я больна.
Съ нимъ говорить не стану я, и если
Не очень ты услужливъ будешь съ нимъ,

То сдѣлаешь не худо: я въ отвѣтъ.

ДВОРЕЦКІЙ. Онъ ѣдетъ уже.

(Слышенъ звукъ роговъ.)

ГОНЕРИЛЬЯ.

И ты, и слуги всѣ не будьте слишкомъ
Внимательны къ его приказамъ. Если
Ему здѣсь не понравится житье,
То можетъ онъ къ сестрѣ моей уѣхать.
Однѣхъ мы съ нею мыслей и не любимъ
Подъ властью быть чужой. Пустой старикъ:
Самъ отдалъ власть, а хочетъ всѣмъ ворочать.
Нѣтъ, старики глупѣй ребятъ бываютъ,
И строгостью обуздывать ихъ надо.

(Дворецкому.)

Не забывай приказа!

ДВОРЕЦКІЙ.

Будемъ помнить.

ГОНЕРИЛЬЯ.

И къ рыцарямъ его похолоднѣе
Вамъ надо быть. Что бѣ ни было затѣмъ -
Нѣтъ нужды. Сообщи о томъ прислугѣ.
Давно я объясненія желаю -
И я его дождусь. Сестрѣ теперь же
Я напишу: пусть дѣлаетъ, какъ я.
Готовъ обѣдать!

СЦЕНА IV.

Тамъ же комната.

Входитъ КЕНТЪ (переодѣтый).

КЕНТЪ.

Когда удастся измѣнить мнѣ голосъ
И затемнить тѣмъ рѣчь, то безъ труда

Достигну добрыхъ цѣлей. Кентъ - изгнанникъ!
Пришла пора служить, на зло изгнанью,
Заботиться о бѣдномъ королѣ

И много дѣла взять къ себѣ на плечи.

Входятъ: Лиръ, Рыцари и Слуги.

Лиръ. Живѣй объдать! Подавать тотчасъ же: я не жду ни минуты! (*Слуга уходитъ.*) Ты кто такой?

Кентъ. Человѣкъ.

Лиръ. Что ты за человѣкъ - и чего ты отъ насъ хочешь?

Кентъ. Человѣкъ я такой, какимъ кажусь. Кто имѣетъ ко мнѣ вѣру, тому служу я вѣрой и правдой; кто честенъ, того я люблю душою; кто уменъ, да говорить мало, съ тѣмъ готовъ я бесѣдовать. Судовъ я боюсь, отъ драки не прочь, коли нельзя безъ драки, а рыбы не ѣмъ никогда.

Лиръ. Кто ты таковъ?

Кентъ. Честный малый, а бѣденъ я - какъ самъ король.

Лиръ. Не богатъ же ты! Чего жъ ты хочешь?

Кентъ. Служить.

Лиръ. Кому же служить?

Кентъ. Вамъ.

Лиръ. Да ты развѣ меня знаешь, пріятель?

Кентъ. Не знаю, но по наружности судя, я хотѣлъ бы имѣть васъ своимъ господиномъ.

Лиръ. Что же ты видишь въ моей наружности?

Кентъ. Признакъ власти.

Лиръ. Какую же службу можешь ты править?

Кентъ. Могу дать честный совѣтъ, рассказать забавную сказку, выполнить простое порученіе. Что дѣлаютъ немудреные люди, то и я сдѣлать въ силахъ, да еще и съ усердіемъ.

Лиръ. А сколько тебѣ лѣтъ?

Кентъ. Не такъ я молодъ, чтобъ любить дѣвчонку за пѣсенку, не такъ старъ, чтобъ влюбляться во все на свѣтѣ: у меня сорокъ восемь лѣтъ на плечахъ.

Лиръ. Ну, будь со мной: служи мнѣ. Коли не разсердишь меня послѣ объда, значить - уживемся другъ съ другомъ. Объдать! Эй, объдать! Гдѣ мой дуракъ? Поди, пошли ко мнѣ моего дурака.

Входитъ Дворецкій.

Лиръ. Эй ты, уродъ! Гдѣ моя дочь?

Дворецкій. Съ вашего позволенія...

(Уходитъ.)

Лиръ. Что онъ тамъ говоритъ? Зови-ка его сюда! Гдѣ мой дуракъ? - а? Мнѣ кажется, что міръ спитъ. Ну, что, гдѣ этотъ мерзавецъ?

Входитъ Рыцарь.

Рыцарь. Онъ говоритъ, государь, что ваша дочь нездорова.

Лиръ. Зачѣмъ онъ не вернулся, когда я звалъ его?

Рыцарь. Государь, онъ просто сказалъ мнѣ, что не хочетъ вернуться.

Лиръ. Не хочетъ вернуться?

Рыцарь. Государь, я не умѣю понять, въ чемъ дѣло, но, кажется мнѣ, что съ вашимъ величествомъ начинаютъ обращаться безъ прежняго почтенія. И прислуга вся, и самъ герцогъ, и дочь ваша не такъ вѣжливы теперь, какъ всегда бывали.

Лиръ. А, ты такъ думаешь?

Рыцарь. Простите, государь, коли я ошибся. Долгъ мой не велитъ мнѣ молчать, когда я предполагаю оскорбленія вашему величеству.

Лиръ. Ты только навелъ меня на то, что я и самъ замѣтилъ. Да, я примѣчалъ не разъ полное невниманіе - я винилъ свою подозрительность; я не рѣшался видѣть умышленной грубости. Я посмотрю еще. Гдѣ мой дуракъ? Онъ не показывался два дня сряду.

Рыцарь. Съ отъѣзда принцессы во Францію шутъ очень печалится.

Лиръ. Довольно объ этомъ: я это самъ замѣтилъ. Иди ты и скажи моей дочери, что я желаю говорить съ нею. *(Уходитъ.) (Другому слугѣ.)* А ты иди и позови моего дурака. *(Другой слуга уходитъ.)*

Входитъ Дворецкій.

Лиръ. А, сэръ! Пожалуйте сюда, сэръ! Кто я такой, сэръ?

Дворецкій. Отецъ государыни.

Лиръ. Отецъ государыни? Рабъ! подлецъ! собака!

Дворецкій. Я не подлецъ, прошу извиненія.

Лиръ. Ты смѣешь глядѣть мнѣ въ глаза, бездѣльникъ! *(Бьетъ его.)*

Дворецкій. Я не позволю бить себя, государь!

Кентъ. А съ ногъ сбить не позволишь, скоморохъ проклятый? *(Сбиваетъ его съ ногъ.)*

Лиръ. Спасибо, пріятель! Ты знаешь, какъ служить: ты мнѣ придешься по-сердцу.

Кентъ. Ну, сэръ, на ноги и убирайся! Я тебя выучу различать людей. Вонъ отсюда, коли не хочешь снова растянуться во всю длину! Пошелъ вонъ, коли у тебя умъ остался! Такъ! *(Выталкиваетъ дворецкаго.)*

Лиръ. Ну, спасибо, вѣрный слуга! Вотъ тебѣ впередъ за твою службу. *(Даетъ Кенту денегъ.)*

214

Входитъ Шутъ.

Шутъ. А вотъ я его тоже найму. *(Кенту.)* Бери-ка себѣ мой колпакъ.

Лиръ. А, и ты, здѣсь, плутишка!

Шутъ *(Кенту.)* Что жъ ты колпака-то не взялъ?

Кентъ. Зачѣмъ мнѣ твой колпакъ?

Шутъ. Какъ зачѣмъ? Зачѣмъ тебѣ дурацкій колпакъ? Затѣмъ, что ты льнешь къ тому, кто въ немилости! затѣмъ, что ты скалишь зубы не по вѣтру! Бери-ка мой колпакъ. Видишь, этотъ шутъ прогналъ двухъ своихъ дочерей, а третью благословилъ, самъ того не вѣдая. А ужъ такому чудаку служить нельзя

безъ моего колпака. (Лиру.) Ну, какъ поживаешь, кумъ любезный? Эхъ, если бы мнѣ два колпака на двѣ дочери!

Лиръ. Ну, что бѣ ты тогда сталъ дѣлать?

Шутъ. Дочерямъ роздалъ бы свои деньги, колпаки бы себѣ оставилъ на память. Вотъ одинъ у меня. Выпроси-ка другой у своихъ дочекъ.

Лиръ. Берегись, дружокъ: хлысть!

Шутъ. Правда-то всегда, что дворная собака: бей ее хлыстомъ, сколько хочешь. Пстой-ка, я тебѣ скажу хорошее слово.

Лиръ. Ну, скажи.

Шутъ. Слушай же, да смекай хорошенько. (Поетъ.)

Правды всей не болтай,
Свой достатокъ скрывай,
Денегъ въ долгъ не давай
Да людей узнавай.
Самъ поменьше шагай,
А верхомъ разѣзжай,
Меньше пей да гуляй,
По гостямъ не порхай:
Вотъ тогда заживешь
И удачу найдешь!

А какъ ты думаешь, кумъ, можно ли изъ ничего что-нибудь сдѣлать?

Лиръ. Нѣтъ, пріятель, изъ ничего ничего не получишь.

Шутъ (Кенту). Растолкуй же ему, что съ его королевства получаетъ онъ теперь точь-въ-точь такіе же доходы. Мнѣ, дураку, онъ не повѣритъ.

Лиръ. Горькая шутка.

Шутъ. Тотъ съ тобой сыгралъ горькую шутку, кто тебѣ, дураку, посовѣтовалъ сдать твои владѣнія въ чужія руки.

Лиръ. Ты меня зовешь дуракомъ, пріятель?

Шутъ. Да не ты ли самъ отступился отъ всѣхъ своихъ званій? Со званіемъ дурака ты на свѣтъ родился.

Кентъ. Государь, этотъ дуракъ не совсѣмъ дуракъ.

Шутъ. Нѣтъ, клянусь, лорды и великіе люди не уступятъ мнѣ даже глупости. Имѣй я на нее монополію, они захотѣли бы взять свою долю, да и барыни не отказались бы попользоваться ею. Дай мнѣ яичко, дядя, а я тебѣ дамъ двѣ короны.

Лиръ. Какія же это будутъ двѣ короны?

Шутъ. Когда я разобью яйцо пополамъ и съѣмъ его внутренность - то останется двѣ короны. Когда ты разломалъ на-двое свою корону и отдалъ обѣ половины, то, значитъ, ты на собственной спинѣ перенесъ осла черезъ лужу. Мало толку было въ твоей плѣшивой коронѣ, когда ты снималъ съ нея свою золотую. Если я говорю это въ качествѣ дурака, пусть высѣкутъ того, кто это скажетъ. (Поетъ.)

Для дураковъ насталъ тяжелый годъ:
Всѣ умники дурачиться пустились.

Лиръ. Съ какихъ это поръ ты знаешь столько пѣсень?

Шутъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты сдѣлалъ изъ твоихъ дочекъ маменекъ; когда ты далъ имъ розгу и сталъ отстегивать подтяжки. (Поетъ.)

Онѣ съ восторга зарыдали,
А я запѣлъ съ тоски,
Что мой король достопочтенный
Втесался въ дураки.

Пожалуйста, кумъ любезный, найми-ка мнѣ хорошаго луна въ учителя.
Смерть хотѣлось бы научиться лгать.

Лиръ. А коли ты будешь лгать, мы тебя высѣчемъ.

Шутъ. Истинно ужъ изъ одной породы ты со своими дочками: онѣ грозятся меня высѣчь за правду, ты - за ложь, а иногда меня бьютъ за то, что я не говорю ни слова. Надоѣла мнѣ дурацкая должность - правду сказать; а все-таки не хотѣлъ бы я съ тобой мѣняться. Вонъ, погляди-ка, кто сюда идетъ къ намъ!

Входитъ Гонерилья.

Лиръ. Что это, дочь моя? что это за нахмуренное лицо? Съ какого времени научилась ты хмуриться?

Шутъ. Когда-то, дяденька, нечего тебѣ было хлопотать о томъ, кто на насъ хмурится. Я теперь лучше тебя! я - дуракъ, а ты - нуль безъ цифры. (Гонерилья.) Буду молчать, миледи: по лицу твоему вижу, что мнѣ молчать надо. Съѣлъ корку, береги мякишъ; съѣлъ мякишъ, береги корку. (Указываетъ на Лира.) Вотъ пустой гороховый стручокъ!

Гонерилья.

Не только этотъ избалованный дуракъ,
Но многіе изъ вашей наглої свиты
Заводятъ ссоры каждый день и въ замкѣ
Неслыханному буйству предаются.

215

Сэръ, мнѣ казалось, что, сказавъ о томъ,
Я положу конецъ тѣмъ безпорядкамъ;
Но вижу я изъ вашихъ словъ и дѣлъ,
Что вамъ безчинство это не противно
И что на зло глядите вы сквозь пальцы.
Прошу васъ не прогнѣваться - теперь,
Вооружая строгостью, мы сами
Порядокъ будемъ соблюдать и зорко
Слѣдить за поведеніемъ вашей свиты.
Не оскорбляйтесь тѣмъ: для доброй цѣли,
Для васъ самихъ мы долгъ исполнимъ нашъ.
Шутъ. Что, куманекъ?
Добрая синичка кукушку кормила,
А кукушка птичкѣ голову скусила.

Свѣчку отдалъ - и въ потемкахъ сиди!

Лиръ. Дочь ли ты наша?

Гонерилья. Пора бы вамъ, сэръ, посовѣтовавшись съ здравымъ разсудкомъ, оставить ваши причуды.

Лиръ. Знаютъ ли меня здѣсь? Нѣтъ, это не Лиръ! Лиръ такъ ходитъ? Лиръ такъ говоритъ? Гдѣ жъ его глаза? Или умъ его разслабъ? Спитъ онъ, что ли?... А нѣтъ; тутъ что-нибудь не такъ! Пусть мнѣ скажутъ, кто я такой. Тѣнь Лира? Нѣтъ - я король. Я чувствую, я понимаю, я вижу - не вижу только того, что у меня есть дочери...

Шутъ. И что ты ихъ всепокорнѣйшій отецъ и услужникъ.

Лиръ. Ваше имя, прекрасная дама?

Гонерилья. Полно, сэръ:

Любезность эта намъ напоминаетъ
Обычныя причуды. Васъ прошу я
Понять меня, какъ должно. Стары вы,
Такъ будьте жъ и умны согласно лѣтамъ.
Сто рыцарей здѣсь проживаетъ съ вами,
Сто рыцарей шумливыхъ и безумныхъ,
Готовыхъ всякій день на пьянство, ссору
И ужъ успѣвшихъ честный нашъ дворецъ
Своимъ примѣромъ превратить въ таверну
Иль въ домъ разврата. Надо кончить съ этимъ!
Позвольте жъ мнѣ просить васъ - хоть безъ просьбы
Сама могу я дѣлать, что желаю -
О томъ просить, чтобъ уменьшили вы
Прислугу вашу, взявъ изъ ней людей
По вашимъ лѣтамъ и способныхъ чтить
Себя и васъ.

Лиръ.

Проклятье! Духи тьмы!
Сѣдлатъ коней! созвать мою прислугу!
Проклятое отродье! Прочь отсюда!
Еще у насъ осталась дочь!

Гонерилья.

Вы бьете
Моихъ людей, а злая челядь ваша
Повелѣвать вездѣ и всюду хочетъ!

Входитъ Альбани.

Лиръ.

Бѣда тому, кто кается, да поздно! (Альбани.)
А! ты здѣсь тоже? ты согласенъ съ нею?
Ну, отвѣчай же! Подавать коней!
Неблагодарность - демонъ съ черствымъ сердцемъ!

Когда въ грудь дочери ты заберешься,
Твой видъ гнуснѣй, чѣмъ чудище морское!

А Л Ь Б А Н И .

Сэръ, успокойтесь.

Лиръ (Гонерилья).

Мерзкій, хищный коршунъ,
Ты лжешь, ты лжешь! Честна моя прислуга:
Она свои обязанности знаетъ
И святость сана нашего хранить
По совѣсти. Какъ могъ мнѣ такъ ужаснымъ
Корделіи проступокъ показаться!
Какъ могъ онъ извратить мою природу,
Любовь исторгнуть изъ души моей
И желчію ее наполнить? Лиръ! Лиръ! Лиръ!

(Бьетъ себя въ голову.)

Теперь стучи въ ту дверь, откуда разумъ
Ты выпустилъ. Скорѣй, скорѣй отсюда!

А Л Ь Б А Н И .

Я, государь, не виновать, и даже
Совсѣмъ не знаю, что васъ прогнѣвило.

Лиръ .

Быть-можетъ, сэръ! Услышь меня, природа!
Благое божество, услышь меня!
Коли назначило ты этой твари
Рождать дѣтей - рѣшенье отмѣни!
О! изсуши всю внутренность у ней,
Пошли безплодіе, чтобъ никогда
Она ребенкомъ милымъ не гордилась.
Но ежели зачнетъ она, то пусть
Дитя изъ желчи дастся ей на долю;
Пусть вырастетъ дитя на муку ей;
Пускай оно ей раннія морщины
Въ чело вклеимитъ и горькихъ слезъ струями
Избороздитъ ей щеки; пусть оно
Въ насмѣшку и презрѣнье обращаетъ
Всю страсть, всю нѣжность матери своей,
И пусть тогда она пойметъ всѣмъ сердцемъ,
Во сколько разъ острѣй зубовъ змѣиныхъ
Неблагодарность дѣтища! Скорѣй!
Прочь! прочь отсюда! *(Лиръ уходитъ.)*

А Л Ь Б А Н И .

Небеса благія,
Что за причина этому?

ГОНЕРИЛЬЯ.

Заботиться о томъ! Пускай старикъ
Дурачится: мѣшать ему не надо.

216

Входитъ Лиръ.

ЛИРЪ.

Какъ? пятьдесятъ изъ всей моей прислуги
Осталось лишь?

АЛЪБАНИ.

Въ чемъ дѣло, государь?

ЛИРЪ.

Скажу, скажу!
(*Гонерилья.*) Клянусь, мнѣ стыдно, стыдно!
Мнѣ стыдно то, что слабъ я предъ тобою,
Что слезы теплыя изъ глазъ моихъ
Ты можешь извлекать еще! Погибель,
Проклятье на тебя! Отца проклятье
Пусть цѣлымъ рядомъ язвъ неизлѣчимыхъ
Тебя покроетъ! Старые глаза,
Вы, глупые глаза, не смѣйте плакать;
Я вырву васъ, я брошу васъ на землю -
Вотъ до чего я дожилъ. Не бѣда:
Въ утѣху мнѣ еще осталась дочь.
Она добра и ласкова: услышавъ
Про всѣ дѣла твои, она ногтями,
Волчица, издеретъ твое лицо!
Еще увидишь ты, что власть мою
Оставленную возвращу я снова
На казнь тебѣ.

(*Лиръ, Кентъ и свита Лира уходятъ.*)

ГОНЕРИЛЬЯ.

Ты это слышишь, герцогъ?

АЛЪБАНИ.

При всей любви къ тебѣ, не въ силахъ я
Пристрастнымъ быть...

ГОНЕРИЛЬЯ.

Довольно. Не трудись. Эй, Освальдъ, эй!
Ты шутъ и плутъ! ступай за господиномъ!

Шутъ. Эй, куманекъ, Лиръ, постой немного! Какъ же тебѣ быть безъ
шута? (Поетъ.)

Съ дочкою такой,
Какъ съ кумой-лисой,
Тратить словъ не надо!
Кожу съ ихъ дери,
И за то бери
Мой колпакъ въ награду!

ГОНЕРИЛЬЯ.

Сто рыцарей — придумано не худо!
Удобно было бы ему позволить
Держать сто рыцарей, чтобъ всѣ причуды,
И ссоры, и пустое сумасбродство
Онъ силою рѣшалъ и нашу жизнь
Въ своихъ рукахъ имѣлъ. Эй, Освальдъ!

АЛЪБАНИ.

Слишкомъ
Боишься ты.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Не лучше ль довѣрять?
Въ началѣ должно устранять опасность,
Чтобъ не бояться послѣ. Хорошо
Его я знаю и сестрѣ писала
Про все. Увидимъ, будетъ ли она
Держать его и сотню челядинцевъ,
Когда я объявлю ей все. Ну, Освальдъ,
Готово ли письмо къ сестрѣ?

ДВОРЕЦКІЙ.

Готово.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Бери жъ съ собой людей — и на коня!
Сестрѣ моей все передай, что надо,
И отъ себя скажи, что знаешь. Въ путь!
И воротись скорѣй. (Дворецкій уходитъ.)
Нѣтъ-нѣтъ, мой герцогъ,
Хоть кротость и спокойствіе твое
Не стоятъ осужденья, но, однако -
Ты извинишь меня — нужнѣе намъ

Разсудокъ твердый, чѣмъ вся эта кротость!

АЛЪБАНИ.

Ты дальновидна, можетъ быть; но часто
Добро мы губимъ, большаго желая.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Тогда ужъ...

АЛЪБАНИ.

Нѣтъ, все объяснить намъ время.

СЦЕНА V.

Дворецъ передъ замкомъ Альбани.

Входятъ Лиръ, Кентъ и Шутъ.

Лиръ. Скажи съ этимъ письмомъ скорѣе къ Глостеру. Не говори моей дочери ничего, что ты знаешь. Отвѣчай ей только на то, о чемъ она тебя спрашивать будетъ. Торопись, не то - я тамъ буду раньше тебя.

Кентъ. Не усну, пока не исполню воли вашего величества. *(Уходитъ.)*

Шутъ. Если бѣ мозгъ челоуѣка былъ въ его пяткахъ, то не нужно ли было бы опасаться мозолей?

Лиръ. Да, мой другъ!

Шутъ. Такъ, пожалуйста, развеселись: твой умъ никогда не будетъ щеголять въ туфляхъ.

Лиръ. Ха, ха, ха!

Шутъ. Увидишь, что другая дочь приметъ тебя любезно: хотя она такъ же походитъ на ту, какъ яблоко — на дикое яблоко, однако я знаю то, что знаю.

Лиръ. Что же ты знаешь?

Шутъ. Что одна такъ же будетъ похожа на другую, какъ одно дикое яблоко на другое. А знаешь ли ты, кумъ, для чего у насъ носъ среди лица поставлень?

Лиръ. Нѣтъ.

Шутъ. Для того, чтобъ глаза сидѣли по обѣ его стороны. Чего носомъ не вынюхалъ, глазами досмотришь!

Лиръ. Я ее обидѣлъ.

Шутъ. А знаешь ли ты, какъ устрица дѣлаетъ свою раковину?

Лиръ. Не знаю.

Шутъ. И я не знаю. Знаю только, для чего улитка заводитъ свой домикъ.

Лиръ. Для чего?

Шутъ. Чтобъ прятать туда свою голову. Она, вѣдь, его не отдастъ своей дочери.

Лиръ. Забыть законы природы! такого любящаго отца!... Готовы лошади?

Шутъ. Твои ослы побѣжали за ними... А почему, когда на небѣ сидить семь звѣздъ - ихъ только семь счетомъ?

Лиръ. Потому что не восемь.

Шутъ. Мѣтко попалъ. Можно бы тебя назвать *добрымъ* дуракомъ за это.

Лиръ. Я съ тобой расплачусь, чудовище неблагодарности!

Шутъ. Стоило бы побить тебя за то, что ты состарѣлся, да ума не нажилъ.

Лиръ.

О, силы неба! Дайте мнѣ терпѣнье!
Я не хочу безумнымъ быть. Спасите
Меня вы отъ безумія!

Входитъ Джентльмэнъ.

Лиръ.

Ну что,
Готовы лошади?

Джентльмэнъ.

Готовы, государь.

Лиръ. Ёдемъ, ёдемъ же! (*Всѣ уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Дворъ въ замкѣ Глостера.

Эдмундъ и Куранъ встрѣчаются.

Эдмундъ. Здравствуй, Куранъ!

Куранъ. Здравствуйте, сэръ! Я сейчасъ отъ вашего батюшки. Его извѣстили, что герцогъ Корнвальскій и герцогиня Регана будутъ поздно сюда вечеромъ.

Эдмундъ. Это по какому случаю?

Куранъ. Самъ не знаю хорошенько. Слыхали вы, о чемъ теперь еще говорятъ шопотомъ? Эти вѣсти пока еще передаются людьми другъ другу на ухо.

Эдмундъ. Ничего не слыхалъ. Что за вѣсти?

Куранъ. Слыхали вы про то, что готовится война между Альбани и герцогомъ Корнвальскимъ?

Эдмундъ. Ни одного слова.

Куранъ. Ну, такъ скоро услышите. А покуда прощайте. (*Уходитъ.*)

Эдмундъ (одинъ).

Здѣсь герцогъ будетъ къ ночи — безподобно!
Оно само сплелось съ моей работой!
Отецъ велѣлъ схватить подѣ стражу брата,
И мнѣ осталось планъ мой завершить
Теперь же. Нечего терять минуты! (Громко.)
Братъ, внизъ сойди, живѣ! на два слова!

Входитъ Эдгаръ.

Эдмундъ.

Бѣги, мой другъ! Отецъ слѣдитъ за нами!
Ужъ донесли ему о томъ, гдѣ ты.
Бѣги скорѣй — вся ночь передъ тобою!
Не говорилъ ли ты неосторожно
Про герцога Корнвальскаго? Съ женой
Сюда спѣшитъ онъ и пріѣдетъ къ ночи.
Въ рѣчахъ своихъ ты не касался ль споровъ
Его съ Альбани? Вспомни хорошенько.

Эдгаръ.

Не говорилъ ни слова я.

Эдмундъ.

Бѣда!
Отецъ идетъ, я слышу! - извини,
Я обнажу мой мечъ противъ тебя.
Вынь свой. Намъ надобно хитрить обоимъ.
Смѣлѣе бейся, будто въ самомъ дѣлѣ!
Бѣги теперь, покуда нѣтъ отца!
Огня сюда! скорѣй! Спасайся, братъ!
Скорѣй огня! скорѣй! бѣги! Прощай же!

(Эдгаръ уходитъ. Эдмундъ ранитъ себя.)

Пусть эта кровь заставитъ ихъ повѣрить,
Какъ храбро бились мы. Я видѣлъ пьяницъ,
Царапавшихъ себя сильнѣй для смѣха.
Отецъ! отецъ! стой! стой! Кто мнѣ поможетъ?

Вбѣгаютъ Глостеръ и слуги съ факелами.

Глостеръ.

Куда ушелъ бездѣльникъ?

Эдмундъ.

Въ темнотѣ
Стоялъ онъ, обнаживши острый мечъ,

И страшныя шепталъ онъ заклинанья,
На помощь призывая мѣсяцъ блѣдный.

ГЛОСТЕРЪ.

Гдѣ жъ онъ теперь?

ЭДМУНДЪ.

Я раненъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Гдѣ бездѣльникъ?

Эдмундъ, гдѣ онъ?

ЭДМУНДЪ.

Вотъ здѣсь онъ пробѣжалъ,
Напрасно онъ старался...

218

ГЛОСТЕРЪ.

Всѣ за нимъ!

Поймать его. *(Слуги убѣгаютъ.)*

(Эдмунду.) Что говорилъ ты мнѣ?

Напрасно онъ старался? что?...

ЭДМУНДЪ.

Склонить

Меня къ тому, чтобъ умертвилъ я васъ.

Я говорилъ, что боги грянутъ

Всѣмъ громомъ неба надъ отцеубійцей.

Я объяснилъ, какой великой связью

Прикованъ сынъ къ отцу; а онъ, увидѣвъ,

Насколько я гнушаюсь страшнымъ дѣломъ,

Съ мечомъ въ рукахъ нечаянно и быстро

Впередъ рванулся, руку ранилъ мнѣ.

Но, увидавъ, что, полный грознымъ гнѣвомъ,

За дѣло правое готовъ я биться,

А можетъ-быть, и крика испугавшись

Бѣжалъ онъ также быстро.

ГЛОСТЕРЪ.

Пусть бѣжитъ

Онъ далеко! На родинѣ ему

Не скрыться. Не уйдетъ онъ отъ погони;

Пусть попадется — и конецъ всему!
Сегодня къ ночи прїѣзжаетъ герцогъ,
Нашъ государь, защитникъ и властитель;
Отъ имени его я объявляю,
Что всякій, кто на казнь злодѣя выдастъ,
Получитъ награжденіе; кто же станетъ
Его скрывать, самъ смерти будетъ преданъ.

Эдмундъ.

Когда я отклонить его старался
Отъ преступленія и потомъ увидѣлъ,
Что непреклоненъ онъ, я погрозился
Открыть все дѣло. Онъ же мнѣ сказалъ:
«Ты, безпомѣстный нищій смѣешь думать,
Что съ правдою и честностью ты можешь
Противъ меня итти, что твой доносъ
Не въ силахъ я разрушить, хотъ въ улику
Ты представляй письмо моей руки;
Что не сумѣю я тебя представить
Клеветникомъ, лжецомъ, достойнымъ ада!
Что люди всѣ, когда они не глупы,
Противъ тебя пойдутъ и будутъ вѣрить,
Что ты хитрилъ и замышлялъ мнѣ гибель,
Затѣмъ, что смерть моя — тебѣ и радость,
И побужденіе къ злу!»

Глостеръ.

Великій извергъ,
Въ злодѣйствѣ закоснѣлый! Отъ письма
Откажется онъ? Нѣтъ, не мой онъ сынъ!

(За сценой слышны трубы.)

Чу! трубы герцога! Зачѣмъ онъ ѣдетъ?
Я гавани закрыть велю. Позволилъ
Мнѣ это герцогъ. Не уйти злодѣю!
Я разошлю портретъ его по царству
Во всѣ концы, чтобъ всякій могъ его
Тотчасъ признать. Тебя жъ, Эдмундъ мой вѣрный,
Сумѣю я поставить властелиномъ
Надъ всей землею и богатствомъ нашимъ.

Входятъ: Корнвалль, Регана и свита.

Корнвалль.

Что съ вами, честный другъ? Дурною вѣстью
Я встрѣченъ былъ, едва прїѣхавъ къ вамъ.

Регана.

Неужли это правда? Для злодѣя
Всѣхъ казней мало! Вы здоровы, Глостеръ?

ГЛОСТЕРЪ.

О, государыня, мнѣ тяжело, тяжело!

РЕГАНА.

Какъ! крестникъ моего отца? Эдгаръ?
Кому отецъ мой имя далъ? Неужель
Онъ замышлялъ убить васъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Герцогиня!
Какъ одолѣть мнѣ стыдъ мой? Какъ рѣшиться
Сказать о томъ?

РЕГАНА.

Онъ при моемъ отцѣ
Съ его безпутной свитой не былъ вмѣстѣ?

ГЛОСТЕРЪ.

Не знаю я. Мнѣ горько, очень горько!

ЭДМУНДЪ.

Онъ былъ при свитѣ.

РЕГАНА.

Нечему жъ дивиться
Его злодѣйствамъ: тамъ его склоняли
Къ отцеубійству для того, чтобъ съ нимъ
Скорѣй мотать доходы и наслѣдство.
Я отъ сестры подробное извѣстье
Объ этой буйной свитѣ получила,
И твердо я рѣшила, что, когда
Они ко мнѣ пріѣдутъ, съ ними вмѣстѣ
Не стану жить я.

КОРНВАЛЛЬ.

Да и я не стану.
Эдмундъ, я слышалъ здѣсь, что ты отцу
Услугу оказалъ, какъ вѣрный сынъ.

ЭДМУНДЪ.

Сэръ, то былъ долгъ мой.

ГЛОСТЕРЪ.

Онъ открылъ злодѣя

И раненъ былъ въ бою съ преступнымъ братомъ.

КОРНВАЛЛЬ.

Погоню вы послали ли?

ГЛОСТЕРЪ.

Да, герцогъ!

КОРНВАЛЛЬ.

Пускай его найдутъ лишь — и тогда
Навѣки онъ вредить не станетъ больше.
Вы дѣйствуйте во имя вашей власти,
Какъ сами знаете. А ты, Эдмундъ,

219

Любезный намъ за твердость и покорность,
Готовься состоять при насъ и нашимъ
По сердцу быть. Теперь намъ нужны люди
Такой высокой честности - и мы
Беремъ тебя.

ЭДМУНДЪ.

И честно стану я
Служить вамъ, сэръ.

ГЛОСТЕРЪ.

И за него я васъ
Благодарю, мой благородный герцогъ!

КОРНВАЛЛЬ (*Глостеру*).

Теперь я объясню, зачѣмъ сюда
Мы прибыли.

РЕГАНА.

Въ такую ночь глухую,
Къ несвоевременной поѣздкѣ нашей
Насъ побудили, благородный Глостеръ,
Причины не пустые, а желанье
У васъ просить совѣтовъ. Отъ отца
И отъ сестры мы вмѣстѣ получили
Извѣстье о раздорѣ. Мы отсюда
Должны имъ отвѣчать, и ждутъ гонцы
Отвѣтовъ нашихъ. Добрый старый другъ,
Сберитесь съ мыслями, забудьте горе

И дайте намъ совѣтъ, такъ важный въ дѣлѣ,
Съ которымъ медлить нечего.

ГЛОСТЕРЪ.

Миледи,
Я самъ и домъ мой весь къ услугамъ вашимъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Дворъ передъ замкомъ Глостера.

Входятъ КЕНТЪ, потомъ ДВОРЕЦКІЙ, съ разныхъ сторонъ.

ДВОРЕЦКІЙ. Здорово, пріятель. Здѣшній ты?

КЕНТЪ. Здѣшній.

ДВОРЕЦКІЙ. Гдѣ бы лошадей поставить?

КЕНТЪ. Сюда, въ лужу.

ДВОРЕЦКІЙ. Скажи, пожалуйста, будь другомъ!

КЕНТЪ. Я тебѣ вовсе не другъ!

ДВОРЕЦКІЙ. Очень я забочусь о твоей дружбѣ!

КЕНТЪ. Попадешься мнѣ въ руки, такъ позаботишься.

ДВОРЕЦКІЙ. За что ты лаешься? Я тебя не знаю.

КЕНТЪ. Да я тебя знаю!

ДВОРЕЦКІЙ. Ну, кто жъ я такой?

КЕНТЪ. Ты бездѣльникъ, подлець, лизоблюдь, трусь, наглець, оборвышъ, составъ изъ каналы, попрошайки и шельмы, мерзавецъ, котораго я заморю подъ палкой, если онъ осмѣлится отречься хоть отъ одного изъ этихъ названій!

ДВОРЕЦКІЙ. Что ты за негодяй такой въ самомъ дѣлѣ! За что ты лаешься на того, кто тебя не знаетъ и кого ты самъ не знаешь?

КЕНТЪ. Какъ, безстыдная ты рожа, смѣешь говорить мнѣ, что не знаешь меня? А кто тебя третьяго дня сбилъ съ ногъ и поколотилъ на славу, да еще при самомъ королѣ? Мечъ наголо, мерзавецъ. Нужды нѣтъ, что теперь ночь — луна свѣтитъ. Я тебя изрублю въ бифтексъ, подлая образина! (*Вынимаетъ мечъ.*)

ДВОРЕЦКІЙ. Пошелъ вонъ! нечего мнѣ дѣлать съ тобою.

КЕНТЪ. Вынимай мечъ, мерзавецъ! Ты привезъ письмо противъ короля: ты смѣешь возить раздоръ между отцомъ и дочерью! Я тебя искрошу на мелкія части. Рубись, бездѣльникъ!

ДВОРЕЦКІЙ. Разбой, разбой! Помогите!

КЕНТЪ. Рубись, мерзкая тварь! Защищайся, трусь негодный! (*Бьетъ его.*)

ДВОРЕЦКІЙ. Помогите! Разбой! разбой!

Входятъ: ЭДМУНДЪ, Герцогъ Корнвалльскій, РЕГАНА, ГЛОСТЕРЪ и слуги.

ЭДМУНДЪ. Что это? что за ссора? Я васъ!

КЕНТЪ (*Эдмунду*). Подходи, подходи, молокососъ! Я къ вашимъ услугамъ.

ГЛОСТЕРЪ. Мечи наголо! въ чемъ дѣло?

КОРНВАЛЛЬ.

Остановитесь! Первый, кто посмѣетъ
Нанести ударъ, за то заплатитъ жизнью!
Въ чемъ дѣло?

РЕГАНА. Это гонцы отъ сестры и короля.

КОРНВАЛЛЬ. За что у васъ ссора? Отвѣчайте!

ДВОРЕЦКІЙ. Я едва перевожу духъ, милордъ!

КЕНТЪ. Мало я тебѣ задалъ гонки, трусь проклятый. Сама природа
отопрется отъ тебя: видно, портной стачалъ тебя.

КОРНВАЛЛЬ. Вотъ чудакъ! портной стачалъ человѣка!

КЕНТЪ. Конечно, портной: ни каменщикъ, ни маляръ не смастерили бы
такого дурака, хотя бы не проработали надъ нимъ и ночи.

КОРНВАЛЛЬ. Въ чемъ дѣло?

ДВОРЕЦКІЙ. Вотъ этотъ старый буянъ, котораго я пощадилъ за его сѣдую
бороду...

КЕНТЪ. Ахъ, ты бездѣльникъ! ахъ, ты жалкое отродье! Ты пощадилъ мою
сѣдую бороду? Да я тебя истолку въ прахъ! да я тебя...

КОРНВАЛЛЬ (*Кенту*).

Знаешь ли, гдѣ ты?

Молчать, бездѣльникъ!

220

КЕНТЪ.

Я знаю, сэръ; но знайте, что и гнѣвъ
Свои права имѣетъ.

КОРНВАЛЛЬ.

Ты за что
Взбѣсился такъ?

КЕНТЪ.

За то, что этотъ плутъ
Имѣетъ мечъ, а чести не имѣетъ.
Я знаю этихъ ласковыхъ мерзавцевъ,
Льстецовъ-прихвостниковъ, проклятыхъ крысъ,
Всегда готовыхъ перегрызть узлы,
Которыхъ не распутать человѣку,
Святыхъ связей не чуждому. Я знаю,
Какъ эти плуты вертятся по вѣтру
И льстятъ, и ссорятъ, и въ огонь льютъ масло,

И рабски угождаютъ, и, какъ псы,
Бѣгутъ за господами. Пусть чума
Имъ вцѣпится въ безсмысленныя хари!
Что? рѣчь моя смѣшна? Эхъ, гуси, гуси!
Погналъ бы я васъ.

КОРНВАЛЛЬ.

Ты съ ума сошелъ,
Старикъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Изъ-за чего вся ваша ссора?

КЕНТЪ.

Изъ-за того, что этотъ мерзкій плутъ
Противень мнѣ до смерти.

КОРНВАЛЛЬ.

Что жъ онъ сдѣлалъ?
За что онъ плутъ?

КЕНТЪ.

Его лицо мнѣ гадко.

КОРНВАЛЛЬ.

(Указывая на себя, Эдмунда и Регану.)

Быть-можетъ, гадко и мое, и гадки
Вотъ эти лица?

КЕНТЪ.

Сэръ, всегда я правды
Любилъ держаться, оттого и долженъ
Сказать вамъ, что въ былыя времена
Видалъ я лица много лучше лицъ,
Чѣмъ тѣ, что здѣсь теперь передо мною.

КОРНВАЛЛЬ.

Я вижу, онъ изъ тѣхъ людей, которыхъ
Разъ стоитъ похвалить за прямоту,
Чтобы они за грубость принялись
По хитрому расчету. Лгать и льстить
Не можетъ онъ — честна его природа.
Онъ простъ и прямъ; пусть вѣрятъ иль не вѣрятъ,
Онъ правду говорить; онъ простодушенъ.
Такихъ плутовъ я знаю: подъ личиной
Ихъ простоты укрыто больше зла
И вредныхъ хитростей, чѣмъ можетъ скраться

У двадцати низкопоклонныхъ слугъ
Иль самыхъ раболѣпныхъ.

КЕНТЪ.

Сэръ, безъ лести,
Съ соизволенья дивныхъ совершенствъ,
Васъ красящихъ, какъ огненный вѣнецъ,
Что на челѣ сверкающаго Феба...

КОРНВАЛЛЬ. Да что ты хочешь сказать?

КЕНТЪ. Хочу отучиться отъ рѣчи, которая намъ не по вкусу. Не льстецъ я, сэръ. Кто васъ надувалъ грубыми рѣчами, былъ грубый плутъ; а грубымъ плутомъ быть я не хочу, хоть бы вы сами того отъ меня запросили.

КОРНВАЛЛЬ (дворецкому).

Ты чѣмъ его обидѣлъ?

ДВОРЕЦКІЙ.

Я? Ничѣмъ.
Недавно господинъ его, случайно
Прогнѣвавшись, меня ударить вздумалъ.
Онъ былъ при немъ и, лѣстя его досадѣ,
Мнѣ за спину зашелъ, сбилъ съ ногъ меня,
Безсовѣстно ругался надо мною
И благодарность короля за то
Онъ получилъ, какъ будто бы за подвигъ.
И вотъ теперь, опять меня увидѣвъ,
Возобновить опять онъ хочетъ буйство.

КЕНТЪ.

Послушай только труса и мерзавца
И выйдетъ, что храбрѣй Аякса онъ!

КОРНВАЛЛЬ.

Эй, люди, принести сюда колодки!
Ты, старый плутъ, буянъ велерѣчивый,
Научишься...

КЕНТЪ.

Сэръ, поздно мнѣ учиться.
Не требуйте колодокъ. Я на службѣ
У короля, и имъ же къ вамъ я посланъ.
Не слишкомъ государя вы почтите,
А оскорбите очень, заковавши
Его гонца.

КОРНВАЛЛЬ.

Эй, подавай колодки!
До полдня продержу тебя я въ нихъ,
Клянуся честію.

РЕГАНА.

До полдня только?
Нѣтъ, до ночи и ночь всю.

КЕНТЪ.

Какъ, миледи?
Когда бъ собакой вашего отца
Я былъ, вы не должны бъ такъ поступать
Со мной. (*Приносятъ колодки.*)

РЕГАНА.

Ты хуже, чѣмъ собака!

КОРНВАЛЛЬ.

Изъ тѣхъ онъ, видно, буйныхъ челядинцевъ,
Которыхъ описала намъ сестра.
Ну, что жъ колодки?

221

ГЛОСТЕРЪ (*герцогу Корнвальскому*).

Благородный герцогъ,
Прошу я васъ, не дѣлайте того:
Онъ виноватъ; но пусть его накажетъ
Король и господинъ его. Такимъ
Постыднымъ наказаньямъ подвергаютъ
Однихъ рабовъ презрѣнныхъ за покражу
И низкія вины — и горько будетъ
То королю, и самъ онъ оскорбится
Обидою гонцу.

КОРНВАЛЛЬ.

Я здѣсь въ отвѣтъ!

РЕГАНА.

Сестра скорѣ можетъ оскорбиться,
Что ею посланный слуга обиженъ,
Обруганъ въ домѣ у меня. Въ колодки!

(*Кента сажаютъ въ колодки.*)

Пойдемте, герцогъ! (*Уходитъ съ мужемъ.*)

ГЛОСТЕРЪ (*Кенту*).

Жаль тебя, пріятель!
Такъ хочеть герцогъ, а съ его приказомъ —
То знаетъ свѣтъ — нельзя шутить и спорить.
Я за тебя похлопочу.

КЕНТЪ.

Нѣтъ, сэръ,
Не хлопочите, сдѣлайте мнѣ милость!
Я мало спалъ, трудна была дорога;
Такъ я сперва посплю, а послѣ буду
Свистать-себѣ. Я знаю, что Фортуна
Непостоянна къ добрякамъ. Прощайте.

ГЛОСТЕРЪ.

Не правъ нашъ герцогъ: быть бѣдѣ большой!

(*Уходитъ.*)

КЕНТЪ (*одинъ въ колодкахъ*).

Мой добрый государь, пришлось тебѣ
Бѣжать огня и въ полымя попасться!

(*Вынимаетъ письмо изъ-за пазухи.*)

Придвинься жъ ты, фонарь земного шара,
Чтобъ при твоємъ пріятномъ свѣтѣ могъ я
Прочестъ посланье это. Лишь средь горя
Намъ чудеса являются. Я знаю,
Что отъ Корделіи оно. Извѣстно
Ей, гдѣ скрываюсь я. Извѣстно также
Ей наше горе тяжкое. Но скоро
Наступить лучшая пора. Усталъ я.
Усталыя отяжелѣли вѣки:
Закроемъ же глаза, чтобъ не глядѣть
На этотъ мерзкій домъ. Вернись еще
И улыбнись, Фортуна! Доброй ночи!

(*Засыпаетъ.*)

СЦЕНА III.

Часть пустой степи.

Входитъ ЭДГАРЪ.

ЭДГАРЪ.

Я слышалъ приговоръ, и отъ погони
Въ дуплѣ я этомъ спасся. Заперты

Всѣ гавани, и бдительная стража
Меня повсюду ищетъ. Для спасенья
Одно мнѣ остается: поскорѣй
Приму я видъ презрѣннаго бродяги,
Одѣнусь жалкимъ нищимъ, словно скотъ,
Лицо свое я выпачкаю грязью,
Взъерошу волосы и, грубой тканью
Нагое тѣло обвязавши, буду
Бродить подъ бурей и холоднымъ вѣтромъ.
Я знаю, въ этомъ краѣ есть немало
Безумцевъ дикихъ и крикливыхъ. Бродятъ
Они по селамъ, мельницамъ и фермамъ,
По бѣднымъ деревнямъ, въ нагія руки
Себѣ втыкая гвозди и колючки
И въ этомъ страшномъ видѣ умоляя
О подаяніи. Безумецъ жалкій,
И Терлигудъ, и Томъ — все это люди,
Все это что-нибудь; Эдгаръ — ничто!

(Уходитъ.)

СЦЕНА IV.

Передъ замкомъ Глостера.

Входятъ: Лиръ, Шутъ и Рыцарь. Кентъ спитъ, сидя въ колодахъ.

Лиръ.

Мнѣ странно, какъ уѣхали они
И моего гонца не отослали.

Рыцарь.

Я слышалъ, что вчера объ ихъ отъѣздѣ
И рѣчи не было.

Кентъ *(проснувшись)*.

Привѣтъ отъ насъ
Тебѣ, великій государь!

Лиръ.

Что это?
Для смѣха ты срамишь себя?

Кентъ.

Нимало.

Шутъ. Ха-ха-ха! въ какихъ онъ жесткихъ подвязкахъ! Зачѣмъ это лошадей вяжутъ за голову, собакъ и медвѣдей за шею, обезьянъ поперекъ

тѣла, а людей такъ за ноги? Когда кто выдѣлываетъ ногами разныя штуки, тому слѣдуетъ надѣвать деревянные чулки.

Лиръ.

Кто смѣлъ такъ оскорбить тебя? Кто смѣетъ
Моихъ гонцовъ наказывать? Кто онъ?

Кентъ.

Не только онъ, да и она съ нимъ вмѣстѣ:
То — ваша дочь и сынъ вашъ.

Лиръ.

Быть не можетъ!

Кентъ. Однако, это правда.

Лиръ. Нѣтъ, говорю я!

Кентъ. Да, говорю я.

222

Лиръ. Нѣтъ, они не посмѣли бы!

Кентъ. Однако, посмѣли.

Лиръ. Клянусь Юпитеромъ, нѣтъ!

Кентъ.

Клянусь Юноной, да!

Лиръ.

Нѣтъ, быть не можетъ!
Не смѣли, не могли и не желали
Они нашъ санъ такъ страшно оскорбить!
Вина такая хуже, чѣмъ убійство!
Скажи же намъ скорѣе: чѣмъ ты могъ
То заслужить и какъ они рѣшились
Такъ поступить съ моимъ гонцомъ?

Кентъ.

Въ ихъ домъ
Я прибылъ и, склонивъ колѣни, отдалъ
Отъ вашего величества посланье.
Вручивъ письмо, я не успѣлъ подняться,
Какъ въ ту жъ минуту, запыхавшись, прибылъ
Другой гонецъ, измученный ѣздою.
Въ поту и задыхаясь, произнесъ онъ
Привѣтствіе отъ леди Гонерилы

И передалъ письмо, а по прочтении
Того письма, они, созвавъ прислугу,
Пустились въ путь, небрежно приказавъ,
Чтобъ я за ними ѣхалъ и отвѣта
Въ свободный часъ дождался. Здѣсь опять
Я повстрѣчалъ гонца, который явно
Намъ повредилъ: то былъ тотъ самый плутъ,
Что смѣлъ недавно, государь, грубить вамъ.
Его увидивши, всю осторожность
Я позабылъ и мечъ извлекъ, и биться
Его позвалъ; но онъ постыднымъ крикомъ
Поднялъ весь домъ. Вашъ зять и ваша дочь
Тѣмъ оскорбились и взысканьемъ гнуснымъ
Проступокъ мой почтили.

Шутъ. Э, видно зима-то не прошла, когда дикіе гуси летять въ ту сторону. (Поетъ.)

У отцовъ богатыхъ
Ласкова семья:
У отца въ лохмотьяхъ
Дочка — что змѣя.
Для слѣпого року
Въ голякахъ нѣтъ проку!

Лиръ.

О, какъ тоскуетъ сердце! Какъ кручина
Восходитъ выше все! Гдѣ эта дочь?

Кентъ.

Здѣсь, въ замкѣ графа.

Лиръ (рыцарю).

Оставайся здѣсь!
Одинъ пойду я. (Уходитъ.)

Кентъ.

Для чего король
Съ такою малой свитой къ намъ пріѣхалъ?

Шутъ. Вотъ за такой вопросъ стоитъ тебя продержатъ въ колодкахъ подольше.

Кентъ. Это почему, дуракъ?

Шутъ. Чтобъ ты уму-разуму сколько-нибудь выучился. И муравей тебѣ скажетъ, что зимой работать не стоитъ. Развѣ носъ у тебя не затѣмъ, чтобъ пронюхивать, гдѣ пахнетъ получше? Не хватайся за колесо, когда оно внизъ катится: шею сломишь по напрасну. Вотъ коли оно вверхъ ѣдетъ, держись за него: самъ на верху будешь. Если умный человѣкъ дастъ тебѣ лучшій совѣтъ —

возврати мнѣ мой: я желалъ бы, чтобъ одни плуты ему слѣдовали, такъ какъ его даетъ дуракъ.

(Поетъ.)

Кто служить только изъ разчета,
Тотъ состоятъ при васъ для счета
И въ бурю прочь отъ васъ уйдетъ,
Чуть дождь накрапывать начнетъ.
Ну что жъ — пусть умный уберется,
А глупый возлѣ остается:
Плутъ тупъ бываетъ иногда,
Дуракъ же плутомъ — никогда!

КЕНТЪ. Гдѣ ты этому научился, дуракъ?

ШУТЪ. Ужъ, конечно, не въ колодкахъ сидя, глупый ты человѣкъ.

Лиръ и Глостеръ возвращаются.

ЛИРЪ.

Нельзя принять меня? Они больны?
Они устали? Ъхали всю ночь?
Все это вздоръ, уловки, непокорность!
Сходи еще разъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Добрый государь,
Вы знаете, какъ герцогъ вспылчивъ нравомъ,
Какъ непреклоненъ и упоренъ онъ
Въ своихъ рѣшеньяхъ.

ЛИРЪ.

Смерть! чума! проклятье!
Онъ вспылчивъ? вспылчивъ нравомъ? Глостеръ! Глостеръ!
Мнѣ герцога Корнвальскаго съ женой
Увидѣть надо.

ГЛОСТЕРЪ.

Государь, сейчасъ лишь
Я волю вашу имъ передавалъ.

ЛИРЪ.

Ты — человѣкъ? Меня ты разумѣешь?

ГЛОСТЕРЪ.

Да государь.

ЛИРЪ.

Поди скажи ему,

Что повидаться съ нимъ король желаетъ,
Отецъ любимый хочетъ видѣть дочь
И требуетъ ее къ себѣ - и знаютъ

223

Они о томъ! Клянусь моею кровью!
Онъ вспылчивъ? герцогъ вспылчивъ? Такъ скажи
Ты вспылчивому герцогу... – Нѣтъ, нѣтъ,
Теперь не время. Боленъ онъ, быть можетъ,
Я самъ не правъ: что взыскивать съ больного?
Мы надъ собой невластны: если тѣло
Страдаетъ, то и разумъ не въ порядкѣ.
Нѣтъ, удержусь. Не надо увлекаться.
Съ больныхъ и слабыхъ требовать нельзя
Того, что дать здоровый можетъ. Нѣтъ!

(Взглянувъ на Кента.)

Зачѣмъ онъ скованъ? Нѣтъ, все это вздоръ!
Хитрятъ они! Отъѣздъ ихъ — ложь пустая.
Слуга, сюда! *(Вошедшему слугѣ.)*
Иди и дай имъ знать,
Что герцога и герцогиню тотчасъ
Мнѣ надо видѣть. Пусть придутъ сейчасъ же!
Пуškai придутъ, чтобъ выслушать меня;
Не то у спальни ихъ я прикажу
Бить въ барабанъ, пока они не выйдутъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Боюсь я, быть большой бѣдѣ!

(Уходитъ.)

ЛИРЪ.

Какъ сердце бьется! Полно, полно, сердце!

Шутъ. Закричи-ка ему: «внизъ, внизъ!» какъ кричала утрямъ кухарка,
когда клала ихъ живыми въ пирогъ. А былъ и такой чудакъ, что кормилъ
лошадку сѣномъ съ масломъ.

Входятъ: КОРНВАЛЛЬ, РЕГАНА и ГЛОСТЕРЪ.

ЛИРЪ.

День добрый вамъ обоимъ.

КОРНВАЛЛЬ.

Государь,

И вамъ привѣтъ нашъ.

(Кента освобождаютъ.)

РЕГАНА.

Государь, я рада,
Что вижу васъ.

ЛИРЪ.

Я вѣрю, что ты рада;
Я думаю, что рада ты. Когда бъ
Ты не была мнѣ рада, оскорбленье
Я бъ гробу матери твоей нанесъ
Какъ гробу непотребной твари. *(Кенту.)* А!
Освобожденъ ты. Ну, объ этомъ послѣ,
Регана милая! Сестра твоя —
Злодѣйка гнусная. *(Указывая на сердце.)*
Она подъ сердце
Сюда змѣю мнѣ лютую вложила!
Она обидѣла меня, Регана!
Какъ высказать тебѣ обиду эту,
Чтобъ ты повѣрила?

РЕГАНА.

Прошу васъ, сэръ,
Въ себя придите. Вы скорѣй способны
Не оцѣнить сестру, чѣмъ отъ нея
Обиду несть.

ЛИРЪ.

Скажи мнѣ, какъ же это?

РЕГАНА.

Не вѣрю я, чтобы сестра забыла
Хоть въ чемъ-нибудь свой долгъ. Быть можетъ, сэръ,
Хотѣла обуздать она безпутство
Прислуги вашей — и хулить нельзя
Такую цѣль.

ЛИРЪ.

Проклятье на нее!

РЕГАНА.

Вы стары, добрый государь. Природа
Вѣкъ долгій вамъ дала и тѣмъ самимъ
Вамъ предписала быть подъ мудрой властью
Кого-нибудь, кто больше васъ способенъ

О васъ заботиться. Прошу я васъ,
Вернитесь къ сестрѣ, скажите ей,
Что вы не правы.

Лиръ.

Какъ! просить прощенья?

(Становится на колѣни.)

Сказать ей такъ: любезнѣйшая дочь,
Я старъ; я бесполезенъ; на колѣняхъ
Тебя прошу я — сжался надо мною,
Корми меня, дай мнѣ постель и платье?

Регана.

Сэръ, перестаньте! Тяжело глядѣть
На эти шутки. Воротитесь лучше
Къ сестрѣ моей.

Лиръ.

Регана, ни за что!
Она мою убавила прислугу,
Она глядѣла на меня сурово;
Она змѣинымъ языкомъ колола
Мнѣ сердце самое. Пусть мщенье Неба
Растетъ, растетъ и грянетъ надъ проклятой!
Пусть воздухъ чумный гибельнымъ увѣчьемъ
Ей молодыя кости поразить!

Корнвалль.

Тьфу! тьфу! тьфу!

Лиръ.

Вы, молніи, порывистымъ сіяньемъ
Ей ослѣпите дерзкіе глаза!
Пусть мгла болотная, могучимъ солнцемъ
Изъ нѣдръ земли поднятая наверхъ,
Ея красу навѣкъ обезобразить
И осквернить ей гордый ликъ!

Регана.

О, боги!
И мнѣ того же будете желать
Въ минуту злую?

Лиръ .

Нѣтъ, моя Регана!
За что я сталъ бы проклинать тебя?
Твой нравъ привѣтливъ, кротокъ и незлобенъ;
У ней свирѣпый взглядъ, твои жъ глаза
Мнѣ сердце услаждаютъ, а не жгутся.
Не станешь ты мѣшать моимъ забавамъ,
Сгонять моихъ людей и дерзкой рѣчью
Меня язвить, и напоследокъ даже
Отъ моего прихода запираяться.
Ты лучше разумѣешь долгъ природы,
Признательность и дѣтское почтеніе;
Ты не забудешь, что тебѣ я отдалъ
Полцарства.

РЕГАНА .

Государь, что жъ дальше?

(За сценой слышны трубы.)

Лиръ .

Кто моего слугу сажалъ въ колодки?

КОРНВАЛЛЬ .

Кто трубить тамъ?

РЕГАНА .

Пріѣхала сестра.
Мнѣ было писано.

Входитъ Дворецкій .

РЕГАНА .

Ты съ госпожею?

Лиръ .

А! вотъ тотъ рабъ, что милостью минутной
Почтенъ отъ госпожи и тѣмъ гордится.
Прочь съ глазъ моихъ, мерзавецъ!

КОРНВАЛЛЬ .

Государь,
Что жъ это значитъ?

Лиръ .

Прежде мнѣ скажи,
Кто моего слугу сковалъ? Регана -
Надѣюсь я - объ этомъ ты не знала?

Входитъ Гонерилья.

Лиръ.

Кто это? кто? Вы, боги всеблагіе,
Когда вы старцевъ любите, когда
Покорности хотите вы въ подвластныхъ,
Когда вы сами стары, заступитесь
Вы за меня всей силою своей! (Гонерилья.)
На эту бороду глядѣть ты можешь
Безъ тяжкаго стыда? И неужели,
Моя Регана, ты подашь ей руку?

Гонерилья.

А почему жъ и не подать? Не знаю
Я за собой вины. Не все то зло,
Что кажется виной для сумасбродовъ.

Лиръ.

Чего не можетъ сердце снести! Ужели
Я и теперь все вынесу? Въ колодки
Кто моего слугу сажаль?

Корнвалль.

Я, государь,
Велѣлъ сковать его, хоть надо было
Взыскать гораздо строже.

Лиръ.

Какъ ты смѣлъ?

Регана.

Отецъ прошу васъ, если вы такъ слабы,
То не сердитесь попусту. Вернитесь
Теперь къ сестрѣ, увольте часть прислуги
И, мѣсяцъ кончивши, ко мнѣ явитесь.
Не дома я теперь, и не могу я
Ни васъ, ни свиты вашей содержать.

Лиръ.

Вернуться къ ней и распустить прислугу?
Нѣтъ я скорѣ откажусь отъ крова,
Пойду встрѣчать ночную непогоду
И спать въ лѣсу между совой и волкомъ.
Нужда сильна. Къ ней возвратиться? Нѣтъ!
Скорѣ я предъ пылкимъ королемъ,
Что безъ приданого въ замужство взялъ
Меньшую дочь мою — предъ нимъ скорѣ

У трона я склоню мои колѣни,
Какъ щитоносецъ, какъ послѣдній рабъ,
Прося подачки. Какъ! вернуться къ ней?
Что жъ не предложишь ты мнѣ быть слугой
И вьючной тварью этого мерзавца?

(Указываетъ на дворецкаго.)

ГОНЕРИЛЬЯ.

Какъ вамъ угодно.

ЛИРЪ.

Дочь, прошу тебя,
Не доводи меня до изступленья.
Дитя мое, я болѣе не стану
Надоѣдать тебѣ; съ тобой встрѣчаться
Не буду болѣе — прощай навѣки!
Ты все-таки и плоть, и кровь моя,
Или, скорѣй, недугъ мой, язва злая,
Которую я признаю своей.
Тебя я не позорю и стыда
На голову твою не призываю:
Стыдъ самъ придетъ. Зевесу-громовержцу,
На облакахъ творящему свой судъ,
Я на тебя не жалуюсь и грома
Небеснаго въ защиту не зову.
Исправься, если можешь, на досугъ —
Я ждать могу, а жить съ моей Реганой...
Я... и сто рыцарей...

РЕГАНА.

Нѣтъ, сэръ, постойте!
Я васъ еще не ждала и принять
Васъ не могу, какъ должно. Государь,
Послушайтесь сестры. Вамъ всякій скажетъ,
Что стары вы, что весь вашъ гнѣвъ напрасень.
Сестра моя — повѣрьте — знаетъ лучше

Что дѣлать надо.

ЛИРЪ.

Такъ ли я разслушалъ?

РЕГАНА.

Подумайте: полсотни челядинцевъ
Для васъ довольно. Для чего вамъ больше?
Да и полсотни много; а толпу
Держать такую тяжело и страшно.
Легко ли будетъ поддержать порядокъ
Въ двухъ разныхъ свитахъ подъ одною кровлей,
Но подъ начальствомъ разнымъ? Это трудно
И невозможно даже.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Почему
Вамъ не могла бѣ служить сестры прислуга
Или моя?

РЕГАНА.

О, почему бѣ не такъ?
Когда кто провинится передъ вами,
За это взыщемъ мы. Когда хотите
Жить у меня, то я прошу васъ честью
Имѣть съ собой лишь двадцать-пять придворныхъ -
Я больше не приму.

ЛИРЬ.

Я все вамъ отдалъ.

РЕГАНА.

И сдѣлали не худо.

ЛИРЬ.

Я вамъ сдалъ
Всю власть мою и всѣ мои богатства,
Сто рыцарей лишь при себѣ оставилъ.
Регана, неужели я къ тебѣ
Лишь съ двадцатью-пятью пріѣхать долженъ?
Неужли ты сказала это?

РЕГАНА.

Да;
И повторить мои слова готова.

ЛИРЬ.

И злая тварь мила предъ тварью злѣйшей!
Кто меньше золь, тотъ стоитъ похвалы!

(Гонерилья.)

Къ тебѣ я ѣду: пятьдесятъ все больше,
Чѣмъ двадцать-пять — и ты добрѣ вдвое.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Отецъ, послушайте: зачѣмъ вамъ братъ
Иль пятьдесятъ, иль двадцать-пять людей
Въ тотъ домъ, гдѣ вамъ дадутъ число двойное
Служителей?

РЕГАНА.

Тутъ и одинъ не нуженъ.

ЛИРЪ.

О, не суди о нуждѣ! Жалкій нищій
Средь нищеты имѣетъ свой избытокъ.
Дай человѣку то лишъ, безъ чего
Не можетъ жить онъ — ты его сравнишь
Съ животнымъ. Для чего твои наряды?
Безъ пышности ходить въ теплѣ мы можемъ.
Лишь то, что точно нужно! О! мнѣ нужно
Терпѣнье лишъ! Терпѣнья дай мнѣ, Небо!
О, боги, здѣсь предъ вами старецъ бѣдный,
Исполненный жестокою тоскою.
Коль вы озлобили моихъ дѣтей
Противъ отца, отцу вы дайте силу:
Зажгите гордый гнѣвъ во мнѣ, не дайте
Мнѣ обезумѣть передъ оскорбленьемъ,
Не дайте проливать мнѣ женскихъ слезъ,
Постыдныхъ для мужчины! Нѣтъ, волчицы,
Я заплачу вамъ такъ, что цѣлый свѣтъ...
Я накажу васъ... самъ не знаю какъ,
Но ужасну я міръ ужаснымъ дѣломъ!
Вы думаете плакать стану я?
О, нѣтъ, я не заплачу — никогда!
Мнѣ есть о чемъ рыдать, но прежде сердце
Въ груди моей на тысячу кусковъ
Порвется! Шутъ мой, я съ ума сойду!

(Лиръ, шутъ, Кентъ и Глостеръ уходятъ.)

КОРНВАЛЛЬ.

Уйдемъ и мы: гроза идетъ. *(Слышенъ громъ.)*

РЕГАНА.

Здѣсь въ домѣ
Не много мѣста: старика со свитой
Куда мы дѣнемъ?

ГОНЕРИЛЬЯ.

Самъ онъ виновать:

Самъ напалилъ — пусть самъ же отвѣчаетъ.

РЕГАНА.

Его принять могла бы я охотно,
Безъ свиты только.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Я съ тобой согласна.
А гдѣ же Глостеръ?

КОРНВАЛЛЬ.

Съ старикомъ пошелъ.

ГЛОСТЕРЪ *возвращается*.

КОРНВАЛЛЬ.

А, вотъ и онъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Король въ жестокомъ гнѣвѣ!

КОРНВАЛЛЬ.

Куда жъ онъ ѣдетъ?

ГЛОСТЕРЪ.

На коня всей свитѣ
Велѣлъ садиться, для чего не знаю.

КОРНВАЛЛЬ.

Пусть ѣдетъ онъ себѣ, куда угодно.

ГОНЕРИЛЬЯ.

И отговаривать его не должно.

ГЛОСТЕРЪ.

Ужъ ночь близка; холодный, рѣзкій вѣтеръ
Шумитъ все крѣпче, а въ степи кругомъ
Нѣтъ ни куста.

РЕГАНА.

О, сэръ, упрямымъ людямъ
Урокъ полезенъ! Затворить ворота!
Отчаянная свита съ нимъ: кто знаетъ,
Къ чему она его настроить можетъ?

Смутить его легко теперь — и намъ
Беречься слѣдуетъ.

КОРНВАЛЛЬ (*Глостеру*).

Скорѣй, милордъ,
Ворота на запоръ! Права Регана:
Какая ночь! Уйдемте отъ грозы!
(*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Дикая степь; буря, дождь, громъ и молнія.

КЕНТЪ и ДЖЕНТЛЬМЕНЪ *встрѣчаются.*

КЕНТЪ.

Кто здѣсь? кто бродить въ эту непогоду?

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Тотъ, въ чьей душѣ такая непогода.

КЕНТЪ.

Я васъ узналъ. Гдѣ нашъ король теперь?

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Въ отчаянны онъ бродить подъ грозою;
Онъ молитъ вѣтеръ, чтобъ навѣки землю
Онъ въ море сдулъ; чтобъ волны, взгромоздившись,
Залили шаръ земной, чтобъ міръ погибъ.
Свои сѣдины рветъ онъ съ головы,
А рѣзкій вѣтеръ, въ ярости безумной
Ихъ подхвативъ, уноситъ вдаль. Онъ хочетъ
Одинъ противостать дождю и вихрю
И въ эту ночь, когда самъ тощій волкъ
И левъ съ медвѣдемъ подъ грозу не выйдутъ,
Онъ бѣгаетъ съ открытой головой
И какъ бы ищетъ бури.

КЕНТЪ.

Кто же съ нимъ?

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Одинъ съ нимъ шутъ, который отшутить
Старается тоску его.

КЕНТЪ.

Я знаю,
Что вамъ мы можемъ вѣриться - и смѣло
Передаю вѣсть важную. Раздоръ,
Доселѣ скрытый, чуть ли ужъ не вспыхнулъ
Межъ герцогомъ Корнвалльскимъ и Альбани.
У нихъ есть слуги, такъ, какъ и у всѣхъ,
Кто высоко сидитъ и власть имѣетъ.
Подъ маской слугъ — лазутчики. Французамъ
Чрезъ нихъ давно извѣстно все про насъ:
Извѣстна имъ правителей вражда,
Поступокъ звѣрскій съ старымъ королемъ
И многое, чему все это зло
Началомъ служить. Вѣрно то, что войско
Изъ Франціи въ нашъ раздробленный край
Уже пришло и, высадившись тайно,
Идетъ на насъ открытою войною.
Коль вѣрите вы мнѣ, то поспѣшайте
Теперь же въ Доверъ: тамъ найдете вы
Людей, которые вамъ благодарны будутъ
За вѣсть о королѣ, за слово правды
О томъ, что вытерпѣлъ несчастный старецъ.
Идите же. Я, дворянинъ по крови,
Даю вамъ это порученье, вѣря,
Что вы надежны.

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Должно бѣ было съ вами
Поговорить объ этомъ.

КЕНТЪ.

Нѣтъ, не надо.
Какъ вѣрный признакъ сана моего,
Возьмите этотъ кошелекъ, откройте
И, что тамъ есть, возьмите. Увидавъ
Корделію, тотчасъ же этотъ перстень
Вы ей представите: она вамъ скажетъ,
Что я за человѣкъ... Какая буря!
Я короля искать иду.

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Подайте
Мнѣ вашу руку. Все сказали вы?

КЕНТЪ.

Въ словахъ не много я сказалъ, но въ дѣлѣ

Гораздо больше. Вы идите здѣсь,
Я жъ тамъ пойду — и короля кто встрѣтитъ
Пускай другому голосъ подаетъ.

(Расходятся.)

СЦЕНА II.

Другая часть дикой степи. Буря продолжается.

Входятъ Лиръ и Шутъ.

Лиръ.

Злись, вѣтеръ, дуй, пока не лопнуть щеки!
Вы, хляби водъ, стремитесь ураганомъ,
Залейте башни, флюгера на башняхъ
Вы, сѣрные и быстрые огни,
Предвѣстники громовыхъ тяжкихъ стрѣлъ,
Дубовъ крушители, летите прямо
На голову мою съдую! Громъ небесный,
Все потрясающій, разбей природу всю,
Расплюсни разомъ толстый шаръ земли
И разбросай по вѣтру сѣмена,
Родящія людей неблагодарныхъ!

Шутъ. Что, куманекъ, подъ кровлей-то сидѣть получше, я думаю, чѣмъ здѣсь, подъ дождемъ шататься? Право, дяденька,

227

помирился бы ты лучше съ дочерьми. Въ такую ночь и умнику, и дураку — обоимъ плохо!

Лиръ.

Ревя всѣмъ животомъ, дуй, лей, греми и жги!
Чего щадить меня? Огонь и вѣтеръ,
И громъ, и дождь не дочери мои!
Въ жестокости я васъ не укоряю:
Я царства вамъ не отдавалъ при жизни,
Дѣтьми моими васъ не называлъ.
Вы не подвластны мнѣ: такъ тѣшьте смѣло
Вы надо мной, стоящимъ въ вашей власти,
Презрѣннымъ, хилымъ, бѣднымъ старикомъ!
Такъ, тѣшьте въ волю, подлые рабы,
Угодники двухъ дочерей преступныхъ,
Когда не стыдно вамъ итти войною

Противу головы съдой и старой,
Какъ эта голова! О! о! позоръ!

Ш у т ь . Умный тотъ человѣкъ, у кого теперь есть домъ съ крышкой. Не было еще красавицы, которая не гримасничала бы передъ зеркаломъ. (Поетъ.)

Тотъ, кто хочетъ жонку взять,
Не имѣя гдѣ и спать,
Только вшей заводитъ въ платы:
Такъ парятся въ нищей братьи!
Кто свой палецъ помѣститъ
Тамъ гдѣ сердце должно быть -
Не снесетъ мозолей треня,
Превратитъ свой сонъ во бдѣнье.

Входитъ К е н т ь .

Л и р ь . Я буду терпѣть молча. Я не скажу ни слова болѣе.

К е н т ь . Кто тутъ?

Ш у т ь . Король и колпакъ, мудрецъ и дуракъ.

К е н т ь .

Мой государь, какъ! здѣсь вы? Изъ людей
Никто не видѣлъ ночи больше страшной!
Отъ гнѣвныхъ тучъ ночные звѣри даже
Пугаются въ горахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ помнить
Себя я сталъ, такихъ огня потоковъ
И взрывовъ оглушительнаго грома,
И стоновъ вѣтра съ ливнемъ никогда
Не видѣлъ и не слышалъ я. Нѣтъ силъ
Все это человѣку снести!

Л и р ь .

Пусть боги
Великіе, что громъ надъ нами держатъ,
Теперь творятъ расправу! Трепещи,
Злодѣй, себя укрывшій отъ закона!
Убійца ближняго съ рукой кровавой,
Клятвопреступникъ и прелюбодѣй,
Отъ всѣхъ сокрытый! Злобный лицомъ въ,
Исподтишка злодѣйства замышлявшій,
Дрожи теперь жестокой смертной дрожью!
Откройте скрытые свои грѣхи,
Развейте тайные изгибы сердца
И съ плачемъ умоляйте громъ небесный
Васъ пощадить. Я — человѣкъ, который
Зла терпитъ болѣе, чѣмъ сдѣлалъ самъ.

К е н т ь .

Съ открытой головой онъ... Горе! горе!
Мой добрый государь, здѣсь есть шалашъ:
Тамъ вы укройтесь; я жъ опять пойду
Къ жестокосердымъ людямъ, въ домъ проклятый,
Куда сейчасъ стучался я напрасно,
Про васъ освѣдомляясь: тамъ я силой
Всѣхъ подниму.

Лиръ.

Мѣшается мой умъ.
Пойдемъ, мой другъ. Что, холодно тебѣ?
Я самъ озябъ. Товарищъ, гдѣ жъ солома?
Нужда — вещь чудная: пустой предметъ
Безцѣннымъ дѣлаетъ она. Ну, что же?
Гдѣ твой шалашъ? Иди, дуракъ мой бѣдный,
Иди за мной. Я чувствую, что въ сердцѣ
Моемъ есть жалость: я тебя жалѣю.

Шутъ (поетъ).

Кто надѣленъ хоть маленькимъ умомъ,
Тому и дождь, и вѣтеръ нипочемъ —
И долженъ тотъ доволенъ быть судьбою,
Хотя бы дождь лилъ каждый день рѣкою.

Лиръ. Правда, мой другъ. (Кенту.) Ну, води насъ къ шалашу. (Уходитъ съ Кентомъ.)

Шутъ. Вотъ славная ночь, чтобы прохладить развратницу! Но прежде чѣмъ уйти, я немного попророчествую.

Когда попъ не словамъ, а дѣлу дастъ свободу;
Когда кабачникъ лить устанетъ въ пиво воду,
Вельможа поучать начнетъ своихъ портныхъ,
А судъ жечь на кострахъ развратницъ записныхъ;
Когда въ судахъ дѣла кончатся честно будутъ;
Когда дворяне жить кредитомъ позабудутъ;
Когда тревожить ложь не будетъ языковъ,
И не останется въ толпѣ людской воровъ;
Ростовщики начнутъ любить бутры и ямы,
А сводни созидать монастыри и храмы;
Тогда нашъ Альбіонъ и бравый нашъ народъ
Смятенъ обойметъ и ужасъ проберетъ,
И время вслѣдъ затѣмъ такое ужъ настанетъ,
Что люди по землѣ ходить ногами станутъ.
Это предскажетъ Мерлинъ, потому что я живу до его времени.

СЦЕНА III.

Комната въ замкѣ Глостера.

ГЛОСТЕРЪ. Бѣда, бѣда, мой Эдмундъ! Не по-сердцу мнѣ жестокое дѣло! Я
сталъ

228

просить, чтобы мнѣ позволили пріютить бѣднаго короля — они помѣшали
мнѣ располагать собственнымъ моимъ домомъ. Они запретили мнѣ, подъ
опасеніемъ вѣчной немилости, говорить о немъ, просить за него, чѣмъ-нибудь
пособить ему.

ЭДМУНДЪ. Это дико, это безчеловѣчно!

ГЛОСТЕРЪ. Слушай же, только не рассказывай никому. Герцоги давно въ
раздорѣ; и это еще не все. Ночью получилъ я письмо — опасно говорить о
немъ — я его заперъ въ моей комнатѣ. Готовится тяжкое мщеніе за обиды,
нанесенныя королю. Уже на нашей землѣ высадилось войско. Намъ съ тобой
надо стать за короля; я сыщу его, позабочусь о немъ, ты же иди - занимай
герцога. Если обо мнѣ спросить — я боленъ, я въ постели. Пускай я умру,
пусть сбудутся ихъ угрозы, я не оставляю безъ помощи моего государя, моего
старого государя. Чудныхъ дѣлъ надо ожидать, Эдмундъ: будь же остороженъ.
(Уходитъ.)

ЭДМУНДЪ (одинъ).

Про эту преданность, безъ замедленья,
Я герцогу скажу, письмо добуду
И кончу все. За мной теперь побѣда;
Я властелинъ надъ всѣмъ твоимъ добромъ.
Пропалъ старикъ, а юношѣ удача! (Уходитъ.)

СЦЕНА IV.

Часть дикой степи съ шалашомъ.

Входятъ ЛИРЪ, КЕНТЪ и ШУТЪ.

КЕНТЪ (у шалаша).

Вотъ здѣсь. Войдите, добрый государь:
Въ такую ночь и подъ открытымъ небомъ
Не слѣдуетъ ходить.

ЛИРЪ.

Оставь меня.

КЕНТЪ.

Войдите, государь.

ЛИРЪ.

Ты хочешь сердце
Мнѣ разорвать?

КЕНТЪ.

Мое пусть рвется прежде.
Мой добрый государь, прошу - войдите.

ЛИРЪ.

Ты думаешь - промокнуть до костей
Бѣда большая? Ты и правъ отчасти;
Но тамъ, гдѣ насъ грызетъ недугъ великій,
Мы меньшого не слышимъ. Отъ медвѣдя
Ты побѣжишь, но, встрѣтивъ на пути
Бушующее море, къ пасти звѣря
Пойдешь назадъ. Когда спокоенъ разумъ,
Чувствительно и тѣло: буря въ сердцѣ
Моемъ всѣ боли тѣла заглушаетъ -
И боль одну я знаю. (*Указываетъ на сердце.*)
Эта боль —
Дѣтей неблагодарность. Что же это?
Не то же ль, что уста терзаютъ руку,
Что пищу имъ даетъ? Нѣтъ, нѣтъ, я плакать
Не стану больше. Отплачу я страшно!
Въ такую ночь не дать мнѣ крова! Лей -
Снесу я все! Регана, Гонерилья!
Въ такую ночь... Съдого старика,
Отца, отдавшего вамъ все на свѣтъ
Изъ доброты своей... Нѣтъ, замолчу,
Чтобъ разумъ не померкнулъ.

КЕНТЪ.

Государь,
Войдите!

ЛИРЪ.

Самъ войди - прошу тебя -
И успокойся самъ; меня же буря
Отъ тяжкихъ размышлений отвлекаетъ,
Иду, иду!
(*Шуту.*) Ступай впередъ, бѣдняга!
Голякъ бездомный, ну, ступай подъ кровлю;
Я жъ помолюсь и лягу спать ужъ послѣ.

(*Шутъ уходитъ.*)

Вы, бѣдные, нагіе несчастливцы,
Гдѣ бъ эту бурю ни встрѣчали вы,

Какъ вы перенесете ночь такую,
Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ,
Безъ крова надъ бездомной головой?
Кто пріютитъ васъ, бѣдные? Какъ мало
Объ этомъ думалъ я! Учись, богачъ,
Учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ,
Горюй ихъ горемъ и избытокъ свой
Имъ отдавай, чтобъ оправдать тѣмъ Небо!

Голосъ ЭДГАРА (въ шалашѣ). Сажень, сажень съ половиной! Бѣдный Томъ!
Шутъ (выбѣгая изъ шалаша). Не ходи туда, кумъ: тамъ злые духи. Ай, страшно!

КЕНТЪ. Дай руку. Кто тутъ?

ШУТЪ. Злой духъ, злой духъ, его зовутъ Томомъ.

КЕНТЪ.

Кто тамъ рычитъ въ соломѣ? Выходи!

Выходитъ ЭДГАРЪ, въ видѣ сумасшедшаго.

ЭДГАРЪ. Прочь, за мной бѣжить діаволъ! Холодный вѣтеръ дуетъ сквозь колючій терновникъ! Иди грѣться въ холодную постель.

ЛИРЪ.

Ты отдалъ все двумъ дочерямъ своимъ
И до того дошелъ?

ЭДГАРЪ. Дайте что-нибудь бѣдному Тому. Злой духъ гонялъ его по огню и пламени, по бородамъ и пучинамъ, по болоту и ямамъ, клалъ ему ножи вмѣсто подушки, кормилъ мышьякомъ. Будьте здоровы, добрые люди! Тому

229

очень холодно. Дайте милостыню бѣдному Тому. Бѣднаго Тома бѣсъ мучить!

(Буря продолжается.)

ЛИРЪ.

Какъ! все ты роздалъ дочерямъ своимъ?
Ты что себѣ сберегъ? Ты все имъ отдалъ?

ШУТЪ. Все, кромѣ лохмотьевъ, чтобъ стыдно не было.

ЛИРЪ.

Пусть всѣ недуги, что тлетворный воздухъ
Таитъ въ себѣ для казни смертнымъ злобнымъ,
Теперь падутъ на дочерей твоихъ!

КЕНТЪ. У него нѣтъ дочерей, государь.

Лиръ.

Лжешъ, рабъ! Одрѣ лишь дочери-злосѣйки
До бѣдствій могутъ довести такихъ!
Иль нынче выгоняютъ всѣ отцовъ?
Иль надо, чтобъ они страдали больше?
Казнь дѣльная: они на свѣтъ родили
Чудовищъ-дочерей

Эдгаръ. Пилликокъ! пилликокъ! у-у-у!

Шутъ. Всѣ мы, видно, одурѣемъ за эту холодную ночь!

Эдгаръ. Берегись злого духа, родителей слушайся, свято держи слово, носа не подымай, вина не пей, отъ женщинъ бѣгай. Сквозь терновникъ дуетъ холодный вѣтеръ. Бѣдный Томъ озябъ!

Лиръ. Чѣмъ же ты былъ прежде?

Эдгаръ. Волокитой, гордымъ сердцемъ и умомъ, который завивалъ волосы, носилъ перчатки на шляпѣ, служилъ похоти сердца своей любовницы и творилъ съ нею дѣло тмы, произносилъ столько клятвъ, сколько говорилъ словъ, и измѣнялъ имъ передъ священнымъ лицомъ Неба. Я засыпалъ, обдумывая соблазны, и просыпался, чтобы приняться за нихъ. Вино я любилъ глубоко, кости — нѣжно, а что касается любви къ женщинамъ, то въ этомъ отношеніи могъ заткнуть за поясъ любого турка. Коварный сердцемъ, продажный въ словѣ, съ кровью на рукахъ, свинья лѣнностью, лисица лукавствомъ, волкъ жадностью, собака бѣшенствомъ, левъ добычей... Не допускай, чтобъ скрипъ башмачка и шелестъ шелкового платья отдавали твое бѣдное сердце во власть женщинамъ; держи свои ноги подальше отъ притоновъ разврата, твои руки отъ корсета свое перо отъ записной книжки ростовщика и не страшись нечистой силы... Но сквозь тернъ все дуетъ холодный вѣтеръ: онъ говоритъ: «мумъ! мумъ!» Мальчикъ, оставь меня... Пусть его проходить... *(Буря продолжается.)*

Лиръ. Лучше бы тебѣ лежать подъ землей, нежели нагишомъ бродить подъ бурей. Неужели это человѣкъ — человѣкъ и ничего больше? Посмотри на него хорошенько: на немъ нѣтъ ни кожи отъ звѣря, ни шерсти отъ овцы, ни шелку отъ червя! А, мы все трое не люди — мы поддѣланы! Вотъ человѣкъ, какъ онъ есть — бѣдное, голое, двуногое животное... Прочь съ меня все чужое! *(Шуту)* Эй! растегни здѣсь. *(Рветъ съ себя платье.)*

Шутъ. Что ты, кумъ, затѣялъ? не раздѣвайся: здѣсь негдѣ плавать. Эхъ! хоть бы какой огонекъ въ чистомъ полѣ, хоть бы одна теплая искра въ этой стужѣ! Глядите-ка, вонъ къ намъ идетъ огонекъ.

(Показывается Глостеръ съ факеломъ.)

Эдгаръ. Это злой духъ, что до первыхъ пѣтуховъ бродить. Я его знаю: онъ насылаетъ бѣлмы, перекашиваетъ глаза, даетъ заячью губу, портитъ пшеницу рожками и всячески подгаживаетъ каждому.

Три раза приходилъ Витольдъ, святитель старый
И трижды три раза встрѣчался съ злою марой,
Велѣлъ ей встать
И клятву дать

И сгинуть ей велѣлъ, колдунѣ злой и старой.

КЕНТЪ. Что съ вами, государь?

Входитъ ГЛОСТЕРЪ съ факеломъ.

ЛИРЪ. Это кто такой?

КЕНТЪ. Кто тутъ? Чего ты ищешь?

ГЛОСТЕРЪ. Что вы за люди? Какъ зовутъ васъ?

ЭДГАРЪ. Бѣдный Томъ, что ѣстъ змѣй и ящерицъ, пьетъ стоячую воду, глотаетъ крысъ. Бѣднаго Тома бѣсы сѣкутъ на пустомъ полѣ, сажаютъ въ темницу и мучатъ ночью. У него есть три кафтана для спины, шесть рубахъ для тѣла, лошадь для ѣзды и ружье для охоты.

Теперь же то крыса, то мышь на обѣдъ,

А все же обѣдаю цѣлыхъ семь лѣтъ!

Берегись злого духа: здѣсь злые духи...

Тише, тише!

ГЛОСТЕРЪ. Какъ! мой государь, вы здѣсь, съ этимъ безумнымъ?

ЭДГАРЪ. Все бѣсы — джентльмены.

ГЛОСТЕРЪ.

Настало время тяжкое - и дѣти

Противъ своихъ родителей пошли.

ЭДГАРЪ.

Озябъ бѣдняга Томъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Мой государь,

Со мной пойдемте. Я не въ силахъ больше

Повиноваться вашимъ дочерямъ.

Пускай мнѣ велѣно замкнуть ворота

И бросить васъ на жертву ночи бурной —

Я не могу ихъ слушаться. Готовы

Для васъ пріютъ, огонь и ужинъ.

230

ЛИРЪ.

Прежде

Поговорю съ философомъ я этимъ. (*Эдгару.*)

Скажи-ка мнѣ, что за причина грома?

КЕНТЪ.

Мой добрый государь, идите жъ съ нимъ

Скорѣй подѣ кровлю.

Лирѣ .

Стой: скажу я слово
Вотъ съ этимъ ѿивскимъ мудрецомъ. Скажи -
Наука въ чемъ твоя?

Эдгарѣ .

Какъ бѣса гнать,
Бить разныхъ гадовъ.

Лирѣ .

Надо мнѣ тихонько
Спросить тебя.

Кентѣ (Глостеру).

Просите жѣ государя
Итти съ собой: мѣшается въ немъ разумъ.

Глостерѣ .

О, виновать ли онъ? Его кончины
Желають дочери. Ахъ, добрый Кентѣ!
Гдѣ онъ теперь! Все предсказалъ онъ вѣрно.
Ты говоришь, что умъ у короля
Колеблется. Мой другъ, скажу тебѣ:
Я самъ къ тому же близокъ. Сынъ родной
Искалъ моей гибели. Мой другъ,
Его любилъ я нѣжно, какъ лишь можетъ
Отецъ любить дитя свое. Отъ горя
Къ безумію я близокъ. Что за ночь!
Пойдемте, государь. (*Буря продолжается.*)

Лирѣ (Эдгару).

А, виновать!
Философъ благородный, просимъ съ нами.

Эдгарѣ . Томъ озябъ.

Глостерѣ .

Иди въ шалашъ, бѣднякъ, и грейся тамъ.

Лирѣ .

Всѣ, всѣ за нимъ!

Кентѣ .

Нѣтъ, государь, вы съ нами.

ЛИРЪ.

Нѣтъ, съ нимъ. Я съ мудрецомъ моимъ останусь.

КЕНТЪ (Глостеру).

Мой добрый лордъ, утѣшьте государя:

Возьмите нищаго съ собой.

(Эдгару.) Пойдемте жъ,

Пріятель, съ нами вмѣстѣ.

ЛИРЪ.

Ну, пойдемъ же,

Аѳинянинъ мой добрый!

ГЛОСТЕРЪ.

Тише, тише!

ЭДГАРЪ. Фу-фу-фу! пахнетъ британскою кровью.

(Уходятъ.)

СЦЕНА V.

Комната въ домѣ Глостера.

КОРНВАЛЛЬ и ЭДМУНДЪ.

КОРНВАЛЛЬ. Я расплачусь съ нимъ прежде, чѣмъ уѣду отсюда.

ЭДМУНДЪ. Какъ, благородный герцогъ? Мнѣ страшно подумать объ этомъ: меня обвинять за то, что я чувство долга поставилъ выше родственной привязанности.

КОРНВАЛЛЬ. Нѣтъ; теперь я вижу, что не изъ злобы твой братъ искалъ его гибели: его благородство было возмущено низостью отца.

ЭДМУНДЪ. Злая моя судьба! Я долженъ каяться въ томъ, что стою за правду. Вотъ письмо, про которое говорилъ онъ: изъ него ясно, что онъ на сторонѣ французовъ. Боги, боги! зачѣмъ задумалъ отецъ эту измѣну? зачѣмъ мнѣ суждено быть его обвинителемъ?

КОРНВАЛЛЬ. Пойдемъ со мной къ герцогинѣ.

ЭДМУНДЪ. И если это письмо говоритъ правду, сколько будетъ труда для васъ, благородный герцогъ!

КОРНВАЛЛЬ. Правдиво это письмо или ложно, но оно сдѣлало тебя графомъ Глостеромъ. Розыщи, гдѣ отецъ твой: его должно немедленно взять подъ стражу.

ЭДМУНДЪ (про себя). Если его найдутъ около короля — тѣмъ вѣрнѣе его участь. (Вслухъ.) Тяжко итти мнѣ противъ моей крови, но я останусь вѣренъ моему герцогу.

КОРНВАЛЛЬ. И найдешь во мнѣ истиннаго отца. Я на тебя надѣюсь. (Уходятъ.)

СЦЕНА VI.

Комната на фермѣ, близъ замка.

Входятъ: Лиръ, Глостеръ, Кентъ, Шутъ и Эдгаръ.

ГЛОСТЕРЪ. Здѣсь лучше, чѣмъ подъ открытымъ небомъ. Я приготовлю все, что надо, и сейчасъ вернусь къ вамъ.

КЕНТЪ. Пусть Небо наградитъ васъ за доброе дѣло. *(Глостеръ уходитъ.)*

ЭДГАРЪ. Бѣсы зовутъ меня: хотятъ удить рыбу въ черномъ озерѣ. *(Шуту.)* Помолись, дурачокъ, да берегись злого духа.

ШУТЪ *(Лиру)*. А какъ ты думаешь, кумъ, кто такой настоящій дуракъ: мужикъ или дворянинъ?

ЛИРЪ. Король! король!

ШУТЪ. Нѣтъ, не король, а мужикъ, у котораго сынъ въ дворяне вылѣзъ. Не сажай дѣтокъ выше себя!

ЛИРЪ. Чтобы тысячи злыхъ духовъ на

231

нихъ бросились съ калеными копьями, шипя и угрожая!

ЭДГАРЪ. Бѣсъ кусаетъ мнѣ спину.

ШУТЪ. Дуракъ тотъ, кто волка прикармливаетъ, кто вѣритъ любви мальчика и клятвѣ женщины.

ЛИРЪ.

Такъ, судъ открыть. Я ихъ зову къ отвѣту.

(Эдгару.)

Ты, просвѣщенный судія, сядь тутъ.

(Шуту.)

Ты здѣсь садись, ученый гражданинъ.

Къ суду, волчицы гнусныя!

ЭДГАРЪ.

Смотрите,

Какъ онъ стоитъ и взглядами сверкаетъ!

Иль мало глазъ вамъ на судѣ?

Бетси, что жъ ты не плывешь?

ШУТЪ.

Щель въ челнѣ ея чернѣетъ,

И сказать мѣшаетъ дрожь,

Почему приплыть не смѣетъ.

Злой духъ бежитъ за Томомъ, свищетъ соловьемъ, кричитъ у него въ животѣ. Молчи, черное пугало! Чѣмъ мнѣ кормить тебя?

КЕНТЪ.

Что съ вами, государь? Не стойте такъ
Задумавшись. Въ постель вы лягте.

ЛИРЪ.

Нѣтъ, видѣть судъ хочу я. Что жъ, зовите
Свидѣтелей. (*Эдгару.*) Ты, главный судія,
Садись на мѣсто въ мантии. (*Шуту.*) И ты,
Его товарищъ, сядь. (*Кенту.*) И ты садись,
Какъ членъ судилища.

ЭДГАРЪ. Надо судить по правдѣ.
Ты спишь иль нѣтъ, мой пастушокъ,
Твои овечки топчутъ жито;
Но стоитъ взять тебѣ рожокъ —
И стадо спитъ, отъ бѣды укрыто.
Брысь, сѣрая кошка!

ЛИРЪ. Прежде всего вызывай Гонерилью. Передъ всѣмъ честнымъ
собраніемъ приношу клятву въ томъ, что она прогнала бѣднаго короля, своего
родителя.

ШУТЪ. Идите сюда, подсудимая дама! Имя ваше Гонерилья?

ЛИРЪ. Этого она не отвергнетъ.

ШУТЪ. Очень виноватъ передъ вами: я принялъ васъ за скамейку.

ЛИРЪ.

Вотъ и другая исподлобья смотреть:
Ея душа видна изъ этихъ взглядовъ.
Остановить ее! Огня сюда!
Оружіе, мечи! Нашъ судъ подкупленъ!
Зачѣмъ ее ты выпустилъ отсюда,
Судья-предатель?

КЕНТЪ.

Горе, государь!
Гдѣ твердость ваша, гдѣ терпѣнье ваше?

ЭДГАРЪ (*въ сторону*).

Не въ силахъ удержать я слезъ своихъ;
Могу себя я выдать.

ЛИРЪ.

Для чего
Собачья стая лаетъ на меня?
Эдгаръ. Томъ отдастъ имъ свою голову. Прочь, собачонки!
Будь черна ты иль бѣла,
Будь твой зубъ острѣе зла,

Будь ты гончей иль борзой,
Сетромъ, шпицомъ иль цѣпной,
Безъ хвоста будь иль съ хвостомъ,
Быть тебя заставить Томъ.
Онъ швырнетъ въ тебя башкой,
И махнешь ты прочь стрѣлой.
Тому ѣсть нечего.

Лиръ. Разрѣжьте же грудь у Реганы. Смотрите, что у ней такое около сердца. Нѣтъ ли въ природѣ причины жестокимъ сердцамъ? (*Эдгару.*) Вы, сэръ, изъ числа моихъ ста рыцарей. Я долженъ вамъ сказать, что нарядъ вашъ мнѣ не нравится. Вы скажете, что это персидскій уборъ, все-таки перемѣните его.

Кентъ. Мой добрый государь, лягте здѣсь и отдохните хоть немного. (*Указываетъ на постель.*)

Лиръ (*ложась*). Тише, не шумите! Задерни занавѣсь. Такъ, такъ, такъ! Тсс... тсс... Мы поужинаемъ завтра утромъ.

Шутъ. А я заваляюсь спать въ полдень.

ГЛОСТЕРЪ *возвращается.*

ГЛОСТЕРЪ (*Кенту*).

Ты здѣсь, мой другъ? Что съ нашимъ государемъ?

Кентъ.

Онъ здѣсь. Не трогайте его; въ разсудкѣ
Онъ повредился.

ГЛОСТЕРЪ.

Слушай, честный другъ:
Я заговоръ подслушалъ. Государя
Хотятъ убить. Со мною здѣсь носилки.
Нельзя намъ медлить: черезъ полчаса
И онъ, и всѣ друзья его пропали.
Неси же господина своего
Скорѣ въ Доверъ; тамъ найдете вы
Защиту и пріютъ. Неси жъ его;
Отсюда проведу я васъ. Не медли,
Я приготовилъ вамъ проводниковъ.

Кентъ (*глядя на Лира*).

Покойся, измученный страдалецъ.
Пусть освѣжитъ его отрадный сонъ;
Пусть небеса хранятъ тебя! (*Шуту.*) Скорѣ,
Снесемъ же короля. Отъ господина

Ты не отстанешь.

ГЛОСТЕРЪ.

Ну, скорѣй отсюда!

(Кентъ, Глостеръ и шутъ уносятъ Лиру.)

ЭДГАРЪ.

Свое мы горе забываемъ, глядя
На горе старшихъ. Тяжело страдать,
Встрѣчая всюду счастье и радость,
Нигдѣ не видя братьевъ по страданью;
Но я могу ль роптать, когда я вижу
Убитого судьбою короля,
Страдальца отъ дѣтей своихъ? Все горе
Мнѣ легкимъ кажется. Ну, бѣдный Томъ,
Иди и будь на все готовъ; пусть только
Отъ бѣды избавить Небо государя!

СЦЕНА VII.

Комната въ замкѣ Глостера.

Входятъ: КОРНВАЛЛЬ, РЕГАНА, ГОНЕРИЛЬЯ, ЭДМУНДЪ и слуги.

КОРНВАЛЛЬ *(Гонерилья)*. Скорѣе скачите къ герцогу, вашему супругу. Покажите ему это письмо. Французское войско высадилось. Отыскать измѣнника Глостера!

(Нѣкоторые слуги уходятъ.)

РЕГАНА. Повѣсить его немедленно!

ГОНЕРИЛЬЯ. Выколоть ему глаза!

КОРНВАЛЛЬ. Предоставьте его моему гнѣву. Эдмундъ, поѣзжай съ сестрой нашей: тебѣ не слѣдуетъ видѣть мщенія надъ предателемъ, отцомъ твоимъ. Скажи герцогу, чтобъ онъ принялъ мѣры; за нами остановки не будетъ. Мы будемъ пересылаться гонцами. Прощайте, сестра! прощай, Глостеръ!

Входитъ Дворецкій.

КОРНВАЛЛЬ. Ну, что же? Гдѣ король?

ДВОРЕЦКІЙ.

Отсюда провожалъ его графъ Глостеръ.
Примкнули къ нимъ изъ королевской свиты
Часть рыцарей, искавшихъ короля,
Числомъ до сорока, а къ нимъ пристали
Иные слуги графа. Прямо въ Доверъ
Лежить ихъ путь; а тамъ, по ихъ словамъ,
Они найдутъ друзей вооруженныхъ.

КОРНВАЛЛЬ.

Готовьте лошадей для герцогини!

ГОНЕРИЛЬЯ.

Прощай, сестра, прощайте, добрый лордъ.

(Гонерилья и Эдмундъ уходятъ.)

КОРНВАЛЛЬ.

Прощай, Эдмундъ. Сыщите мнѣ злодѣя.

Подать мнѣ Глостера! Его, какъ вора,

Свяжите и сюда представьте!

(Слуги уходятъ.) Мы

Его казнить не можемъ безъ суда;

Но мы сумѣемъ сдѣлать наше дѣло

По-своему. Кто тамъ? А! здѣсь предатель?

Слуги вводятъ ГЛОСТЕРА.

РЕГАНА. Онъ! онъ! лисица подлая!

КОРНВАЛЛЬ. Вяжите ему сухія руки, вяжите ихъ крѣпче!

ГЛОСТЕРЪ.

Что значить это? Что за злыя шутки?

Вы въ домѣ у меня, мои вы гости —

Опомнитесь!

КОРНВАЛЛЬ.

Связать его, связать!

(Глостера связываютъ.)

Вяжите крѣпче!

РЕГАНА.

Извергъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Я не извергъ,

А ты безжалостна.

КОРНВАЛЛЬ.

Эй, привязать

Его къ скамейкѣ этой! Ты, предатель...

(Регана вцѣпляется въ бороду Глостера.)

ГЛОСТЕРЪ.

Клянусь богами, мерзокъ и позорень

Поступокъ твой.

РЕГАНА.

Такъ сѣдъ и такъ безстыденъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Злодѣйка! вспомни, что сѣдины эти
И жизнь получаютъ, и дадутъ свой голосъ
Противъ тебя. Убійца нечестивый
Рукъ не подниметъ на того, въ чьемъ домѣ
Онъ поселился. Я хозяинъ вашъ!

КОРНВАЛЛЬ.

А, сэръ! какія письма отъ французовъ
Ты получилъ?

РЕГАНА.

Не лгать: про все мы знаемъ.

КОРНВАЛЛЬ.

Какія ты съ врагами велъ дѣла —
Съ врагами, что теперь на земляхъ нашихъ?

РЕГАНА.

А короля безумнаго въ чьи руки
Ты отдалъ? Отвѣчай, предатель низкій!

ГЛОСТЕРЪ.

Одно письмо я получилъ. Въ немъ только
Однѣ догадки. Писано оно
Лицомъ, здѣсь непричастнымъ.

КОРНВАЛЛЬ.

Плутъ!

РЕГАНА.

И лжецъ!

КОРНВАЛЛЬ.

Куда ты короля отправилъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Въ Доверъ.

РЕГАНА.

Зачѣмъ же въ Доверъ? Или не былъ ты...

КОРНВАЛЛЬ.

Пускай отвѣтитъ, для чего же въ Доверъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Къ столбу привязанъ я — грызитесь смѣло!

РЕГАНА.

Зачѣмъ же въ Доверъ ты его отправилъ?

ГЛОСТЕРЪ (*Реганъ*).

Чтобъ не видать, какъ станешь ты, злодѣйка,
Царапать старцу бѣдные глаза;
Чтобъ не видать, какъ въ царственное тѣло
Твоя сестра вонзитъ клыки кабаньи.
Когда подъ бурей, съ головой открытой,
Въ ночь адски-черную несчастный старецъ
Дождемъ лилъ слезы, море воздымалось
До звѣздъ небесныхъ. Если бъ въ ночь такую
Завыли волки у твоихъ воротъ,
Должна бъ была сказать ты: «добрый сторожъ,
Пусти волковъ!» и съ звѣрствомъ распроститься!
Да, я еще увижу, какъ нагрянетъ
На васъ съ сестрой крылатая отплата!

КОРНВАЛЛЬ.

Нѣтъ, не видать тебѣ того. Эй, люди!
Держите стулъ! Твои глаза я прежде
Ногами растопчу.

*(Глостера придерживаютъ на стулъ;
герцогъ вырываетъ у него одинъ глазъ и топчетъ его ногами.)*

ГЛОСТЕРЪ.

О, помогите мнѣ, вы всѣ, кто хочетъ
Дожить до старости! О, извергъ! Боги!...

РЕГАНА.

И тотъ глазъ вонъ, чтобъ не обидно было!

КОРНВАЛЛЬ.

А, мщенья хочешь ты...

Одинъ изъ слугъ.

Постойте, герцогъ!

Служилъ я съ дѣтства вамъ, но лишь теперь
Могу вамъ сослужить большую службу.
Опомнитесь, прошу васъ!

РЕГАНА.

Какъ, собака?...

СЛУГА.

И ты опомнись! Если бъ съ бородой
Ходила ты, тебя схватилъ бы я
За бороду. Что дѣлаешь ты?

КОРНВАЛЛЬ.

Какъ!
Мой рабъ! вассалъ мой!

(Бросается къ нему, обнаживъ мечъ.)

СЛУГА *(вынимая мечъ).*

Что жъ, давайте биться!

(Они сражаются. Корнвалль раненъ.)

РЕГАНА *(другому слугѣ).*

Дай мнѣ свой мечъ, когда рабы возстали!

(Беретъ мечъ, заходитъ сзади и убиваетъ слугу.)

СЛУГА.

Убить я!
(Глостеру.) Графъ! у васъ остался глазъ...
Мучитель вашъ наказанъ — поглядите!

(Умираетъ.)

КОРНВАЛЛЬ.

Нѣтъ, онъ не поглядить!

(Вырываетъ другой глазъ Глостеру.)

Вонъ, студень гнусный!
Гдѣ весь твой блескъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Темно вокругъ. Мнѣ страшно. Гдѣ Эдмундъ?
Гдѣ сынъ мой милый? Гдѣ Эдмундъ мой вѣрный?
Отмсти за это дѣло!

РЕГАНА.

Вонъ, предатель!
Напрасно вызываешь ты того,

Кто врагъ тебѣ. Эдмундъ открылъ измѣну,
Эдмундъ намъ все сказалъ, и о тебѣ
Едва ль жалѣть онъ будетъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Горе! Горе!
Безумецъ я, и мой Эдгаръ невиненъ!
Пошлите счастья ему, о боги!
Простите ль вы меня?

РЕГАНА.

Толкнуть его
За ворота, и пусть онъ ищетъ носомъ
Дороги въ Доверъ. Герцогъ, что съ тобой?
Что рана?

КОРНВАЛЛЬ.

Тяжело мнѣ! Прочь уйдемъ,
Прочь эту тварь слѣпую! На навозъ
Его вы бросьте. Кровь идетъ, и сильно,
Не во-время я раненъ. Дай мнѣ руку.

(Корнвалль уходитъ, опираясь на Регану. Слуги освобождаютъ Глостера и выводятъ его.)

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Нѣтъ, если этотъ человѣкъ не будетъ
Наказанъ страшно, то примусь я смѣло
Грѣхи творить.

ВТОРОЙ СЛУГА.

Ежели она
Жить долго будетъ и умереть спокойно,
То женщины въ чудовищъ обратятся!

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Пойдемъ за старымъ графомъ и приищемъ
Ему изъ нищихъ жоака. Пожалуй,
Съ собой бѣду онъ сдѣлаетъ.

ВТОРОЙ СЛУГА.

А я белковъ яичныхъ вмѣстѣ съ паклей

Добуду, чтобъ къ глазамъ его несчастнымъ
Скорѣ приложить. Пусть Небеса

Несчастному помогут!

(Уходятъ въ разныя стороны.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Пустая степь.

Входитъ ЭДГАРЪ, одинъ.

ЭДГАРЪ.

Такъ, лучше жить и въ нуждѣ, и въ презрѣннѣ,
И знать про то, чѣмъ посреди льстецовъ,
Презрѣнный вѣкъ влачить. Бѣднякъ послѣдній,
Низверженный, униженный судьбою,
Живетъ надеждой, недоступенъ страху:
Судьбы измѣнчивость страшна счастливымъ,
Несчастному жъ — нимало. Мой привѣтъ
Тебѣ, безплотный и свободный вѣтеръ!
Ты сдуль меня въ пучину золь — и мнѣ
Ужъ нечего тебя бояться! Кто тутъ?

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ *вводитъ* ГЛОСТЕРА.

ЭДГАРЪ.

Отецъ мой? съ нищимъ? О, превратность свѣта!
Ты примиряешь человѣка съ смертью.
Черезъ тебя намъ ненавистна жизнь!

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ *(Глостеру)*. О, добрый мой господинъ! Развѣ не
жилъ я на вашихъ земляхъ и земляхъ вашего отца цѣлыя восемьдесятъ лѣтъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Прочь, добрый другъ! оставь меня. Уйди.
Мнѣ не поможешь ты, а на себя
Бѣду накличешь.

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Какъ же, сэръ, дорогу
Найдете вы?

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ у меня дороги,
И глазъ не нужно мнѣ. И съ полнымъ зрѣньемъ
Я спотыкался часто. Есть отрада

И въ бѣдствіи, и въ недостаткахъ нашихъ.
Эдгаръ! мой милый сынъ! ты — жертва гнѣва
Отца обманутаго! О! когда бъ я дожилъ
Хоть до того, чтобы тебя обнять,
Я слѣпоту забылъ бы...

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Кто здѣсь? кто?

ЭДГАРЪ (*въ сторону*).

О, боги! кто сказать имѣетъ право:
«Я всѣхъ несчастнѣй!» Бѣдствія мои
Сильнѣй, чѣмъ прежде были.

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Это Томъ
Юродивый.

ЭДГАРЪ (*въ сторону*).

И хуже можетъ быть! Бѣдамъ предѣла
На свѣтѣ нѣтъ, пока сказать мы можемъ:
«Я всѣхъ несчастнѣй!»

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Ты куда, пріятель?

ГЛОСТЕРЪ.

Здѣсь нищій съ нами?

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Нищій и безумный.

ГЛОСТЕРЪ.

Коль добываетъ хлѣбъ онъ, значитъ въ немъ
Разсудокъ есть еще. Вчера такого
Я бѣдняка во время бури встрѣтилъ.
Подумалъ я тогда, что человѣкъ
И червь — одно и то же; а потомъ
Мнѣ сынъ на мысль пришелъ, хоть я тогда
Его врагомъ считалъ. Съ тѣхъ поръ я много
И перенесъ, и понялъ. Для боговъ
Мы то же, что для ребятишекъ мухи:
Насъ мучить — имъ забава.

ЭДГАРЪ (*въ сторону*).

Что мнѣ дѣлать?

Какъ тяжело предъ несчастнымъ притворяться!

(Громко.)

Пусть Небеса тебя утѣшаютъ, старецъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Такъ это голый нищій?

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Да, милордъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Иди жъ отсюда прочь. Когда меня
Еще ты любишь, то достань скорѣе
Немного платья бѣдняку, а онъ
Меня водить возьметъ. Насъ догонишь
Ты по дорогѣ къ Доверу.

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Съ безумнымъ
Какъ вы пойдете?

ГЛОСТЕРЪ.

Въ смутные года
Идетъ всегда слѣпецъ за сумасшедшимъ.
Иди же, я прошу тебя, и дѣлай,
Какъ знаешь, только прочь иди.

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Не знаю,
Что выйдетъ изъ того, но принесу
Свой лучшій плащъ ему. (Уходитъ.)

ГЛОСТЕРЪ.

Эй ты, голякъ!
Поди сюда!

ЭДГАРЪ.

Озябъ, бѣдняжка Томъ.

(Въ сторону.) Я не могу,
Не въ силахъ больше притворяться.

ГЛОСТЕРЪ.

Что же,

Поди сюда!

ЭДГАРЪ (*въ сторону*).

А надо притворяться!

(*Громко.*) Милость Неба

Твоимъ глазамъ несчастнымъ и коварнымъ!

Г л о с т е р ь . Ты знаешь дорогу въ Доверъ?

Эдгаръ . И дороги, и тропинки, и заборы, и заставы. Бѣдный Томъ повредился. Спасайся отъ злыхъ духовъ, добрый человѣкъ! Пятеро сидятъ въ бѣдномъ Томѣ: Обидикуть - распутникъ, Гобидидансъ, князь нѣмыхъ, Маху, воровской начальникъ, Мадо, повелитель душегубовъ, Флибертиджибетъ, кривляка, что мучить служанокъ. Боги пусть спасаютъ тебя, добрый господинъ!

Г л о с т е р ь .

Вотъ кошелекъ — возьми его себѣ,
Бѣднякъ, убитый Небомъ! Я въ бѣдѣ;
Ты будь чрезъ то счастливѣй. Пусть же Небо
Къ тому ведетъ всегда. Пускай богачъ
Изнѣженный, забывши справедливость,
Безчувственно-слѣпой, весь гнѣвъ Небесъ
Извѣдаетъ вполнѣ; тогда онъ станетъ
Дѣлиться съ бѣдными своимъ избыткомъ,
Тогда не будетъ нищеты. Ты знаешь
Дорогу въ Доверъ?

ЭДГАРЪ .

Знаю, господинъ!

Г л о с т е р ь .

Тамъ есть утесъ высокій: наклонившись
Вершиной смѣлою, въ пучину моря
Глядитъ онъ грозно. Ты меня взведи
На самый край утеса: тамъ, бѣднякъ,
Я подарю тебѣ подарокъ цѣнный
И отпущу тебя. Меня водить
Не надо будетъ больше.

ЭДГАРЪ .

Руку дай!

Бѣдняга Томъ сведетъ тебя туда.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Передъ дворцомъ герцога Альбанскаго.

Входятъ: Гонерилья, Эдмундъ; *имъ на встрѣчу* — Дворецкій.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Добро пожаловать, милордъ! Дивлюсь я
Тому, что кроткій мой супругъ не вышелъ
Навстрѣчу вамъ.
(*Дворецкому.*) Гдѣ герцогъ?

ДВОРЕЦКІЙ.

Герцогъ дома,
Но, государыня, его узнать
Совсѣмъ нельзя. Я сообщилъ ему,
Что высадился врагъ — онъ улыбнулся;
Сказалъ я, что вы ѣдете сюда —
«Тѣмъ хуже», онъ отвѣтилъ; рассказалъ я
Про Глостера измѣну, про заслугу
Его меньшого сына — онъ меня
Назвалъ глупцомъ и объявилъ, что я
Не разумѣю дѣла. Вѣсти злая
Ему пріятны; что же всѣмъ пріятно —
Его тревожить.

ГОНЕРИЛЬЯ (*Эдмунду*).

Не ходите дальше.
Онъ трусости постыдной поддался,
Забылъ всю смѣлость и не хочетъ видѣть
Обидъ, зовущихъ мщенье. То, что мы
Дорогою задумали, на дѣлѣ
Свершиться можетъ. Поѣзжайте къ брату,
Стяните войско, власть надъ нимъ примите.
Я здѣсь вооружусь, а мужу въ руки
Отдамъ веретено. Дворецкій этотъ
Въ сношеньяхъ нашихъ помогать намъ будетъ.
Умѣйте смѣлымъ быть — и къ вамъ придетъ
Посланіе отъ милой. (*Даетъ ему ленту.*)
Тсс... ни слова
Носите это. Наклонитесь. (*Цѣлуетъ его.*)
Если бъ
Мой поцѣлуй смѣлъ говорить, душа
Твоя бы замерла въ блаженствѣ. Думай
О томъ, что я сказала - и прощай.

ЭДМУНДЪ.

Я твой до смертныхъ мукъ.

(*Уходитъ.*)

ГОНЕРИЛЬЯ.

Мой Глостеръ милый!

Какъ неравны мужчины! Поклоненья
Вполнѣ ты стоишь, а владѣеть мною
Безумецъ жалкій.

ДВОРЕЦКІЙ.

Вотъ и герцогъ самъ.

ГОНЕРИЛЛЯ.

А! наконецъ, идетъ онъ.

Входитъ АЛЬБАНИ.

АЛЬБАНИ.

Гонерилья!
Не стоишь праха ты, что вѣтеръ буйный
Тебѣ въ лицо кидаетъ. Страшно думать
О томъ, что выйдетъ изъ тебя! Кто смѣетъ
Итти противъ начала своего,
Тотъ самъ себя погубить и, какъ вѣтка,
Отъ дерева отпавшая родного,
Зачахнетъ, высохнетъ и въ адскій пламень
Лишь будетъ годень.

236

ГОНЕРИЛЛЯ.

Полно! вздоръ ты мелешь.

АЛЬБАНИ.

Добро и мудрость — вздоръ для злыхъ по сердцу!
Имъ по душѣ лишь зло. Тигрицы злыя,
Какихъ вы дѣлъ надѣлали! Вы старца,
Отца почтеннаго, благого сердцемъ,
Котораго сѣдины самъ медвѣдь
Лизалъ бы съ ласкою, безчеловѣчьемъ
Съ ума свели! Какъ братъ мой это снесъ?
Какъ допустилъ онъ васъ терзать того,
Кому онъ самъ обязанъ всѣмъ на свѣтѣ?
О! если боги не пошлютъ на землю
Своихъ духовъ для страшнаго отмщенья,
То люди станутъ пожирать другъ друга,
Какъ чудища морскія!

ГОНЕРИЛЛЯ.

Трусъ несчастный!

Для поруганій голову ты носишь
И щеки для пощечинъ. У тебя
Во лбу нѣтъ глазъ, чтобъ дѣло различать,
Чтобъ видѣть, какъ теперь необходимо
Итти навстрѣчу злу. Чего ты ждешь?
Гдѣ мечъ твой? На поляхъ спокойныхъ нашихъ
Развились французскія знамена.
Твой смертный врагъ идетъ въ пернатомъ шлемѣ,
А ты, глупецъ правдивый, только смотришь
И говоришь: «зачѣмъ это?»

А ЛЬБАНИ.

Взгляни
Ты на себя, злой духъ! И въ адскомъ бѣсѣ
Безчеловѣчіе не такъ ужасно,
Какъ въ женщинѣ!

ГОНЕРИЛЯ.

Глупецъ пустоголовый!

А ЛЬБАНИ.

Стыдись, чудовище! не искажай
Себѣ лица ты злобою. Когда бы
Я волю далъ своимъ рукамъ и сердцу,
Была бы ты разорвана на части
Съ костями и тѣломъ. Но хоть ты злой духъ,
А образъ женщины — тебѣ защита.

ГОНЕРИЛЯ.

А, расхрабрился ты!

Входитъ Гонецъ.

А ЛЬБАНИ.

Какія вѣсти?

ГОНЕЦЪ.

Корнвальскій герцогъ умеръ. Онъ убить
Своимъ слугой въ то время, какъ глаза
Онъ вырвалъ у Глостера.

А ЛЬБАНИ.

Глаза
У Глостера!

ГОНЕЦЪ.

Въ порывѣ состраданья,
Имъ вскормленный слуга извлекъ свой мечъ

Въ защиту Глостера, и герцога, въ гнѣвъ
Убилъ слугу, но самъ былъ тяжело раненъ
И вскорѣ умеръ.

А ЛЬБАНИ.

Такъ, въ небесахъ
Есть Судія, и быстро мститъ. Онъ намъ
За наши преступленія на свѣтѣ!
О, бѣдный Глостеръ! Потерялъ онъ глазъ?

ГОНЕЦЪ.

Обоихъ глазъ онъ, государь, лишился.

(Гонерилья.)

Вотъ письмецо къ вамъ отъ сестрицы вашей,
Которая отвѣтитъ на него,
Сударыня, васъ проситъ поскорѣе.

ГОНЕРИЛЬЯ (*въ сторону*).

Отчасти новость хороша; но горемъ
Она грозитъ. Теперь сестра свободна,
И съ ней Эдмундъ - и замыслы мои
Погибнуть могутъ. Я прочту его
И тотчасъ дамъ отвѣтъ. (*Уходятъ*.)

А ЛЬБАНИ.

Гдѣ жъ былъ Эдмундъ,
Когда отца его терзали?

ГОНЕЦЪ.

Онъ уѣзжалъ съ моею госпожою
Сюда.

А ЛЬБАНИ.

Его здѣсь нѣтъ.

ГОНЕЦЪ.

Его я встрѣтилъ,
Когда онъ возвращался.

А ЛЬБАНИ.

Знаетъ онъ
Злодѣйство это?

ГОНЕЦЪ.

Благородный герцогъ!
Онъ предалъ самъ отца и прочъ уѣхалъ,

Чтобы жестокой казни не мѣшать.

АЛБАНИ.

О, честный Глостеръ! я живу на свѣтѣ,
Чтобъ вѣрность королю въ тебѣ цѣнить,
Чтобъ мстить за бѣдныя твои глаза.
Пойдемъ, пріятель; Расскажи все дѣло.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Французскій лагерь близъ Довера.

Входятъ КЕНТЪ и ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

КЕНТЪ.

Зачѣмъ король французскій такъ поспѣшно
Домой вернулся?

237

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Что-то въ королевствѣ
Случилось нечаянное; вспомнилъ
Онъ о дѣлахъ, не конченныхъ при немъ -
И, словомъ, тамъ теперь необходимо
Его присутствіе.

КЕНТЪ.

А кто жъ при войскѣ?

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Monsieur Леферъ командуетъ войсками.

КЕНТЪ.

Когда письмо ты отдалъ королевѣ,
Была она огорчена вѣстями?

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

При мнѣ сама прочла она письмо -
И слезы тихо, за слезой слеза,
По нѣжному лицу катились. Съ горемъ
Боролася по-царски королева,
Хотя оно и силилось власть
Надъ нею взять.

КЕНТЬ.

Такъ тронута она?

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Но не до изступленья. Будто споря
Между собой, печаль и твердость духа
Смѣнялись на ея лицѣ прелестномъ,
Какъ въ день весенній солнца лучъ и дождь,
И слезы, и улыбка въ немъ мѣшались.
Съ ея очей алмазныхъ, словно перлы,
Катились слезы, и на зло слезамъ,
Улыбка-прелесть съ устъ не исчезала —
Короче, грусть была бы рѣдкой вещью,
Когда бъ она такъ красила людей.

КЕНТЬ.

Спросила ли она о чемъ?

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Да, разъ иль два
Прерывисто и шопотомъ сказала
Она: «отецъ!», какъ-будто это слово
Давило сердце ей, потомъ вскричала:
«Ахъ, сестры! сестры! женщины! стыдитесь!
Отецъ мой! сестры! Кентъ! какъ! въ бурю? ночью?
Гдѣ жъ въ мірѣ жалость?» Тутъ изъ глазъ лазурныхъ
Святая влага хлынула рѣкой —
И съ плачемъ кинулась отъ насъ, чтобъ съ горемъ
Наединѣ остаться.

КЕНТЬ.

Звѣзды неба,
Святыя звѣзды правятъ человѣкомъ!
Иначе не могла бъ чета людей
Рождать на свѣтъ такихъ дѣтей различныхъ.
Съ тѣхъ поръ не говорилъ ты съ нею?

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Нѣтъ.

КЕНТЬ.

Ты былъ передъ отъѣздомъ короля?

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Нѣтъ, послѣ.

КЕНТЬ.

Ну, хорошо. Несчастный Лиръ теперь
Здѣсь, въ городѣ. Въ хорошія минуты
Приходитъ онъ въ себя, но никогда
Не хочетъ видѣть дочери.

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

За что же?

КЕНТЪ.

Великій стыдъ его и жжетъ, и гложетъ.
Онъ сознаетъ жестокость всю, съ которой
Лишилъ ее благословенья, въ край
Чужой забросилъ и ея права
Нарушилъ въ пользу старшихъ дочерей,
Съ собачьими сердцами въ женской груди -
Вотъ что его язвить, что отдаляетъ
Его отъ дочери.

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

О, бѣдный старецъ!

КЕНТЪ.

Гдѣ герцоги и ихъ войска?

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Навстрѣчу
Они идутъ къ намъ.

КЕНТЪ.

Ну пойдѣмъ же къ Лиру.
При немъ ты оставайся; я жъ покуда
Скрываться долженъ; есть на то причины.
Когда жъ тебѣ я сдѣлаюсь извѣстнымъ,
Жалѣть не станешь ты о томъ, что мы
Здѣсь познакомились. Идемъ же вмѣстѣ!

СЦЕНА IV.

Французскій лагерь близъ Довера, палатка.

Входятъ: Корделія, Врачъ и воины.

КОРДЕЛІЯ.

Ахъ, это онъ! Его видали въ полѣ
Безумнымъ. Будто море въ непогоду,
Онъ громко пѣлъ, а голову себѣ
Убралъ онъ васильками и крапивой,

Горчицей, колокольчиками, макомъ
И всякою негодною травою,
Что хлѣбъ глушить. Искать его вездѣ!
Пошлите цѣлый полкъ, чтобъ обыскали
Полей загложшихъ каждый уголокъ.
Сыщите мнѣ его!

(Офицеры уходятъ. Врачу.)

Твоя наука
Возстановить ли поврежденный разумъ?
Спаси его — я все тебѣ отдамъ.

ВРАЧЪ.

Есть средство, королева: сонъ спокойный

238

Есть исцѣлитель страждущей природы.
Его не знаетъ онъ; но я имѣю
Лѣкарства, отъ которыхъ скорбь сама
Глаза сомкнетъ.

КОРДЕЛІЯ.

О, пусть всѣ тайны Неба,
Природы неизвѣданныя силы
Изъ слезъ моихъ родятся и дадутъ
Отцу любезному отраду въ жизни!
Ищите же, ищите короля,
Чтобъ не успѣлъ онъ въ часъ тоски безумной
Себя сгубить.

Входитъ Гонецъ.

ГОНЕЦЪ.

Я съ вѣстью къ королевѣ!
Британскія войска на насъ идутъ.

КОРДЕЛІЯ.

Мы это знаемъ. Мы готовы къ бою;
Мы встрѣтимъ ихъ. Отецъ, отецъ мой милый,
Я для тебя иду врагамъ навстрѣчу,
Я для тебя горячими слезами,
Моей тоской и неотступной просьбой
Властителя французовъ умолила.
Мы въ бой идемъ не для завоеваній,

Но за любовь святую, за права
Отца и старца. Скоро ль я опять
Увижусь съ нимъ, его услышу голосъ?

(Уходятъ.)

СЦЕНА V.

Комната въ замкѣ Глостера.

Входятъ Регана и Дворецкій.

РЕГАНА. Выступили войска брата?

ДВОРЕЦКІЙ. Да, государыня!

РЕГАНА.

Онъ съ ними самъ?

ДВОРЕЦКІЙ.

Съ трудомъ собрался онъ.

Онъ меньше воинъ, чѣмъ его супруга.

РЕГАНА.

Не говорилъ съ нимъ лордъ Эдмундъ?

ДВОРЕЦКІЙ.

Ни разу.

РЕГАНА.

Что можетъ быть въ письмѣ сестры къ Эдмунду?

ДВОРЕЦКІЙ.

Не знаю, герцогиня.

РЕГАНА.

Онъ отсюда

Поѣхалъ по дѣламъ. Безумно было

Въ живыхъ оставить Глостера слѣпого:

Куда теперь онъ ни приходитъ, всюду

Противу насъ сердца онъ раздражаетъ.

Эдмундъ уѣхалъ, чтобъ изъ состраданья

Покончить съ нимъ, и кстати поразвѣдать

Про непріятеля.

ДВОРЕЦКІЙ.

Ему письмо

Я долженъ передать; къ нему я ѣду.

РЕГАНА.

Мы завтра выступаемъ. Здѣсь останься:
Опасенъ путь.

ДВОРЕЦКІЙ.

Отдать письмо я долженъ:
Мнѣ строго приказала герцогиня.

РЕГАНА.

О чемъ она писать къ Эдмунду можетъ?
Ты могъ бы на словахъ сказать, что надо.
То можетъ-быть... не знаю... Я тебя
Сумѣю наградить. Дай мнѣ письмо:
Дай мнѣ прочесть его.

ДВОРЕЦКІЙ.

Скорѣе я...

РЕГАНА.

Я знаю, что она не любитъ мужа —
Я въ томъ увѣрена. Въ послѣдній разъ
Глядѣла странно, дерзко и безстыдно
Она на благороднаго Эдмунда -
Про все ты знаешь самъ.

ДВОРЕЦКІЙ.

Я, герцогиня?

РЕГАНА.

Я знаю то, что говорю. Смотри же,
Запомни все и самъ соображай.
Мой герцогъ умеръ; мы въ ладу съ Эдмундомъ,
И я его не уступаю сестрѣ.
Когда его догонишь, ты отдай
Ему записку эту; герцогинѣ жъ
Ты посовѣтуй быть впередъ умнѣе.
Итакъ - прощай. А ежели случится
Тебѣ измѣнника слѣпого встрѣтить,
То вспомни, что за голову его
Назначена хорошая награда.

ДВОРЕЦКІЙ.

Когда его я встрѣчу, то увидятъ,
На чьей я сторонѣ.

РЕГАНА.

Прощай, мой другъ.

(Уходитъ.)

СЦЕНА VI.

Поле близъ Довера.

Входятъ ГЛОСТЕРЪ и ЭДГАРЪ, одѣтый въ платье поселянина.

ГЛОСТЕРЪ.

Когда же мы на верхъ горы взберемся?

ЭДГАРЪ.

Мы всходимъ. Чувствуешь, какъ трудень шагъ?

239

ГЛОСТЕРЪ.

Мнѣ кажется, путь ровень.

ЭДГАРЪ.

На утесъ

Взбираемся мы. Слышишь ропотъ моря?

ГЛОСТЕРЪ.

Не слышу ничего.

ЭДГАРЪ.

Отъ боли глазъ

Другія чувства у тебя ослабли.

ГЛОСТЕРЪ.

Должно-быть, такъ. И показался мнѣ,

Что измѣнился голосъ твой, что рѣчь

Твоя плавнѣй и лучше прежней.

ЭДГАРЪ.

Ошибся ты: на мнѣ другое платье -

И только.

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ; ты говоришь краснѣ.

ЭДГАРЪ.

Мы на утесъ. Смирно стой. Какъ страшно

И жутко кинуть взглядъ въ такую бездну!

Вороны, галки, что подъ нами выются,

Съ жука величиною. Надъ обрывомъ,
Межъ дномъ и нами, человѣкъ повиснулъ
И рветъ укропъ — ужасное занятъе!
Онъ меньше головы своей. Какъ мыши,
У взморья ходятъ рыбаки. Тамъ барка
Высокая, на якорѣ, по виду
Не больше шляпки; шляпка жъ съ поплавокъ,
Едва примѣтный глазу. Не доходитъ
Къ намъ плескъ волны, дробящейся о камни.
Нѣтъ, страшно внизъ глядѣть. Смутится разумъ,
Въ глазахъ померкнетъ — и слетишь стремглавъ
Внизъ головою!

ГЛОСТЕРЪ.

Тамъ, гдѣ ты стоишь,
Поставь меня.

ЭДГАРЪ.

Дай руку. Ты на шагъ
Отъ самой бездны. Ни за что на свѣтъ
Я не ступлю впередъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Оставь же руку.
Вотъ кошелекъ тебѣ, мой другъ, а въ немъ
Есть камешекъ — для бѣдняка находка.
Прощай! Будь счастливъ! Отойди же прочь.
Простись со мной! Уйди такъ, чтобъ я слышалъ.

ЭДГАРЪ.

Прощайте, добрый сэръ!

(Дѣлаетъ видъ, что удаляется.)

ГЛОСТЕРЪ.

Прощай, мой другъ!

ЭДГАРЪ *(тихо)*.

Я хитростью моею излѣчу
Его отчаянье.

ГЛОСТЕРЪ.

Вы, силы Неба,
Прощаюсь съ міромъ я, и злое горе
Съ себя свергаю, стоя передъ вами!
Когда бъ я могъ все жизни зло сносить;
Когда бъ имѣлъ я силу преклониться

Предъ вашею непобѣдимой волей,
Великой волей — ждалъ бы я спокойно,
Пока сгоритъ свѣтильникъ здѣшней жизни.
Нѣтъ силы ждать. Когда Эдгаръ мой живъ,
Ему пошлите счастье! Другъ, прощай!

(Прыгаетъ, будто съ утеса, и падаетъ на томъ же мѣстѣ.)

ЭДГАРЪ.

Упалъ, упалъ! Прощайте, сэръ! Не знаю,
Изъ-за чего творить самоубійство,
Когда вся жизнь — дорога къ вѣрной смерти!

(Глостеру, измѣняя голосъ.)

Ты живъ ли, другъ мой? Эй! подай же голосъ!
Ты слышишь ли меня? Онъ точно мертвый!
Нѣтъ, оживаетъ. Что съ тобою?

ГЛОСТЕРЪ.

Прочь!
Дай умереть мнѣ.

ЭДГАРЪ.

Изъ чего ты сдѣланъ,
Изъ пуха, воздуха, изъ паутины?
Какъ могъ слетѣть съ такого ты утеса
И не разбиться въ прахъ? Ты дышишь; крови
Не вижу я; ты цѣлъ, глядишь, какъ люди;
А высоты, съ которой ты свалился,
Не вымѣрять, хоть десять мачтъ свяжи.
Какое чудо!

ГЛОСТЕРЪ.

Падалъ я иль нѣтъ?

ЭДГАРЪ.

Стремглавъ слетѣлъ сюда ты съ этой кручи.
Взгляни — вотъ этотъ мѣловой утесъ —
Взгляни туда. Тамъ жаворонокъ вьется;
Но пѣсня не доходить къ намъ. Взгляни...

ГЛОСТЕРЪ.

Увы, я слѣпъ!
Неужели страдальцамъ нѣтъ надежды
Искать спасенья въ смерти? Неужели
Теперь намъ нѣтъ прибѣжища отъ бѣдствій,
Отъ самовластья гордаго?

ЭДГАРЪ.

Дай руку,
Встань. Что, каковъ ты? можешь ты стоять?

ГЛОСТЕРЪ.

Могу стоять я.

ЭДГАРЪ.

Истинное чудо!
Кто былъ съ тобой на высотѣ утеса

240

И прочь пошелъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Одинъ бѣднякъ несчастный.

ЭДГАРЪ.

Казалось мнѣ снизу, что его
Глаза свѣтились, будто двѣ луны;
Онъ на лицѣ имѣлъ носовъ безъ счету;
Его рога вились и колебались,
Какъ волны въ бурю. Вѣдь, то былъ самъ дьяволъ!
Благодари жъ боговъ счастливый старецъ!
Легко имъ все, на что нѣтъ силъ у насъ!
Спасенъ богами ты!

ГЛОСТЕРЪ.

Все помню я,
И буду я сносить все горе жизни,
Пока она не скажетъ мнѣ: «довольно!
Теперь умри!» То былъ не человѣкъ?
Мнѣ будто слышалось: «дьяволъ, дьяволъ!»
Такъ, дьяволъ на утесъ меня завелъ?

ЭДГАРЪ.

Такъ, успокойся жъ. Кто пришелъ сюда?

Входитъ Лиръ, причудливо убранный цвѣтами.

ЭДГАРЪ.

Съ разсудкомъ человѣкъ ходить не сталъ бы
Въ такомъ нарядѣ.

Лиръ.

Нѣтъ, чеканить деньги
Я въ правѣ, потому что я король!

Эдгаръ. О, душу разрывающій видъ!

Лиръ. Въ этомъ дѣлѣ природа выше искусства. Вотъ твои деньги за вербовку. Этотъ солдатъ держитъ свой лукъ, какъ чучело. Вытащите мнѣ аршинъ ткача. Смотрите, смотрите — мышъ! Тс! тс!... тише!... вотъ кусочекъ поджареннаго сыру... Мы ее сейчасъ, сейчасъ! А! здѣсь моя боевая перчатка? Вотъ мы ее попробуемъ на великанѣ. Славно полетѣла птичка! въ цѣль, прямо въ цѣль... Такъ! (Эдгару.) Какой пароль?

Эдгаръ. Душистый майоранъ.

Лиръ. Проходи.

Глостеръ. Я знаю этотъ голосъ!

Лиръ. А, Гонерилья! съ сѣдой бородою! Онѣ меня гладили, какъ собаченку; онѣ лстили мнѣ. У меня не было волосъ на бородѣ, а онѣ уважали мои сѣдины; на мои слова мнѣ говорили *да* и *нѣтъ* въ одно время. А! я ихъ понималъ, когда дождь меня промочилъ хорошенько! Когда я дрожалъ отъ студеного вѣтра, когда громъ не захотѣлъ умолкнуть по моему приказу, тутъ-то я ихъ хорошо понималъ! Нѣтъ, лстивымъ рѣчамъ не надо вѣрить. Мнѣ говорили, что я всемогущъ: лихорадка сильнѣе меня.

Глостеръ.

Неужели?... знакомъ мнѣ этотъ голосъ!...
Неужели здѣсь король?

Лиръ.

Король! король отъ головы до ногъ!
Гляди, какъ дрожь рабовъ моихъ колотить,
Когда гляжу на нихъ я. Человѣка
Я этого прощаю: онъ невиненъ.
Въ чемъ ты виновенъ — въ прелюбодѣяньи?
Ты не умрешь: какъ умирать за это?
И воробей, и мошка золотая
Грѣшатъ въ глазахъ открыто у меня.
Пусть процвѣтаютъ страсти и развратъ!
Сынъ Глостера, хотя и незаконный,
Былъ къ своему отцу куда добрѣй,
Чѣмъ дочери, мной на законномъ ложѣ
Зачатыя. Ликуй же сладострастье!
Рождай дѣтей: мнѣ нужны, вѣдь, солдаты!
Взгляни на эту барыню-болтунью,
На чьемъ лицѣ сіяетъ добродѣтель;
Но чуть услышитъ слово «наслажденье»,
Она качаетъ головой —
И ни хорека, ни выпущенный конь

На кличъ его такъ жадно не отвѣтятъ.
Они — центавры внизъ отъ поясицы,
Хотя до верху женщины онѣ.
Онѣ по поясъ — образъ божества,
А все, что ниже — чорта достоянье:
Тамъ адъ, тамъ мракъ, тамъ пышущая бездна,
Удушливая вонь, зараза и позоръ.

Фи, фи! Дайте мнѣ унцію мускусу, любезный аптекаръ, чтобы я могъ освѣжить мое воображеніе. Вотъ вамъ и деньги.

ГЛОСТЕРЪ.

О, дай свою поцѣловать мнѣ руку!

ЛИРЪ.

Дай вытру прежде: тлѣномъ пахнуть руки.

ГЛОСТЕРЪ.

Развалины величія былого,
Остатокъ отъ могучаго созданья!
Что весь нашъ міръ пространный? — Дымъ и прахъ!
(Лиръ.) Меня ты знаешь ли?

ЛИРЪ.

Тебя я помню.

Я помню твои глаза... Знаю, что ты на меня косишься. Не трудись, слѣпой Купидонъ: меня Любить не заставишь. Прочти этотъ вызовъ; гляди хорошенько на почеркъ! смотри на буквы!

ГЛОСТЕРЪ.

Когда бъ онѣ блестѣли ярче солнца,
Я ни одной изъ буквъ не распознаю!

ЭДГАРЪ (въ сторону). Я не повѣрилъ бы чужому разсказу объ этомъ. Мое сердце рвется отъ жалости!

ЛИРЪ (Глостеру). Читай же!

ГЛОСТЕРЪ. Чѣмъ же я буду читать, государь?

ЛИРЪ. Ого! вотъ ты какой человѣкъ? Ни глазъ во лбу, ни денегъ въ карманѣ? Глазамъ трудно, за то кошелекъ легко! Однакожь, ты видишь, какъ все идетъ на свѣтъ.

ГЛОСТЕРЪ. Не вижу, но чувствую.

ЛИРЪ. Съ ума ты сошелъ, что ли? Развѣ нельзя и безъ глазъ различать дѣла людскія? Гляди своими ушами. Слышишь, какъ судья-мошенникъ издѣвается надъ убогимъ воромъ? Слушай, слушай, что я теперь тебѣ скажу на

ухо. *(Тихо.)* Перемѣни мѣста: который теперь изъ двухъ воръ, который судья вора? Видалъ ли ты, какъ собака лаетъ на нищаго?

ГЛОСТЕРЬ. Да, государь!

ЛИРЬ. И голякъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ отъ собаки! Собаки онъ долженъ слушаться: она — власть.

Злой пономарь, ты весь въ крови! Прочь руки!
Зачѣмъ съчешь развратницу? Скорѣ
Свою подставь ты спину. По душѣ
Ты самъ развратенъ. Ростовщикъ повѣсилъ
Обманщика. Сквозь рубище худое
Порокъ ничтожный ясно виденъ глазу;
Подъ шубой парчевою нѣтъ порока!
Закуй злодѣя въ золото — стальное
Копье закона сломится безвредно;
Одѣнь его въ лохмотья — и погибнетъ
Онъ отъ пустой соломинки пигмея.
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ! Нѣтъ! я знаю.
Я заступлюсь за всѣхъ — зажму я рты
Доносчикамъ. Ты это знай, мой другъ!
Купи себѣ стеклянные глаза
И, какъ дрянной политикъ, дѣлай видъ,
Что видишь то, чего не видно. Ну!
Скинь сапоги мнѣ. Ну! сильнѣе! такъ!

ЭДГАРЬ.

Какъ правда свѣтлая сплелася съ бредомъ,
Разсудокъ — съ помѣшательствомъ ума!

ЛИРЬ.

Когда ты плакать хочешь обо мнѣ,
Бери мои глаза. Тебя я знаю:
Ты Глостеромъ зовешься. Будь же твердъ;
Ты знаешь, съ плачемъ мы на свѣтъ родимся,
Кричимъ и вопимъ, чуть понюхавъ воздухъ.
Скажу я проповѣдь тебѣ. Вниманье.

ГЛОСТЕРЬ.

О, горе! горе!

ЛИРЬ.

Родясь на свѣтъ, мы плачемъ: горько намъ
Къ комедіи дурацкой подступаться!
Какъ! эта шляпа хороша? Я хитрость
Претонкую придумалъ. Надо взять
Полкъ конницы и лошадей копыта
Обвить соломой. Я устрою это,

Къ зятѣямъ своимъ подкрадусь и тогда
Бей! бей! бей! бей! бей! бей! бей!

Входятъ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ изъ свиты Корделии и слуги.

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Берите! здѣсь онъ! Вотъ онъ! Государь!
(*Лиру.*) Любезнѣйшая ваша дочь...

Лиръ.

Спасите! Нѣтъ спасенья! Какъ! я плѣнникъ?
Судьба меня дурачить. Вы со мной
Получше обращайтесь. Будетъ выкупъ.
Врача пошлите мнѣ: я раненъ такъ,
Что виденъ мозгъ.

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Все будетъ, государь!

Лиръ.

Никто мнѣ не поможетъ. Одинокъ я.
Мнѣ тяжело — солоно отъ слезъ. Могу я
Цвѣты слезами поливать изъ глазъ
И пыльную смочить дорогу.

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Государь...

Лиръ.

Я, какъ женихъ, умру, съ отважнымъ сердцемъ!
Ну, что? шутить я стану. Я — король!
Вы, господа, не знаете меня?

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Вы государь нашъ, всѣ мы слуги ваши.

Лиръ. Такъ нечего и говорить съ вами. Хотите поймать, такъ побѣгайте
прежде. Ну-ка! ну-ну-ну!

(Убѣгаетъ; прислуга бѣжитъ за нимъ.)

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

О, горькій, безпредѣльно горькій видъ
Въ самомъ рабѣ, не только въ государѣ!
Еще тебѣ осталась дочь: загладитъ
Она позоръ, природѣ нанесенный
Другими дочерьми.

Эдгаръ.

Привѣтъ вамъ, сэръ!

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

И вамъ. Что вы хотите?

ЭДГАРЪ.

То правда ль, что готовится сраженье?

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Всякъ знаетъ это, у кого есть уши.

ЭДГАРЪ.

Скажите мнѣ изъ милости — отъ насъ
Ужъ близко непріятель?

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Очень близко.

Спѣшитъ онъ, и увидимъ скоро мы
Его войска.

ЭДГАРЪ.

Благодарю васъ очень.

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Хоть королева здѣсь еще по дѣлу,
Но войско вышло.

242

ЭДГАРЪ.

Сэръ, благодарю васъ.

(Джентльмэнъ уходитъ.)

ГЛОСТЕРЪ.

Вы, боги милосердые, пошлите жъ
Мнѣ смертный часъ, чтобъ противъ вашей воли
Мнѣ не поддаться злему искушенью
И не погибнуть непокорнымъ.

ЭДГАРЪ.

Старецъ,
Честна твоя молитва!

ГЛОСТЕРЪ.

Кто со мною?

ЭДГАРЪ.

Бѣднякъ, давно свое смирившій сердце
Подъ бѣдствія бичомъ, знававшій горе
И оттого доступный состраданью...
Дай руку: я веду тебя.

ГЛОСТЕРЪ.

Отъ сердца
Благодарю тебя. Пусть милость Неба
Тебя съ избыткомъ наградить.

(Входитъ Дворецкій Освальдъ, вооруженный.)

ДВОРЕЦКІЙ.

Вотъ счастье!
Моя награда!
(Глостеру.) Ты, слѣпой преступникъ,
Нарочно сдѣланъ для того, чтобъ я
Могъ отличиться. Эй, измѣнникъ старый!
Молись живѣе: вынуть мечъ и кончить
Пора съ тобою!

ГЛОСТЕРЪ.

Кончай однимъ ударомъ,
По-дружески.

(Эдгаръ вступается за Глостера.)

ДВОРЕЦКІЙ *(Эдгару)*.

Ты смѣешь, дерзкій рабъ,
Измѣнникамъ открытымъ быть защитой?
Вонъ! берегися очумѣть и съ нимъ
Погибнуть вмѣстѣ!

ЭДГАРЪ *(поддѣлываясь подъ рѣчь крестьянъ)*. Нѣтъ! ужъ, съ позволенія вашей милости, я его не дамъ въ обиду.

ДВОРЕЦКІЙ. Пошелъ прочь! или умрешь, какъ собака!

ЭДГАРЪ. Эй, почтенный баринъ, иди своей дорогой, не мѣшай бѣднымъ людямъ. Эй, не лѣзь къ старику! не суйся, говорятъ тебѣ! Въ послѣдній разъ говорю: я тебѣ изломаю кости, если ты сунешься.

ДВОРЕЦКІЙ. Прочь, навозная куча!

ЭДГАРЪ. Видно, придется пересчитать тебѣ зубы. *(Сражаются.)* Ну-ну! очень я боюсь твоего меча!

(Сражаются. Эдгаръ валитъ дворецкаго на землю и убиваетъ.)

ДВОРЕЦКІЙ.

Убить я. Рабъ, возьми мой кошелекъ:
Похорони меня. На мнѣ найдешь
Ты письма. Ежели большой награды
Себѣ ты хочешь, отвези ихъ тотчасъ
Эдмунду Глостеру въ британскій лагерь...
О! смерть - не во-время... (*Умираетъ.*)

ЭДГАРЪ.

Тебя я знаю,
Услужливый бездѣльникъ и всегдашній
Угодникъ злобной госпожи своей.

ГЛОСТЕРЪ.

Какъ! онъ убить?

ЭДГАРЪ.

Сядь, отдохни, отецъ!
Я загляну въ карманъ его. Тѣ письма
Не бесполезны мнѣ. Убить онъ — жалко,
Что отъ моей руки. Теперь посмотримъ,
Печать сломаемъ! Не къ чему приличье!
Чтобъ мысль врага узнать, рѣшится всякій
И сердце разорвать у супостата,
Бумаги жъ и подавно.

(*Вынимаетъ письмо и читаетъ.*)

«Вспомни общую нашу клятву. Тебѣ легко покончить съ его жизнью, если
есть на то охота: за временемъ и средствомъ остановки не будетъ. Если онъ
воротится съ побѣдою — все пропало. Тогда я плѣнница, а его постель — мнѣ
темница. Тебѣ предстоитъ спасти меня отъ темницы этой съ ея духотой и
смадомъ. Тебѣ предстоитъ за подвигъ твой занять его мѣсто. Твоя жена —
хотѣла бы сказать я — и преданная Гонерилья».

О безпредѣльное непостоянство
Порывовъ женскихъ! Умысль преступный
На жизнь супруга добраго — и братъ мой
На мѣсто мужа! Здѣсь, въ песокъ я брошу
Твой мерзкій трупъ, гонецъ убійць безбожныхъ,
А герцогу я самому отдамъ
Проклятое посланье: пусть узнаетъ
Объ умыслѣ и о твоей онъ смерти.

(*Уходитъ, волоча тѣло.*)

ГЛОСТЕРЪ.

Король ума лишился; я жъ несчастный,
Я твердъ умомъ - и ясно разумѣю
Всю мѣру бѣдъ моихъ! О! лучше бъ было

Съ ума сойти и оторваться мыслью
Отъ тяжкихъ золь и потерять всю память
О горькой долѣ...

Входитъ опять ЭДГАРЪ.

ЭДГАРЪ.

Дай скорѣе руку,

243

Я слышу барабанъ вдали: уйдемъ;
Я отведу тебя къ надежнымъ людямъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА VII.

Палатка во французскомъ лагерѣ.

Лиръ спитъ въ постели; Врачъ, Джентльмэнъ и прочіе стоятъ вокругъ.

Входятъ Корделія и Кентъ.

КОРДЕЛІЯ.

Мой добрый Кентъ, скажи, какой цѣной
Я заплачу за всѣ твои заслуги?
Жизнь коротка моя, и средства малы.

КЕНТЪ.

Я оцѣненъ царицей, и съ избыткомъ
Я награжденъ за все. Въ словахъ моихъ
Я былъ правдивъ и скромень.

КОРДЕЛІЯ.

Дни печали
Мнѣ твой нарядъ напомнилъ: скинь его,
Одѣнься, какъ велить твой санъ.

КЕНТЪ.

Прошу я
У вашего величества прощенья.
Меня узнать здѣсь могутъ — и покуда
Я умоляю для сокрытой цѣли,
Чтобъ вы меня не узнавали даже.

КОРДЕЛІЯ.

Пусть будетъ такъ, мой добрый лордъ.

(Врачу.)

Скажи мнѣ,
Каковъ король?

ВРАЧЪ.

Еще онъ не проснулся.

КОРДЕЛІЯ.

О, Небеса благія!
Пошлите исцѣленіе тяжкимъ ранамъ,
Возстановите силы, защитите
Отца, отъ горя ставшаго младенцемъ!

ВРАЧЪ.

Онъ долго спалъ, и если королевѣ
Угодно, то разбудимъ мы больного.

КОРДЕЛІЯ.

Не мнѣ рѣшать; какъ приказалъ твой разумъ,
Такъ поступай теперь. Одѣтъ король?

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Да, государыня; во время сна
Его переодѣли.

ВРАЧЪ.

Королевѣ
При немъ быть надо. Увѣряю я,
Что онъ спокоенъ будетъ.

КОРДЕЛІЯ.

Хорошо.

ВРАЧЪ.

Поближе, государыня!

(Музыкантамъ, которые вошли и стали въ палаткѣ.)

Играйте!
Сильнѣй, сильнѣй!

КОРДЕЛІЯ.

Отецъ! Отецъ, мой милый!
Пускай уста мои передадутъ
Тебѣ здоровье съ поцѣлуемъ этимъ!
Пускай они залѣчатъ злую скорбь,
Что сестры нанесли тебѣ подъ старость!

КЕНТЪ.

О, милая и кроткая царица!

КОРДЕЛІЯ.

Когда бъ ты не былъ ихъ отцомъ, на жалость
Твои сѣдины вызвать ихъ могли бы
Неужли эта голова встрѣчала
И буйный вѣтеръ, и удары грома?
Неужели надъ нею, беззащитной,
Змѣились молній стрѣлы? и всю ночь
Безъ крова оставался старецъ бѣдный?
Собака моего врага — собака,
Кусавшая меня, въ такую ночь
Стояла бы у моего огня. А ты,
Отецъ мой бѣдный, въ эту ночь былъ долженъ
Искать убѣжища въ соломѣ смятой,
Въ норѣ, съ плутами, свиньями. О, боги!
Какъ жизнь его съ умомъ не отлетѣла?

(Лиръ просыпается; Корделія дрожитъ и робѣетъ. Врачу.)

Проснулся онъ. Заговори съ нимъ.

ВРАЧЪ.

Должно
Вамъ, государыня, съ нимъ говорить.

КОРДЕЛІЯ *(Лирѣ)*.

Здоровъ ли мой великій повелитель?
Какъ чувствуетъ себя король?

ЛИРЪ.

Зачѣмъ меня
Изъ гроба вынули? Ты — ангелъ свѣтлый!
Но я прикованъ къ огненному кругу,
И плачу я, и эти слезы жгутся
Такъ, какъ свинецъ растопленный.

КОРДЕЛІЯ.

Узнали
Меня вы, государь?

ЛИРЪ.

Тебя я знаю:
Ты — свѣтлый духъ. Давно ты умерла?

КОРДЕЛІЯ.

О, горе! бредить онъ.

ВРАЧЪ.

Еще проснуться
Онъ не успѣлъ въполнѣ.

ЛИРЪ.

Гдѣ былъ я? гдѣ я?

244

Какъ ясенъ день! Обманиваюсь я?
Мнѣ тяжело было бѣ видѣть человѣка
Такимъ, какъ я. Что говорить — не знаю.
Вотъ эти руки, кажется, мои,
Я чувствую, что колется булавка —
И все не вѣрю.

КОРДЕЛІЯ.

Государь, взгляните
Вы на меня; соедините руки
Съ благословеньемъ надо мною.

(Лиръ падаетъ передъ ней на колѣни.)

Нѣтъ,
Зачѣмъ хотите вы склонить колѣни?

ЛИРЪ.

Прошу тебя: не смѣйся надо мною!
Я беззащитный, глупый старичишка;
За восемьдесятъ лѣтъ мнѣ, и едва ли
Я въ полномъ разумѣ, сказать по правдѣ:
Тебя я будто знаю, и его
Я тоже знаю. *(Указываетъ на Кента.)*
Думается мнѣ
О томъ, гдѣ я. И платье это также
Взялось откуда? Гдѣ я спалъ всю ночь —
Опять не знаю. Все-таки не смѣйтесь:
Мнѣ кажется, какъ будто эта леди —
Дитя мое, Корделія.

КОРДЕЛІЯ.

Я! я!

ЛИРЪ.

Дай мнѣ коснуться глазъ твоихъ. То — слезы,
Они мокры. Прошу тебя, не плачь.
Дай яду мнѣ, коли онъ здѣсь: я выпью.
Не любишь ты меня. Я безъ причины
Твоими сестрами былъ оскорбленъ,
Но у тебя причина есть.

КОРДЕЛІЯ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Нѣтъ, нѣтъ причины!

ЛИРЪ.

Гдѣ же я, скажите!
Во Франціи?

КЕНТЪ.

Нѣтъ, въ вашемъ государствѣ.

ЛИРЪ.

Не обижайте же меня.

ВРАЧЪ.

Утѣштесь,
О, кроткая царица! Изступленье,
Какъ видите, прошло; но есть опасность
Въ воспоминаніяхъ о прошломъ горѣ.
Возьмите короля съ собой и дайте
Ему опомниться.

КОРДЕЛІЯ.

Мой государь,
Угодно вамъ пройтись?

ЛИРЪ.

Да-да, съ тобою.
Прости и прошлое забудь. Я старъ и глупъ.

(Лиръ, Корделія, врачъ и свита уходятъ.)

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Ужели правда, что Корнвальскій герцогъ
Лишился жизни?

КЕНТЪ.

Это достовѣрно.

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Но кто жъ ведетъ войска?

КЕНТЪ.

Эдмундъ, какъ слышно,
Сынъ Глостера побочный.

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

А Эдгаръ,
Законный сынъ его, при графѣ Кентѣ,
Въ Германіи?

КЕНТЪ.

Измѣнчива молва.
Не до того намъ. Герцоговъ войска
Уже подходятъ.

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Будетъ бой — и тяжкій!
Прощайте же.

КЕНТЪ.

Теперь мнѣ ждать недолго:
Бѣды ли, счастья ль — битва то рѣшитъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Британскій лагерь близъ Довера.

Входятъ съ музыкой и знаменами: ЭДМУНДЪ, РЕГАНА, офицеры, воины и свита.

ЭДМУНДЪ (*офицеру*).

Узнай вѣрнѣй, на что рѣшился герцогъ:
Не измѣнилъ ли снова онъ послѣднихъ
Своихъ рѣшеній? Онъ непостояненъ
И переменчивъ. Пусть отвѣтитъ прямо!

(*Офицеръ уходитъ.*)

РЕГАНА.

Что сталося съ гонцомъ моей сестры?
Боюсь бѣды.

ЭДМУНДЪ.

И я боюсь того же!

РЕГАНА.

Мой милый Глостеръ, вамъ вполнѣ извѣстна
Вся преданность моя. Скажите жъ мнѣ
По правдѣ, не скрываяся: сестру -
Вы любите?

ЭДМУНДЪ.

Почтительной любовью.

РЕГАНА.

Почтительной? И никогда другихъ
Вы не имѣли цѣлей?

245

ЭДМУНДЪ.

Что за мысль!

РЕГАНА.

Мнѣ кажется, что вы съ моей сестрой
Ужъ очень близки.

ЭДМУНДЪ.

Нѣтъ, клянусь въ томъ честью!

РЕГАНА.

Она мнѣ ненавистна. Милый Глостеръ,
Не довѣряйте ей.

ЭДМУНДЪ.

Оставьте это.
Она и мужъ ея!

Входятъ Альбани, Гонерилья въ сопровожденіи войска.

ГОНЕРИЛЬЯ (*въ сторону*).

Нѣтъ, не позволю ей насъ разлучать!
Пусть лучше проиграемъ мы сраженіе!

АЛЬБАНИ (*Эдмунду и Реганѣ*).

Привѣтъ вамъ нашъ, любезная сестра.
Вы, Глостеръ, знаете, что нашъ король
Теперь при дочери; что вмѣстѣ съ ними
Противу насъ идутъ съ французской ратью
Другіе лорды, взявшіе оружіе
По нашей же винѣ. Гдѣ нѣту правды,

Тамъ не могу я храбрымъ быть. Я биться
Могу съ французомъ за владѣнья наши,
Но не за то, что старца короля
Онъ защищаетъ.

ЭДМУНДЪ.

Благородный герцогъ,
Вы честно говорите.

РЕГАНА.

Но къ чему
Всѣ эти разсужденья?

ГОНЕРИЛЬЯ.

Надо намъ
Не разсуждать о частныхъ нашихъ спорахъ,
А заодно итти врагу навстрѣчу.

АЛЬБАНИ.

Совѣтъ вождей созвалъ я: тамъ рѣшенъ
Мы постановимъ.

ЭДМУНДЪ.

Я сейчасъ явлюсь
Въ палатку вашу, герцогъ.

РЕГАНА.

Сестра, идешь ты съ нами?

ГОНЕРИЛЬЯ.

Нѣтъ.

РЕГАНА.

Иди. Повѣрь, оно приличнѣй будетъ.

ГОНЕРИЛЬЯ (*въ сторону*).

О, поняла я все! (*Вслухъ.*) Идемъ, сестрица!

(*Эдмундъ, Гонерилья и Регана уходятъ.*)

Входитъ ЭДГАРЪ переодѣтый.

ЭДГАРЪ (*подходя къ Альбани*).

Когда вамъ не гнусна, могучій герцогъ,
Рѣчь бѣдняка, то смѣетъ онъ просить
Вниманья вашего.

АЛЬБАНИ (*вслѣдъ жентъ и прочимъ*).

Я догоню васъ. (*Эдгару.*)

Что скажешь ты?

ЭДГАРЪ.

Вотъ вамъ письмо. Прочтите
Его предъ битвой. Если суждено
Вамъ побѣдить, то прикажите вызвать
На трубный звукъ того, письмо кто подалъ.
На видъ ничтоженъ я, но я представляю
Бойца, который подтвердитъ все то,
Что здѣсь написано. Но если бой
Несчастенъ будетъ — всѣ дѣла мірскія
Прошли для васъ, и замысламъ конецъ.
Прощайте, будьте счастливы.

АЛЪБАНИ.

Постой же,
Пока прочту письмо.

ЭДГАРЪ.

Запрещено
Мнѣ ждать. Потомъ, по вызову герольда,
Явлюсь я самъ. (Уходитъ.)

АЛЪБАНИ.

Прощай. Письмо прочту.

ЭДМУНДЪ *возвращается.*

ЭДМУНДЪ.

Врагъ показался. Стройте ваше войско.
Вотъ вамъ расчетъ о силахъ супостата
По вѣрнымъ свѣдѣніямъ. Но теперь
Спѣшить вамъ надо.

АЛЪБАНИ.

Я не буду медлить.

(Уходитъ.)

ЭДМУНДЪ (*одинъ*).

Обѣимъ сестрамъ клялся я въ любви.
Одна другую ненавидитъ больше,
Чѣмъ ненавидитъ змѣя тотъ, кто змѣемъ
Ужаленъ былъ. Которую изъ двухъ
Мнѣ взять? Одну? - обѣихъ? - ни одной?
Пока жива одна изъ нихъ, съ другою
Мнѣ не ужиться. За вдовой гоняясь,
Ожесточу сестру ея; у той же

Мужъ живъ еще. Для предстоящей битвы
Онъ нуженъ намъ, а послѣ не замедлитъ
Его жена столкнуть съ дороги нашей.
Теперь онъ думаетъ о томъ, чтобъ Лира
И дочь его щадить. Пускай побѣду
Я одержу и захвачу ихъ въ руки —
Посмотримъ, какъ онъ защититъ ихъ. Полно!
Не думать надобно, а дѣлать дѣло. (*Уходитъ.*)

246

СЦЕНА II.

Поле между двумя лагерями.

*Тревога и музыка. По театру проходятъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами:
Лиръ, Корделія и ихъ войско. По уходъ ихъ входятъ Эдгаръ и Глостеръ.*

ЭДГАРЪ.

Присядь, отецъ, подъ деревомъ: оно
Кидаетъ тѣнь отрадную. Молися
О правомъ дѣлѣ. Если я вернусь,
То съ доброй вѣстью. (*Уходитъ.*)

ГЛОСТЕРЪ.

Милости Небесъ
Пускай съ тобой пребудутъ неразлучно!
(*Барабаны и музыка. Французское войско бѣжитъ.*)

Входитъ опять ЭДГАРЪ.

ЭДГАРЪ.

Бѣги, старикъ! Дай руку! Прочь отсюда!
Разбить король, и онъ, и дочь въ плѣну!
Дай руку! Что жъ?

ГЛОСТЕРЪ.

И здѣсь могу я сгнить.
Зачѣмъ пойду я прочь?

ЭДГАРЪ.

Какъ? ты опять
Поддался мыслямъ вреднымъ? Мы должны
Теперь сносить: на то мы въ свѣтъ родимся.
Всесильно время. Ну, пойдемъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Ты правъ!

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Британскій лагерь близъ Довера.

*Входитъ Эдмундъ торжественно съ музыкой и знаменами;
ЛИРА и КОРДЕЛІЮ приводятъ, какъ плѣнниковъ. Офицеры, солдаты и прочіе.*

Эдмундъ (указывая на Лира и Корделію).

Возьмите ихъ отсюда и обоихъ
Подъ стражею надежною держите
До новаго приказа.

КОРДЕЛІЯ.

Не одни мы
Бѣдой постигнуты за честнымъ дѣломъ!
Мнѣ горько за тебя, родитель бѣдный;
Сама же я умѣю на бѣду
Глядѣть съ презрѣньемъ. Намъ, быть-можетъ, надо
Увидѣть тѣхъ сестеръ и дочерей?

ЛИРЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Скорѣй уйдемъ въ темницу!
Мы станемъ пѣть въ ней, будто птицы въ клѣткѣ.
Когда попросишь ты, чтобъ я тебя
Благословилъ, я самъ, склонивъ колѣни,
Прощенья буду у тебя просить.
И такъ мы станемъ жить вдвоемъ и пѣть,
Молиться, сказки сказывать другъ другу,
Смѣяться надъ придворными и слушать
Отъ нихъ рассказы о мірскихъ дѣлахъ,
О томъ, кто силенъ, слабъ, кто плохъ, кто счастливъ;
И наблюдать мы будемъ сущность дѣлъ,
Какъ отъ боговъ посланники — и вмѣстѣ
Мы проживемъ весь вѣкъ въ стѣнахъ темницы,
Не вѣдая тревоги и тоски.

Эдмундъ.

Взять ихъ скорѣй!

ЛИРЪ.

Корделія моя,
Со мной ты, милая! На жертвы эти,

Вѣдь, сами боги сыплють ѿмїамъ!
Чтобъ разлучить насъ, надо прежде съ неба
Огонь похитить и обоихъ насъ
Огнемъ тѣмъ выжечь изъ темницы нашей.
Утри жъ глаза: о чемъ мы плакать станемъ?
Скорѣ всѣхъ враговъ сглодають черви,
Скорѣй отъ голода они издохнутъ,
Чѣмъ насъ съ тобой они заставятъ плакать.
Пойдемъ же!

(Лиръ и Корделїя уходятъ подъ стражей.)

Эдмундъ *(офицеру)*.

Капитанъ, сюда! Сейчасъ
Возьми записку эту и за ними
Иди въ тюрьму; записку тамъ прочти,
И что въ ней сказано — исполни тамъ же.

(Даетъ ему бумагу.)

Я отличалъ тебя не разъ, и снова
Тебя я отличу. Ты долженъ знать,
Что время дѣлаетъ людей, что жалость
Солдату не прилична. Разсужденїй
Не надо мнѣ. Рѣшаешься ли ты
Мою исполнить волю?

Офицеръ.

Да, милордъ!

Эдмундъ.

Иди жъ. Исполни и тотчасъ дай знать.
Не надо медлить. Что найдешь въ запискѣ,
То ты и сдѣлай.

Офицеръ.

Все, что можно сдѣлать,
Я выполню по мѣрѣ силъ моихъ.

(Уходитъ.)

247

Трубы. Входятъ: Альбани, Гонерилья, Регана, офицеры и свита.

Альбани.

Хвала вамъ, Глостеръ! доблестно и смѣло

Вели вы бой сегодня, и въ рукахъ
У васъ враги, съ которыми вы бились.
Отдайте же намъ плѣнниковъ; мы съ ними
Поступимъ такъ, какъ требуютъ ихъ санъ
И наша безопасность.

ЭДМУНДЪ.

Я велѣлъ ужъ
И старика презрѣннаго, и дочь
Держать подъ сильной стражей. Есть опасность
Въ ихъ званіи, въ ихъ бѣдствіяхъ и плѣнѣ:
Надъ ними можетъ сжалиться народъ
И противъ насъ возстать. Обоихъ плѣнныхъ
Я послѣ выдамъ вамъ: теперь не время.
Съ насъ льются кровь и потъ; на бранномъ полѣ
Лежатъ друзья убитые — и тяжки
Минуты послѣ самой славной битвы!
О королевѣ и ея отцѣ
Здѣсь говорить не мѣсто.

АЛЪБАНИ.

Графъ, позвольте
Мнѣ вамъ сказать, что васъ считаю я
Военачальникомъ намъ подчиненнымъ —
Никакъ не братомъ.

РЕГАНА.

Это наше дѣло.
Могли бы, герцогъ, вы у насъ спросить,
Какъ мы разсудимъ. Передъ нашимъ войскомъ
Онъ въ бой ходилъ, онъ представлялъ собою
Лицо и власть мою — и смѣло можетъ
Назваться братомъ вашимъ.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Тише! тише!
Самъ по себѣ онъ выше повышеній
И милостей твоихъ.

РЕГАНА.

Зато и взысканъ
Онъ милостью отъ насъ.

ГОНЕРИЛЬЯ.

И такъ ужъ взысканъ,
Что ты его назвать готова мужемъ.

РЕГАНА.

Смотри, не напророчь!

ГОНЕРИЛЬЯ.

Стой, стой, сестрица!

Любовь слѣпа: не довѣрай глазамъ.

РЕГАНА.

Сестра, я нездорова, безъ того
Тебѣ сумѣла бъ я отвѣтить. Глостеръ!
Бери себѣ мои войска, всѣхъ плѣнныхъ,
Владѣнія мои — повелѣвай
Всѣмъ, что имѣю я, и мной самою!
Здѣсь все твое! Передъ лицомъ вселенной
Я признаю тебя своимъ супругомъ
И властелиномъ.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Какъ? осмѣлся только
Ты это сдѣлать!

АЛЬБАНИ (*Гонерилья*).

Отъ тебя соглася
Не требуютъ.

ЭДМУНДЪ (*Альбани*).

И отъ тебя, конечно.

АЛЬБАНИ.

Постой еще, мой незаконный братецъ!

РЕГАНА (*Эдмунду*).

Сбери жъ войска при барабанномъ боѣ
И объяви, что власть мою тебѣ
Я отдала.

АЛЬБАНИ.

Молчать и слушать смирно!
Эдмундъ, тебя я обвиняю здѣсь
Въ измѣнѣ государственной, и эту

(*указывая на Гонерилью.*)

Змѣю красивую, съ тобою вмѣстѣ,
Я отдаю подъ стражу.
(*Реганѣ.*) Васъ, сестрица,
Прошу я отмѣнить замужство ваше,
Чтобъ не вредить женѣ моей; она

Давно сдружилась съ этимъ полководцемъ.
Когда хотите замужъ, постарайтесь
Мнѣ приглянуться; а моя супруга
Уже помолвлена.

ГОНЕРИЛЛЯ.

Что это значить?

АЛЪБАНИ.

Ты, Глостеръ, при оружїи. Герольды!
Трубите въ трубы!
(Кидаетъ перчатку.) Вотъ моя перчатка!
Когда никто не явится сюда,
Чтобъ честнымъ боемъ и судомъ Господнимъ
Намъ доказать, что ты въ измѣнѣ тяжкой,
Коварной и неслыханной повиненъ,
Я самъ — теперь же, не вкусивши хлѣба —
Съ тобою въ бой вступлю и докажу
Всю правду словъ моихъ.

РЕГАНА.

Мнѣ тяжело, тяжело!

ГОНЕРИЛЛЯ (въ сторону).

Мой ядъ хорошъ; я не ошиблась въ ядѣ!

ЭДМУНДЪ (кидая перчатку).

Вотъ мой залогъ - и если въ цѣломъ свѣтѣ
Найдется лжецъ, посмѣвшій называть
Меня измѣнникомъ — при трубномъ звукѣ,
Его и всѣхъ другихъ клеветниковъ
Зову сюда я на смертельный бой
За честь мою и правду!

248

АЛЪБАНИ.

Эй, герольды!

ЭДМУНДЪ.

Герольдъ, сюда!

АЛЪБАНИ.

На собственную силу
Ты положиться долженъ. Ты безъ войска.

Я созвалъ войско, я и распустилъ!

РЕГ АН А.

Мнѣ хуже... я больна...

Входитъ Герольдъ.

А ЛЬ Б А Н И.

Въ мою палатку

Отвести ее. Она больна. *(Регану уводятъ.)*

Герольдъ!

Прочти намъ это. *(Даетъ герольду бумагу.)*

О Ф И Ц Е Р Ъ.

Трубачи, трубите! *(Трубятъ.)*

Г Е Р О Л Ъ Д Ъ *(читаетъ)*. «Если кто изъ рыцарей и знатныхъ людей желаетъ доказать силой оружія, что Эдмундъ, называющій себя графомъ Глостеромъ, есть великій измѣнникъ отечеству, тотъ долженъ явиться послѣ третьяго зова трубою. Противникъ готовъ его встрѣтить».

Э Д М У Н Д Ъ. Труби!

(Трубятъ въ первый разъ.)

Г Е Р О Л Ъ Д Ъ. Еще!

(Трубятъ во второй разъ.)

Г Е Р О Л Ъ Д Ъ. Еще!

(Трубятъ въ третій разъ. За сценой отвѣчаетъ труба.)

Входитъ Эдгаръ, вооруженный. Впереди его идетъ Трубачъ.

А ЛЬ Б А Н И *(герольду)*.

Спроси его, зачѣмъ на трубный вызовъ

Явился онъ.

Г Е Р О Л Ъ Д Ъ.

Ты, рыцарь неизвѣстный,

Кто ты таковъ, какъ звать тебя, и вызовъ

Зачѣмъ ты принялъ?

Э Д Г А Р Ъ.

Знайте всѣ, что имя

Мое погбло, сглодано измѣной;

Но благородень я, какъ мой противникъ,

И съ нимъ хочу я биться.

А ЛЬ Б А Н И.

Кто же онъ?

Э Д Г А Р Ъ.

Кто смѣетъ здѣсь назвать себя Эдмундомъ

И графомъ Глостеромъ?

ЭДМУНДЪ.

Я — Глостерь! Дальше!

ЭДГАРЪ.

Ты вынь свой мечъ и за слова мои
Готовься мстить: мой мечъ ужъ наготовѣ.
Здѣсь — въ силу чести рыцарской и клятвъ —
Я, несмотря на всѣ твои заслуги,
На санъ твой, доблесть, первыя побѣды,
Тебя зову измѣнникомъ безбожнымъ,
Губителемъ родителя и брата,
Бунтовщикомъ противъ законной власти
И извергомъ отъ головы до ногъ!
Скажи лишь «нѣтъ» — и этою рукою
И силою моею, и мечомъ,
Я докажу, что лжешь ты!

ЭДМУНДЪ.

Могъ бы я
Спросить, кто ты; но самъ я не желаю
Отсрочить боя: воинъ ты по виду
И дворянинъ по рѣчи. Здѣсь кидаю
Тебѣ въ лицо твои я обвиненья,
Зову бездѣльникомъ, гнушаюсь
Безсильнымъ ядомъ клеветы твоей
И, взявши мечъ, вобью тебѣ я въ горло
Назадъ всю ложь твою! Трубить, герольды!

(Трубы. Сраженіе. Эдмундъ падаетъ.)

АЛБАНИ.

Пощада павшему!

ГОНЕРИЛЬЯ.

Обманутъ Глостерь!
Не побѣжденъ — обманутъ ты безчестно!
Зачѣмъ, въ противность рыцарскому праву,
На вызовъ незнакомца ты отвѣтилъ?

АЛБАНИ.

Зажми свой ротъ, злодѣйка, или я
Забью его бумагой этой.
(Эдмунду.) Извергъ,
Читай теперь свое ты обвиненье!
(Гонерилья.) Не вырывай бумаги! Вижу я,

Что и тебѣ она давно знакома.

(Даетъ письмо Эдмунду.)

ГОНЕРИЛЬЯ.

Нѣтъ нужды въ томъ. Здѣсь я повелѣваю,
И некому судить меня!

АЛЪБАНИ.

Ты знаешь
Бумагу эту?

ГОНЕРИЛЬЯ.

Нѣтъ тебѣ отвѣтовъ!

(Уходитъ.)

АЛЪБАНИ *(офицеру)*.

Смотри за ней: она близка къ безумью.

ЭДМУНДЪ.

Все, въ чемъ ты обвинялъ меня, и много
Еще другого въ жизнь мою я сдѣлалъ,
Оно прошло и жизнь прошла. Но кто ты,
Противникъ мой счастливый? Если ты,
По крови благородень, то тебя
Прощаю я.

ЭДГАРЪ.

Услуга за услугу!

249

Эдмундъ, не ниже я тебя по крови,
А если выше, то еще страшнѣй
Твоя вина. Я — братъ твой! Боги справедливы:
Прошедшихъ дней веселые пороки
Для насъ орудья пытки создаютъ.
За темное рожденіе твое
Потерей глазъ отецъ твой поплатился.

ЭДМУНДЪ.

Вы правы, о благія силы Неба!
Вы правы! Колесо свой полный кругъ
Свершило — и повержень я.

АЛЪБАНИ *(Эдгару)*.

Приди жъ
Ко мнѣ въ объятъя. Сразу я призналъ
Высокій санъ въ тебѣ. Любилъ всегда я
Тебя и твоего отца.

ЭДГАРЪ.

Я знаю
Все это, герцогъ.

АЛЪБАНИ.

Гдѣ же ты скрывался?
Какъ ты узналъ про бѣдствія отца?

ЭДГАРЪ.

Я ихъ дѣлилъ все время. Мой рассказъ
Не дологъ будетъ; а когда я кончу,
Пускай душа замретъ съ моимъ рассказомъ!
Мила намъ жизнь: отъ приговора злого
Скрывался я подъ рубищемъ безумца,
Когда слѣпой отецъ мой, со слѣдами
Кровавыми на мѣстѣ глазъ безцѣнныхъ,
Со мною встрѣтился. Съ тѣхъ поръ я былъ
Его вожатымъ и его кормильцемъ;
Я утѣшалъ его; я подаюня
Ему просилъ; но — горе мнѣ: не смѣлъ я
Ему открыть, кто я! Сегодня только,
Готовясь въ бой, ему я рассказалъ
Все про себя и передъ смертнымъ боемъ
У старца попросилъ благословенья.
Увы, его истерзанное сердце
Не вынесло борьбы блаженства съ горемъ —
И умеръ, улыбаясь, мой отецъ!

ЭДМУНДЪ.

Меня ты тронулъ; можетъ-быть, къ добру
Ты говоришь, скорѣе продолжай:
Я вижу, что не все сказалъ ты.

АЛЪБАНИ.

Нѣтъ,
Довольно горькихъ словъ! Нѣтъ силы больше
О прежнихъ слышать...

ЭДГАРЪ.

Въ самую минуту,
Когда рыдалъ я надъ моимъ отцомъ,

Къ намъ челоуѣкъ приближился. Онъ прежде
Во мнѣ безумца видѣлъ; но, узнавши,
Кто я такой, онъ въ сильныя обѣятья
Меня схватилъ — и страшное рыданье
Онъ поднѣлъ къ Небу, и на трупъ отца
Онъ бросился и разсказалъ про Лира
И про себя печальнѣйшій разсказъ,
Когда-нибудь разсказанный на свѣтѣ.
И говорилъ онъ — и во время рѣчи
Его тоска росла, и струны жизни
Въ немъ обрывались. Тутъ раздались трубы —
И я его оставилъ.

АЛЪБАНИ.

Кто же онъ?

ЭДГАРЪ.

Кентъ, сэръ, изгнанникъ Кентъ. Службой одѣвшись,
Служилъ онъ государю и врагу,
Какъ самый рабъ служить не согласится.

Вбѣгаетъ Джентльмэнъ изъ свиты Гонерилли. Въ рукахъ у него окровавленный ножъ.

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Бѣда! Спасите!

ЭДГАРЪ.

Гдѣ бѣда?

АЛЪБАНИ.

Въ чемъ дѣло?

ЭДГАРЪ.

Зачѣмъ съ ножомъ ты?

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Этотъ ножъ въ крови:
Самоубійство!

АЛЪБАНИ.

Кто убилъ себя?

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Супруга ваша, герцогъ! Отравила
Она сестру — и сознается въ томъ!

ЭДМУНДЪ.

Объимъ я далъ слово — и намъ всѣмъ

Не долго свадьбы ждать.

АЛБАНИ.

Живыхъ иль мертвыхъ,
Несите ихъ сюда. Трепещемъ мы
Передъ судомъ Небесъ, но сожалѣнья
Не въ силахъ ощущать.

(Джентльмэнъ уходитъ.)

Входитъ КЕНТЪ.

ЭДГАРЪ.

Вотъ Кентъ

АЛБАНИ.

Да, это онъ!
Намъ некогда привѣтствовать его
Такъ, какъ велитъ приличіе.

КЕНТЪ.

Сюда
Пришелъ затѣмъ я, чтобы государю
И господину моему сказать:
«Ночь добрая!» Не здѣсь онъ?

250

АЛБАНИ.

Мы забыли
Про главное. Скажи скорѣй, Эдмундъ,
Гдѣ нашъ король? гдѣ дочь его меньшая?

(Вносятъ тѣла Реганы и Гонерилы.)

Ты это видишь, Кентъ?

КЕНТЪ.

Что это значитъ?

ЭДМУНДЪ.

Да, былъ любимъ Эдмундъ! Сестра сестру
Изъ-за него стубила и потомъ
Себя зарѣзала.

АЛБАНИ.

Да, это правда.

Закройте лица сумрачныя имъ.

ЭДМУНДЪ.

Не долго жить мнѣ. Вопреки природѣ,
Добро хочу я сдѣлать. Поскорѣ
Гонца пошлите въ замокъ. Торопитесь:
Я Лира и Корделию велѣлъ
Тамъ умертвить. Не медлите!

АЛЪБАНИ.

Бѣгите!
Бѣгите всѣ!

ЭДГАРЪ (*герцогу*).

Куда жъ бѣжать? Кому приказъ былъ отданъ?
(*Эдмунду*). Пошли отмѣны знакъ!

ЭДМУНДЪ.

Мой мечъ возьми
И капитану передай.

АЛЪБАНИ.

Скорѣ
Бѣги, спѣши, коль жизнь тебѣ мила!

(*Эдгаръ уходитъ.*)

ЭДМУНДЪ.

Я и твоя жена вдвоемъ рѣшили
Корделию повѣсить и потомъ
Слухъ распустить, что на самоубійство
Въ отчаянны рѣшилася она.

АЛЪБАНИ.

Пусть небеса хранятъ ее! Несите
Его отсюда! (*Эдмунда уносятъ.*)

*Входитъ КОРОЛЬ ЛИРЪ съ мертвой Корделией въ объятіяхъ.
За Лиромъ ЭДГАРЪ, офицеры, воины и толпа народа.*

ЛИРЪ.

О, войте! войте! войте! Вы изъ камня —
Изъ камня, люди! Если бъ я имѣлъ
И столько глазъ, и столько языковъ,
Отъ слезъ моихъ и стоновъ сводъ небесный
Распался бы! Она навѣкъ заснула:
Я жизнь отъ смерти различать умѣю.
Она мертва, какъ комъ земли. Подайте

Мнѣ зеркало: когда ея дыханье
Стекла поверхность затемнить, скажу я —
Скажу я, что жива она!

КЕНТЪ.

Насталъ
Послѣдній день для міра!

ЭДГАРЪ.

Страшно! страшно!
Смерть, гдѣ ты?

ЛИРЪ (держитъ перо у губъ Корделіи).

Тс! Перо зашевелилось.
Она жива! О, если это такъ,
То разомъ награждень я за страданья,
Какія въ жизни зналъ я!

КЕНТЪ (*бросаясь къ ногамъ Лира*).

Государь!
Мой добрый государь!

ЛИРЪ.

Прошу тебя -
Прочь, прочь!

ЭДГАРЪ.

То другъ вашъ, честный Кентъ.

ЛИРЪ.

Чума на васъ, измѣнники, убійцы!
Я бъ могъ спасти ее; теперь навѣки
Она ушла отъ насъ. Постой еще,
Корделія! Корделія, помедли
Хотя немного! А? Что ты сказала?
У ней былъ нѣжный, милый, тихій голосъ —
Большая прелесть въ женщинѣ. Убилъ я
Раба, который вѣшалъ дочь мою.

ОФИЦЕРЪ.

Да, онъ убилъ его.

ЛИРЪ.

Убилъ, не такъ ли?
Когда-то было время: могъ бы я
Моею острой саблей ихъ заставить

Попрыгать всѣхъ; теперь я старъ. Отъ горя
Я ослабѣлъ. Здѣсь такъ темно. Глаза
Мои не зорки.

КЕНТЪ.

О, когда фортуна
Двумя людьми способна похвалиться,
Которыхъ ей любить и ненавидѣть
Въ одно и то же время приходилось,
То одного изъ нихъ позоръ мы видимъ.

ЛИРЪ.

Ты будто Кентъ?

КЕНТЪ.

Я — Кентъ, слуга вашъ вѣрный.
Гдѣ Кайюсъ, что служилъ вамъ?

ЛИРЪ.

Умеръ онъ
И сгнилъ. Онъ, помнится, былъ честный малый;
Умѣлъ онъ храбро биться.

КЕНТЪ.

Государь,
Не умеръ онъ: онъ здѣсь — я самъ...

ЛИРЪ.

Увидимъ.

251

КЕНТЪ.

Сначала самого страданій вашихъ
Я шелъ за вами слѣдомъ.

ЛИРЪ.

Очень радъ
Тебя я видѣть здѣсь.

КЕНТЪ.

Не можетъ быть
Здѣсь радости: все горько и печально!
Ужасной смертію погибли ваши

Двѣ дочери.

ЛИРЪ.

Мнѣ кажется, что такъ.

АЛЪБАНИ.

Не знаетъ онъ, что говоритъ. Напрасно
Къ нему мы обращаемся.

ЭДГАРЪ.

Такъ точно.

Входитъ ОФИЦЕРЪ.

ОФИЦЕРЪ.

Эдмундъ скончался.

АЛЪБАНИ.

Намъ не до Эдмунда!
Вы, лорды и друзья мои, узнайте
Намѣренія наши. Чѣмъ лишь можемъ
Утѣшить мы великаго страдальца —
Все будетъ сдѣлано. Всю нашу власть
Мы старцу-королю предоставляемъ:
Пусть царствуетъ до гроба.
(*Эдгару и Кенту.*) Вамъ обоимъ
Права мы возвращаемъ и еще
Васъ наградимъ. За вѣрность и добро —
Почетъ друзьямъ; враги же пусть осушатъ
Всю чашу золь. Глядите! о, глядите!

(*Указываетъ на Лиру.*)

ЛИРЪ (*около трупа Корделии*).

Повѣшена моя малютка! нѣтъ, нѣтъ жизни!
Зачѣмъ живутъ собака, лошадь, крыса —
Въ тебѣ жъ дыханья нѣтъ? О, никогда
Ты не придешь, ты не вернешься къ намъ!
Никогда! никогда! никогда! никогда!
(*Офицеру.*) Пожалуйста, вотъ пуговицу эту
Мнѣ отстегните. Сэръ, благодарю васъ!
Вы видите ли это? Поглядите
Вы на нее. Уста ея... взгляните...
Взгляните... о, взгляните!... (*Умираетъ.*)

ЭДГАРЪ.

Онъ въ обморокъ! Государь!

КЕНТЪ.

О, сердце,
Когда ты разорвешься!

ЭДГАРЪ.

Поглядите!

КЕНТЪ.

Не оскорбляй души его. Пускай
Она отходитъ съ миромъ: только врагъ
Его вернуть захочетъ къ пыткамъ жизни.

ЭДГАРЪ.

Такъ умеръ онъ?

КЕНТЪ.

Какъ могъ еще страдалецъ
Такъ долго жить и мучиться такъ долго?

АЛЪБАНИ.

Несите мертвыхъ. Намъ одно осталось:
Великій плачъ.
(Кенту и Эдгару.) Вамъ, вѣрные друзья,
Сдаю я власть надъ царствомъ и заботы
Объ участи его.

КЕНТЪ.

Нѣтъ, герцогъ, надо
Мнѣ въ путь итти: меня король зоветъ!

АЛЪБАНИ.

Смиримся же предъ тяжкою годиною;
Безъ ропота дадимъ мы волю сердцу!
Всѣхъ больше вынесъ старецъ; намъ же всѣмъ
Не видѣть столькихъ лѣтъ и столько горя.

(Уходятъ при звукахъ погребальной музыки.)

А. Дружининъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «КОРОЛЮ ЛИРУ».

Первое изданіе «Лиры» вышло въ свѣтъ въ 1608 году; полное его заглавіе очень любопытно: «M-r William Shake-speare his True Chronicle History of the

Life and Death of King Lear, and his three Daughters. With the unfortunate Life of Edgar, Sonne and Heire to the Earle of Glocester, and his sullen and assumed Humour of Tom of Bedlam. As it was plaied before the King's Majesty at White-Hall, uppon S. Stephens Night; in Christmas Hollidaies. By his Majesties Servants playing usually at the Globe on the Banck-side. Printed for Nathaniel Butter, and are to be sold ad his Shop in Paul's Churchyard at the Signe of the Pied Bull neere St. Austius Gate».

Въ томъ же году вышла драма еще двумя изданіями и потомъ уже, по неизвѣстнымъ причинамъ, не пересчитывалась до 1623 года. Почти всѣ драмы Шекспира перепечатывались по нѣскольку разъ: «Ричардъ II» выдержалъ четыре изданія, «Ричардъ III» — пять, «Ромео и Юлія» — четыре, первая часть «Генриха IV» — шесть, «Генрихъ V» — три, «Виндзорскія кумушки» — два, «Гамлетъ» — четыре.

Сюжетъ Лира былъ обработанъ не разъ и до Шекспира. Около 1605 года была напечатана пьеса подъ заглавіемъ: «The true Chronicle Histori of King Leir and his three Daughters, Gonorill, Ragan, and Cordella as it hath beén divers and sundry times lately acted» въ 1594 году въ «Stationers'Hall» была поставлена на сцену пьеса: «The moste famous Chronicle Hystorie of Leire King of England, and his Three Doughters».

Дѣйствіе I, сцена IV.

Шу т ъ . *Бери-ка себѣ мой колпакъ!*

говорить шу т ъ , обращаясь къ Кенту.

Доусъ такъ описываетъ колпаки шутовъ (fool): «Колпаки эти (soxcomb — sock's comb, пѣтушій гребень) по своей формѣ очень были похожи на монашескіе капюшоны и закрывали не только всю голову, но и плечи и часть груди. По бокамъ пришивались къ нимъ иногда ослиныя уши, съ бубенчиками на концѣ каждаго изъ нихъ. Верхъ колпака заканчивался иногда пѣтушьей головою или просто большимъ пѣтушымъ гребнемъ, а иногда и просто бубенчикомъ: ко всему этому нѣкоторые прибавляли еще пѣтушье перо».

Тамъ же.

Шу т ъ . *Тотъ съ тобой сыгралъ горькую шутку, кто тебѣ, дураку, посоветовалъ сдать твои владѣнья въ чужія руки.*

Вышеприведенныя строки намекаютъ на величайшее злоупотребленіе, которое Елизавета не только постоянно допускала, но даже считала однимъ изъ важныхъ подспорій своей власти и своего вліянія на дворянство. Она очень охотно раздавала знатымъ и богатымъ людямъ монополіи на предметы первой необходимости: желѣзо, кожи, шерсть, уголь, стекло, бумага, поташъ, селитра и т. д. — все это было предметомъ различныхъ монополій — и всѣ удивлялись тому, что продажа хлѣба никому не отдана была на откупъ.

Дѣйствіе II, сцена III.

ЭДГАРЪ.

Я знаю, въ этомъ краѣ есть не мало

*Безумцевъ дикихъ и крикливыхъ: бродягъ
Они по селамъ, мельницамъ и фермамъ,
По бѣднымъ деревнямъ, въ нагія руки
Себѣ втыкая гвозди и колючки
И, въ этомъ странномъ видѣ, умолая
О подаяніи*

253

Здѣсь опять Шекспиръ имѣетъ въ виду живую современность; по крайней мѣрѣ то, что Гаррисонъ рассказываетъ объ Англіи въ царствованіе Елизаветы, въ своей «Pictorial History of England», совершенно сходится съ вышеприведенными словами Шекспира и служить имъ страшнымъ подтвержденіемъ. Нѣсколько страницъ своей книги, посвящаетъ Гаррисонъ описанію различныхъ родовъ нищенства и тѣхъ ухищреній, которыя употребляютъ разные бродяги для выпрашиванья милостыни и возбужденія къ себѣ состраданія въ людяхъ. Онъ упоминаетъ, между прочимъ, что цѣлыя скопища такихъ бродягъ часто держались въ пустынныхъ, необитаемыхъ мѣстахъ и дѣлали ихъ дѣйствительно опасными для проѣзжихъ и прохожихъ. Кромѣ того, онъ говоритъ, что эти же бродяги, часто, подъ покровомъ своей нищеты или убожества, вынуждали добрыхъ людей къ гостепріимству и потомъ, при помощи своихъ же собратій, самымъ безстыднымъ образомъ грабили или поджигали тотъ самый кровъ, подъ которымъ находили себѣ убѣжище. Гаррисонъ прибавляетъ, что уже и въ его время ихъ (вѣроятно, около Лондона) насчитывали до 10,000 душъ обоего пола, что они составляли правильно организованныя общины, у которыхъ были твердо-установившіяся правила дѣйствій и обычаи; они говорили особеннымъ мошенническимъ языкомъ, въ которомъ замѣчалось много словъ французскихъ и итальянскихъ.

Дѣйствіе III, сцена II.

Ш у т ь . Это предскажетъ Мерлинъ, потому что я живу до его времени.

Старый британскій чародѣй, выставляется здѣсь въ качествѣ пророка, какъ и въ первой части драматической хроники «Король Генрихъ IV». (Дѣйствіе III, сцена I).

Дѣйствіе III, сцена IV.

Эдгаръ . Злой духъ гонялъ его по огню и пламени, по бродамъ и пучинамъ, по болоту и ямамъ, клалъ ему ножи, вмѣсто подушки, кормилъ мышьякомъ.

Эдгаръ постоянно старается прикидываться бѣсноватымъ, а потому безпрестанно вспоминаетъ различныхъ бѣсовъ, то прося у нихъ пощады, то отгоняя ихъ отъ себя. Имена этихъ бѣсовъ заимствованы Шекспиромъ не изъ народныхъ повѣрій, а изъ литературы того времени, когда весьма обыкновеннымъ дѣломъ бывали процессы надъ вѣдьмами, колдунами и т. д. Такъ, напримѣръ, въ безобразной и нелѣпѣйшей книгѣ доктора Самуила Гэрснета (впослѣдствіи архіепископа Іоркскаго), изданной въ 1603 году,

упоминаются тѣ же самыя имена бѣсовъ, какія встрѣчаемъ мы у Шекспира. Гэрснетъ говоритъ, между прочимъ, что «Фратиретто, Флибердиджиббетъ, Гобердидэнсъ и Токобатто были четыре весьма важные дьявола, ибо подъ началомъ у cadaго изъ нихъ находилось около 40 бѣсовъ». Кромѣ того, Гэрснетъ говоритъ, что «Модо (упоминаемый также въ этой сценѣ Эдгаромъ) былъ княземъ надъ всѣми бѣсами».

Дѣйствіе IV, сцена I.

ГЛОСТЕРЪ.

*Тамъ есть утесъ высокій; наклонившись
Вершиной смѣлою, въ пучину моря
Глядитъ онъ грозно...*

Скала, о которой упоминаетъ здѣсь Шекспиръ, дѣйствительно находится не болѣе какъ въ одной милѣ на западъ отъ Довера и, по новѣйшимъ измѣреніямъ, возвышается на 313 футовъ надъ поверхностью воды во время самаго сильнаго прилива. Предполагаютъ, что она теперь нѣсколько понизилась противъ той высоты, какой она достигала лѣтъ 300 тому назадъ; что же касается ея формы, то она, по замѣчанію ученыхъ, едва-ли могла измѣниться — и потому описаніе ея, въ вышеприведенныхъ словахъ Шекспира, не совсѣмъ вѣрно: она не только не нависла надъ моремъ, но даже вовсе не такъ отвѣсна, какъ можно заключить изъ Шекспирова описанія.

Дѣйствіе IV, сцена VI.

ЭДГАРЪ.

*Надъ обрывомъ,
Межъ дномъ и нами, человекъ повиснулъ
И рветъ укропъ — ужасное занятъе!*

У Шекспира сказано: *dreadful trade* — ужасная торговля.

Изъ этихъ словъ видно, что Шекспиру были до мелочей извѣстны окрестности Довера, потому что онъ упоминаетъ объ одной изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности, которой преимущественно занимались жители окрестностей Довера — о собираніи укропа, которымъ, можетъ быть, и эта скала такъ же была богата, какъ и смежныя съ нею скалистыя побережья.
